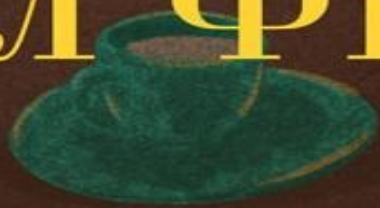

• НАТАЛИ ДОУСОН •

ЗАЛ ФЕЙ

• ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ •

Annotation

Отправившись из Лондона в Бат, вы непременно остановитесь в Кромберри, старом городе на реке. Здесь доживает в приюте свои годы нянька погибшей при странных обстоятельствах миссис Дримлейн, расставляет сети в водах Крома браконьер Подрик Плам и судья Хоуксли расследует дело о страшных убийствах юных девушек. Здесь каждый рискует оказаться под подозрением, ведь у убийцы могут быть десятки масок, сотни обликов, которые он меняет так же легко, как горничная – увядшие букеты в вазах...

- [Натали Доусон](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Натали Доусон
Зал фей

Глава 1

Не подлежит сомнению истина: чтобы началась одна история, другая должна закончиться. Эта история начинается с последнего выхода на сцену миссис Фолбрайт, по совести говоря, на редкость неприятной, сварливой и жадной старушки. К счастью, в нашем повествовании эта почтенная дама появляется уже после своей неожиданной кончины, лежащая молча, как ей и полагается, в неприлично роскошном гробу, – ее внук и единственный наследник расстарался.

Достоинства последнего пристанища миссис Фолбрайт громким шепотом обсуждали две ее ближайшие подруги, пока викарий, ежась под холодным ноябрьским дождем, с трудом выдавливал из себя добрые слова в адрес покойницы.

– Кистей могло бы быть и поменьше, – ворчала сухопарая дама в порыжевшем черном плаще – его надевала на похороны еще ее давно почившая матушка.

– Вот именно, как будто мы хороним епископа! – Низенькая толстушка едва могла сдержать завистливый вздох. – Впрочем, чего еще можно ожидать от Бартоломью? Уж поверьте, он растрянжирит все свое наследство за каких-нибудь полгода, а то и меньше!

– Полагаю, ему хватит и трех месяцев, – кивнула подруга и неодобрительно взглянула на викария – пора бы уже заканчивать церемонию, пока кто-нибудь не подхватил простуду и не последовал за миссис Фолбрайт. – Дорогая Пейшенс откладывала каждый пенни.

– И могла бы отложить еще, если бы ее труды не были так внезапно прерваны, – многозначительно заметила полная дама.

– Да, смерть порой бывает внезапна, даже, осмелюсь сказать, чересчур внезапна, – вторая леди зябко передернула костлявыми плечами.

– Говорят, доктор Хаддон сделал все, что мог...

Тон толстушки явно противоречил ее словам, и тощая дама несколько раз энергично кивнула, так, что капюшон сполз ей на плечи, подставив дождю редкие седые букли.

– Вот только нам с вами никогда не узнать, так ли это, – заявила она, почти не понижая голос. – Болтают, что доктор Хаддон уже не проявляет такого внимания к пациентам, как в прежние годы, когда он только начал практику и должен был заслужить свою репутацию. И слишком часто доверял смешивание лекарств своему ученику, этому бестолковому Чарли!

Мы уже говорили об этом третьего дня с миссис Хилл: кто знает, что он там намешал для миссис Фолбрайт, и не благодаря ли его средству Бартоломью может теперь позволить себе выпивать и играть в карты больше прежнего! Не зря же доктор Хаддон пообещал ей изготовить новое лекарство, да так и не успел это сделать...

Викарий, наконец, угомонился, и могильщики резво принялись опускать гроб в раскисшую землю. Прихожане оживились, предвкушая скорое окончание церемонии и поминальный завтрак, от которого ожидали обилия, соответствующего роскоши заказанного Бартоломью гроба.

И только стоявшие за спиной старых сплетниц две дамы в темных накидках и одинаковых шляпках с вуалью не торопились вслед за остальными.

– Теперь ты видишь, что натворила! – прошипела одна из них, резко стряхивая капли с зонтика. – Репутация твоего отца почти погублена, пациенты могут отказаться от его услуг, и все из-за твоей глупости! Неужели ты все еще веришь, что Бартоломью женится на тебе теперь, когда у него достаточно денег, чтобы уехать в Лондон и выбрать себе в жены настоящую леди?

Вторая дама, вернее, чуть полноватая девушка лет семнадцати, чье расстроенное личико надежно скрывала вуаль, жалобно шмыгнула носом.

– Я не думала, что все так случится, матушка! И отец уже простил меня! Вы же не считаете, что болтовня этих старых ведьм имеет какое-нибудь значение для пациентов отца, которые знают и уважают его уже двадцать лет?

– Простил! Да отец простит тебя, даже если ему придется просить милостыню из-за твоей... твоей... – Возмущенная миссис Хаддон не могла подобрать слов, чтобы описать преступления своей дочери, и даже не заметила, что Кэтрин ко всем своим прегрешениям еще и назвала старыми ведьмами самых что ни на есть почтенных дам Стоунфолла.

К счастью для мисс Хаддон, договорить ей не дал сам доктор Хаддон, опоздавший на прощание с одной из самых щедрых своих пациенток из-за срочного вызова в гостиницу «Гусь и пони». Одна из служанок глубоко порезала руку стеклом, выпавшим из старинного буфета.

– Наконец-то вы здесь! – Миссис Хаддон потянула супруга за рукав, побуждая его оторвать взгляд от неровного холмика, под которым нашла свой приют миссис Фолбрайт. – Идемте же, вам надо показаться на людях и изобразить подобающую скорбь, но ни в коем случае не чувство вины! Мы должны сделать все возможное, чтобы показать, с каким усердием вы пытались облегчить недуг бедной старушки!

Доктор Хаддон только слегка махнул рукой с зажатым в ней небольшим саквояжем в сторону гордо проплывающих впереди траурной процессии подруг миссис Фолбрайт.

– Полагаю, это бесполезно, дорогая. Судьи уже вынесли свой приговор, нам остается лишь смиренно покориться и с достоинством принять тяжкую участь рабов на сахарных плантациях. Если, конечно, нам не придет охота поднять пиратский флаг и грабить суда всех величеств без разбору. – Тучный доктор Хаддон с неожиданной резвостью обернулся и подмигнул дочери.

Кэтрин хихикнула и тут же прикусила губу, радуясь, что под густой вуалью мать не сможет разглядеть выражение ее лица.

– Что ж, если вам даже во время траурной церемонии никак нельзя обойтись без своих нелепых шуток, не говорите после, что это из-за моего дурного воспитания ваша дочь останется старой девой! – Миссис Хаддон решительно зашагала вперед и скоро догнала прихрамывающую супругу викария, которую заботливо подхватила под руку, хотя на самом деле терпеть не могла старую сплетницу.

– Уверен, вы прекрасно воспитали всех наших детей, моя дорогая, – пробормотал вслед супруге доктор Хаддон, но его улыбка стала грустной. – Идем, Кэтрин, не стоит заставлять твою матушку сердиться больше, чем может позволить себе ее желчный пузырь.

Кэтрин порадовалась, что мать не слышит этих слов, обсуждение подобных материй доктору Хаддону было строго запрещено даже в стенах собственного дома, за исключением приемной, не говоря уж о людных местах.

Девушка оперлась на руку отца, и они вместе поспешили за удаляющейся процессией, начало которой уже вытекло с кладбища и устремило свои жидкие воды в сторону дома миссис Фолбрайт.

Вымученные шутки отца ненадолго развеселили мисс Хаддон. Где угодно сейчас хотела бы оказаться Кэтрин, в ледяной пустыне или в чаще леса, полной ухмыляющих фейри, лишь бы не в душной, заставленной тяжеловесной мебелью гостиной миссис Фолбрайт.

Чувствовать на себе неодобрительные взгляды старых сплетниц и молодых завистниц – это она еще смогла бы вынести, но только не насмешливый взгляд Бартоломью. А в том, что этот взгляд будет именно насмешливым, Кэтрин не сомневалась.

Стоило ли спорить с матерью, когда миссис Хаддон упрекала ее в глупости? В самом деле, как же она была глупа! Должно быть, все здравомыслие в семье Хаддонов досталось старшим детям.

Маргарет удачно вышла замуж четыре года назад, и с тех пор все ее письма родным были наполнены описаниями чаепитий в изысканном доме ее свекрови и проделками маленького Уолтера. Джонатан благодаря своим выдающимся успехам в учении уже получил приход и женился на самой некрасивой из своих прихожанок, чем, без преувеличения, осчастливил ее отца, владевшего гостиницами в трех городках графства. С тех самых пор преподобный Хаддон все чаще поручал проповедовать и заниматься благотворительностью своему помощнику, а сам проводил время на морских курортах, заводя светские знакомства с легкостью образованного человека, умеющего поддержать остроумную беседу. То, что он порой забывал в гостях жену, словно трость или зонтик, никто из новых знакомых не поставил бы ему в упрек, а что думала бедная Эммелина, их не интересовало.

Доктор Хаддон, привыкший возделывать свою ниву денно и ночно, не одобрял образ жизни сына, но привычно гордился им, как и высоким положением, которое получила Маргарет благодаря замужеству.

После того как с родителями осталась одна лишь Кэтрин, Хаддон не спешил поощрять попытки супруги найти дочери мужа. И дело было не столько в юном возрасте Кэти, сколько в нежелании доктора проводить вечера, свободные от вызовов к больным, вдвоем с женой.

Пока Кэтрин была с матерью, доктор Хаддон мог использовать часы досуга, как ему заблагорассудится. Миссис Хаддон любила устраивать у себя чаепития для своих подруг из благотворительного общества, а несколько своеобразное чувство юмора доктора обычно доводило почтенных дам до желудочных расстройств. Чаще всего ему же и приходилось потом лечить эти расстройства, и помощник доктора, Чарли Баттенхейм, однажды поплатился недельным обедом за то, что пошутил на этот счет. «В самом деле, – заявил Чарли, – когда нашему доктору будет не хватать больных, способных оплатить лечение, он сумеет создать их сам. Это ли не чудо творения? Воскресить, убить и воскресить снова!»

Кэтрин тогда хохотала так, что едва не начала заикаться, но миссис Хаддон, чей слух способен был вызвать зависть даже у кошки, за три квартала слышавшей приближение тележки молочника, пришла в ярость.

Чарли тотчас был сурово наказан, да и Кэтрин едва не лишилась обещанной поездки в Брайтон, где доктор Хаддон обычно проводил первую неделю июля вместе с семьей, оставляя трепещущих пациентов в давно уже нечутких руках старого доктора Торнеби, ушедшего на покой еще до рождения старшей мисс Хаддон.

Глава 2

Сейчас Кэтрин чинно сидела на жестком стуле в самом затененном углу комнаты и вспоминала эти слова Чарли. Где-то он теперь? После случившегося доктор Хаддон отказался держать у себя Баттенхейма в качестве помощника, и мысли о бедном Чарли, которым пришлось пожертвовать ради блага ее семьи, отравляли едва ли не каждый час в жизни Кэтрин.

Почему, почему в самом деле нельзя воскресить миссис Фолбрайт? Если бы существовали такие способы, такие лекарства, Кэтрин не пожалела бы ни единого пенни из своего небогатого приданого, чтобы вернуть в этот мир старую скрягу.

Мисс Хаддон осторожно покосилась в сторону Бартоломью. Гадкий лицемер с видом самой что ни на есть настоящей утраты печально покачивал головой в ответ на бесконечные повторения сочувственных речей, столь же неискренних, как и его горе.

В том, что Бартоломью не поможет ей теперь, Кэтрин не сомневалась. Во всех их детских играх юный Фолбрайт выигрывал за счет ловкости и обмана, а не потому, что другие дети были менее сообразительными. Сестрам Хаддон позволялось играть с Бартоломью, пока их мать и миссис Фолбрайт обсуждали последние сплетни и старые рецепты, но Маргарет всегда была слишком скучной, чтобы придумать что-нибудь интересное. К тому же она, как и другие ее ровесницы, была по уши влюблена в обаятельного хитреца, что делало ее бесполезной в компании проказников. Кэтрин, тогда еще слишком маленькая, чтобы пережить первую детскую влюбленность, удостоилась дружбы Бартоломью за свою смелость и умение лазать по деревьям не хуже мальчишек. Кроме того, эта мисс Хаддон рисовала лучше всех юных леди Стоунфолла, включая тех, кто уже успел найти себе жениха.

Альбом Кэтрин покрывали карикатурные изображения соседок, их мужей, детей и даже собак, обычно походивших на своих хозяев вытянутой челюстью, визгливым лаем или неутомимым стремлением совать нос в чужие дела. Мисс Хаддон показывала заветный альбом только близким друзьям, ее мать навсегда отобрала бы у нее бумагу и карандаши, если бы увидела хотя бы один из рисунков. К примеру, портрет той же миссис Фолбрайт, держащей в руках голову Медузы Горгоны. Лицо несчастной Медузы, в котором безошибочно угадывались черты супруги викария, было

искажено от ужаса, змеи в волосах отпрянули назад, насколько можно, но миссис Фолбрайт с победным ликованием потрясала перед носом своей жертвы указательным пальцем, очевидно, читая той очередную нотацию о том, как надлежит выглядеть настоящей леди.

Бартоломью чуть ли не на коленях умолял Кэтрин подарить ему этот портрет, чтобы повесить в своей комнате, но мисс Хаддон держалась стойко.

– Когда я стану знаменитой художницей, подобно мисс Уотлингер, я продам тебе портрет твоей бабушки за двести или даже за пятьсот фунтов. Но не раньше! – Кэти не представляла, сколько могут стоить картины мисс Уотлингер, но тогда пятьсот фунтов казались ей баснословной суммой.

Если бы она могла получить хотя бы треть этих денег! Да даже четверть! Последние четыре года мисс Хаддон лелеяла свою заветную мечту и даже осмелилась однажды попросить у отца выдать ей часть ее приданого, чтобы эту мечту исполнить. Увы, доктор Хаддон, от которого, при его-то профессии, можно было ожидать определенной широты взглядов, и слышать не захотел о желании своей дочери.

– Уехать в Лондон, чтобы учиться живописи! Да после такого позора твоя мать не осмелится показать из дома даже кончик своего носа! У всех вас был вполне приемлемый учитель, он научил тебя держать карандаш и кисть, а дальше ты можешь развивать свое дарование, сколько тебе угодно. Хотя, признаться, язвительные шаржи на наших соседей еще не говорят о том, что ты талантлива.

Конечно, доктор Хаддон видел кое-какие страницы в альбоме дочери, Кэтрин сама иногда показывала ему свои наброски, чтобы развеселить отца после тяжелого дня. И вот ее доброта обернулась против нее самой!

Мисс Хаддон попыталась заговорить о растущей славе мисс Уотлингер, но доктор Хаддон прервал разговор, сославшись на недостаток времени. А Кэтрин-то надеялась, что он поддержит ее в неизбежном сражении с матерью! Увы, похоже, ей придется на всю жизнь остаться недоучкой, марающей бумагу как придется, когда другие женщины уже протискиваются между плотно сдвинутыми мужскими плечами, стремясь сделать карьеру на поприщах, сотни лет до того считавшихся уделом мужчин. И некоторым удавалось достичь успеха! Но среди этих женщин не будет мисс Хаддон. Ее имя не украсит собой художественные галереи, не появится в газетах, не будет вызывать восхищение и зависть у других девушек, побоявшихся бросить вызов условностям.

«Лучше бы они отпустили меня тогда, весной, – думала теперь Кэтрин с каким-то мстительным чувством, вызывавшим у нее одновременно

удовлетворение и стыд. – Сейчас миссис Фолбрайт принимала бы у себя лишь нескольких приближенных, закоренелых сплетниц, а Бартоломью еще лет десять пришлось бы дожидаться своего наследства! И, конечно, отец не страдал бы от того, что у него уменьшилось количество пациентов, а матушке не нужно было заискивать перед женой викария! А бедный, бедный Чарли! И я, боже мой, я не была бы такой несчастной!»

Мисс Хаддон поняла, что вот-вот расплачется, и стиснула кулачки, чтобы сдержать слезы. Почти сразу она вспомнила о дыхательных упражнениях, которым учил ее отец, и постаралась успокоиться, пока ее затравленный вид не привлек внимания находящихся в комнате людей. И без того она уже слышала свое имя, громким шепотом произносимое поочередно теми самыми дамами, которые позволили себе прямо на кладбище нелестные высказывания о докторе Хаддоне.

Ну, конечно, они, как и ее собственная мать, уверены в том, что Бартоломью ухаживал за ней только ради того, чтобы доктор Хаддон свел в могилу его единственную родственницу, чье крепкое здоровье не позволяло ему надеяться в ближайшие годы стать полноправным владельцем Фолбрайт-лодж. Тот факт, что доктор Хаддон уволил своего помощника, только подогрел котелок, в котором, тесно прижатые друг к другу, кипели местные сплетни. Что ж, если так, выходит, что Кэтрин соблазнила Чарли Баттенхейма, и, обманутый ее мнимыми добродетелями, юноша совершил преступление, подмешав отраву в лекарство миссис Фолбрайт. И как это его не арестовала полиция!.. Вот что занимало теперь устроившихся на самом большом диване дам. А мисс Хаддон еще осмелилась прийти сюда вместе с родителями и сидит как ни в чем не бывало, но она напрасно ждет, Бартоломью ни за что не подойдет к ней!

Свидетельства старого доктора Торнеби, подтвердившего, что миссис Фолбрайт скончалась от внезапного сердечного приступа, мало помогли доктору Хаддону. В определенных кругах Стоунфолла его репутация пошатнулась, если и не вовсе погибла, и попытки миссис Хаддон сделать вид, что все случившееся – лишь досадное стечение обстоятельств, не могли уже ничего исправить.

«Зачем мы здесь? – Кэтрин посмотрела сперва на мать, с видом полной покорности судьбе выслушивавшей болтовню викария, затем на отца, рядом с которым остался лишь его верный друг и старый учитель доктор Торнеби. – Наша храбрость только раззадоривает сплетниц. Того и гляди, они прямо обвинят нас в убийстве миссис Фолбрайт! Скорей бы уже все закончилось! Как было хорошо прежде, когда женщинам не позволялось участвовать в похоронах! Все эти ведьмы сидели бы по своим домам или

собирались бы изобретать все эти гнусные слухи тайком, делая вид, что скорбят о безвременно почившей подруге. И почему они не выказывают своего презрения Бартоломью, как будто он здесь вовсе ни при чем!»

Здесь, конечно, мисс Хаддон обманывала сама себя, полагая, что не знает причины, по которой только лишь ее семья лишилась уважения и дружбы лучшего общества Стоунфолла. Ее отец никому не рассказал о том, как все было на самом деле, вся вина досталась ему и Чарли.

К тому же в большинстве семей было хотя бы по одной дочери, племяннице или внучке, которой необходимо искать жениха, а избытка завидных женихов в Стоунфолле в последние пять-шесть лет не наблюдалось. Мистер Фолбрайт, рано потерявший родителей и воспитанный бабушкой, всегда считался прекрасной партией, а теперь, когда можно было не опасаться, что суровая миссис Фолбрайт лишит его наследства, если ей не понравится выбор внука, Бартоломью превратился в желанный трофей.

И, уж само собой, он не свяжет свою судьбу с дочерью доктора, на чьей репутации его же усилиями поставлено несмываемое пятно.

«Проклятые лицемеры! – По дороге домой, после того, как эта пытка наконец закончилась, Кэтрин дала себе волю, мысленно перебирая все известные ей ругательства, почерпнутые у Чарли Баттенхейма и все того же Бартоломью. – Как же мне хочется уехать отсюда! Хоть бы Маргарет пригласила меня погостить месяц или два! Я бы согласилась сколько угодно вытирать нос и читать сказки ее капризному Уолтеру, лишь бы только не дышать ядовитым воздухом Стоунфолла, только бы не видеть все эти лица! Да разве ж свекровь Маргарет захочет принять у себя заблудшую овцу?»

На это нечего было и надеяться. Кэтрин уже представляла себе, как запретя в своей комнате и вволю порыдает, до тех пор, пока губы не опухнут, а глаза не превратятся в две щелочки, отсвечивающие мутно-серым, когда ее мать внезапно остановилась, не дойдя до своего палисадника каких-нибудь пятнадцать футов.

– Гостиница! Ну, конечно! Как хорошо, что эта горничная порезала руку именно в гостинице!

– Моя дорогая, даже в такой несчастный день подобные речи непростительны! – Доктор Хаддон повернулся к жене с возмущенным видом, но она не дала ему продолжить.

– Бог мой, конечно, я не рада, что бедняжка поранилась! – отмахнулась миссис Хаддон от непроизвучавших обвинений в жестокосердии. – Если бы не она, вы не упомянули бы о гостинице, а я бы не вспомнила, что у нас

есть Томас!

– Ваш брат? – после некоторой паузы переспросил ее супруг. – Признаться, я думал, своим недавним подарком он заслужил хотя бы такую малость, как задержаться в вашей памяти на три-четыре недели!

– Окорок был хорош, не спорю, но его письмо, полное такого отвратительного самодовольства!.. Вот уж о чем я предпочла поскорее забыть! – возразила миссис Хаддон и тут же оборвала сама себя. – Как бы там ни было, я не собираюсь говорить ни о корзине, ни об этом безграмотном послании! Мы уже все обсудили, и я не вижу необходимости тратить время, восхваляя окорок и абрикосовый джем миссис Лофтли!

– Надо же, а я полагал, вы так впечатлены кулинарными талантами супруги вашего дорогого брата, что готовы отдать им должное прямо посреди улицы, – доктор оглянулся на дочь, чтобы убедиться, что его не самая остроумная шутка хоть немного развеселит Кэтрин, но девушка так и не подняла вуаль поверх шляпки, не желая, чтобы подглядывавшие в окна соседки видели ее унылое лицо.

– О, ну конечно, сейчас вы устроите целое представление, жаль только, зрителей маловато! Старый пес Солбернов совсем оглох, а мистер Солберн, должно быть, не скоро проснется после очередной порции бренди. – Миссис Хаддон, когда хотела, не уступала мужу в язвительности.

Однако же сейчас она не собиралась вступать в словесную перепалку, поэтому удовольствовалась сконфуженным взглядом, брошенным ее мужем в сторону соседского сада, где на террасе дремали под одним пледом уже упомянутый пес и его престарелый хозяин.

– Я пытаюсь сказать вам, мой дорогой, что в этом письме Томас упоминал о венчании своего служащего, не помню, как там его звали. Мало того, братец со свойственным ему многословием сетовал, что остался без помощника.

– Да, я что-то такое припоминаю, однако же с тех пор прошло несколько недель, неудивительно, что детали изгладились из моей памяти... – Доктор Хаддон хотел поскорее оказаться в благословенной тишине своего кабинета и не мог понять, что за охота пришла его жене заниматься болтовней в двух шагах от калитки.

– Не перебивайте же меня! – От этого возгласа пес Солбернов приподнял седую морду и неуверенно огляделся, пытаясь понять, не пора ли поднять тревогу. Но голос звучал знакомо, и верный страж снова опустил голову на ботинок дремавшего хозяина.

– Итак, Томасу нужен помощник. И наша Кэтрин поедет в Кромберри и займет место за конторкой в «Охотниках и свинье»!

– Что?! – в один голос воскликнули отец и дочь, одинаково пораженные этим заявлением.

Теперь уже зашевелился и мистер Солберн, поэтому миссис Хаддон потрудилась, наконец, открыть калитку и направиться к парадной двери своего дома, а доктор и Кэтрин поспешили за ней, исполненные любопытства и тревоги.

Мистер Томас Лофтли не был в доме Хаддонов популярной персоной. Его сестра считала ниже своего достоинства гордиться родственными узами с человеком, содержащим гостиницу, пусть даже эта гостиница была удачно расположена и приносила ее владельцу неплохой доход. И раздражало миссис Хаддон даже не столько само неблагородное занятие ее брата, и не то, что мистер Лофтли, однажды овдовев, женился снова на женщине моложе себя лет на двадцать. Нет, выводило из себя почтенную супругу доктора название гостиницы, которое ее брат, несмотря на все увещевания, сохранил после прежнего хозяина.

«Охотники и свинья»! Как можно уважительно относиться к заведению с подобным названием?! Да разве какая-нибудь благородная особа позволит настолько унижить себя, чтоб остановиться у мистера Лофтли? Только всякий сброд в дождливую ночь не погнушается попросить кров и дешевую выпивку в гостинице, чье название говорит само за себя!

И миссис Хаддон было совершенно неважно, что в «Охотниках и свинье» останавливалось немало представителей самых благородных фамилий Британии, ведь нельзя было добраться до Бата, не посетив Кромберри. Нарисованная на прибитом над входом щите сцена относила любознательного зрителя к временам Карла Первого, судя по одежде трех всадников, с недоумением взирающих на разлегшуюся посреди дороги свинью.

Мистер Лофтли в один из своих редких визитов к сестре рассказывал племянникам, что, по преданию, свинья так и не согласилась сдвинуться с места, а так как принадлежала фермеру с весьма буйным нравом, охотники побоялись причинить упрямыце вред и вынуждены были вернуться без добычи. Расстроенные, они свернули под убогий навес перед скромным домишком, который тогда и был приютом для путников, проезжающих через Кромберри. Под этим навесом один из охотников предавался унынию и возлияниям так долго, что хорошенькая дочь хозяина показалась ему прекрасной феей, способной своими чарами вернуть охотникам удачу. Отец девицы не стал чинить препятствия влюбленным и поспешил устроить венчанье, пока его будущий зять еще находился под влиянием чар, заключенных в бочке его лучшего вина.

Благодаря средствам своего зятя и романтической истории, обросшей со временем всеми признаками местной легенды, заведение приобрело черты респектабельности, а с ними и популярность у приличных путешественников, направлявшихся в Бат или возвращавшихся оттуда. В память об удачном стечении обстоятельств, поспособствовавших процветанию его семьи, младший сын охотника, унаследовавший после смерти деда гостиницу, нарек ее тем самым прозванием, что так раздражало миссис Хаддон.

И сейчас доктор Хаддон не мог поверить своим ушам.

– Кэтрин поедет в «Охотников и свинью»? – изумленно переспросил он.

– Отослать ее из Стоунфолла – лучшее, что мы можем придумать, чтоб хотя бы попытаться спасти ее репутацию. Через год-другой сплетни утихнут, – с уверенностью бывалой сплетницы заявила миссис Хаддон. – Пусть помогает дядюшке и тетушке, там она, по крайней мере, будет слишком занята, чтобы делать глупости или переводить бумагу на картинки, от которых за милю веет желчностью старой девы! И кто знает, может, ей повезет найти себе жениха среди постояльцев гостиницы, как повезло той девице из легенды!

Доктор не нашелся, что ответить. Когда его супруга говорила таким уверенным тоном, спорить с ней было бессмысленно. К тому же, судя по выражению лица Кэтрин, она отнюдь не была расстроена ожидающей ее переменой. Пусть даже мать намекнула на ее будущую судьбу старой девы.

В самом деле! Уехать подальше от Бартоломью и его рискованных затей, не видеть больше ни чинных собраний стоунфоллских дам, ни неодобрительно поджатых губ Рэйчел и Оливии, еще недавно считавшихся лучшими подругами Кэтрин! Погрузиться в шумный, пестрый, незнакомый мир дядюшки Томаса! Мистер Лофтли всегда нравился маленькой племяннице своей непохожестью на других ее родственников. Пожалуй, в кои-то веки мать нашла решение, которое полностью устраивало все заинтересованные стороны.

Глава 3

О пользе этого решения мисс Хаддон старательно пыталась не забыть, пока тряслась в изобилующем дурными запахами дилижансе в Кромберри. До этого славного маленького городка можно было бы добраться и на поезде, на что втайне надеялась Кэтрин, но матушка сочла этот вид путешествия неприличным для одинокой девушки...

И вот теперь Кэтрин вынуждена была терпеть все неудобства, какие только могут сопровождать небогатого путешественника, – сквозняки и духоту, впивающиеся под ребра трости и зонтики других пассажиров, отдавленные ноги, чиханье и кашель со всех сторон. Если что в таких условиях и могло порадовать бедняжку, так это то, что поездка не была чрезмерно продолжительной.

«Еще три или четыре часа, и я упала бы в обморок», – думала Кэтрин, с трудом пробираясь к выходу между корзинками и саквояжами, с которыми ее попутчики не пожелали расстаться во время путешествия. Багаж самой мисс Хаддон был привязан на крыше дилижанса, и ей нужно было сосредоточиться, чтобы не забыть ни одной картонки – навряд ли дядюшка Томас купит ей тотчас новую шляпку или, уж тем более, кисти и краски.

Кэтрин не успела сделать шаг на подножку, как споткнулась о выставленный в узкий проход длинный черный зонт сидящего у самого выхода господина и буквально выпала из дилижанса прямо в руки ожидавшему ее дядюшке Томасу.

Подхватив племянницу, тучный мистер Лофтли только крикнул, но даже не пошатнулся.

– Вот и ты, дорогая. – Над пухлыми щеками весело сияли круглые голубые глазки, мясистый нос бойко втянул следовавший за Кэтрин шлейф запахов, и дядя Томас покачал головой. – Моя сестра могла бы позаботиться, чтобы тебе было удобно доехать до нашей скромной обители, но Энн, как обычно, поступает по-своему. Если бы не ее телеграмма, твой приезд и вовсе был бы сюрпризом! Идем же поскорей, должно быть, у тебя каждая косточка болит после этой колымаги.

Кэтрин поцеловала дядюшку в подставленную щеку, с ненавистью бросила последний взгляд в утробу дилижанса и махнула рукой в сторону крыши.

– Мои платья и все остальное... Их нужно забрать, дядя Томас, – робко

сказала она, не зная еще, как отнесется мистер Лофтли к тому, что его племянница привезла с собой столько всего.

– Разумеется, милая. – Дядюшка Томас кивнул ожидающему под навесом слуге. – Сэмюэль заберет багаж, там ведь, должно быть, есть бирки с твоим именем.

Дождавшись благодарного кивка, мистер Лофтли подхватил Кэтрин под руку и повлек внутрь гостиницы, которая отныне должна была стать ее новым домом. В угасающем свете пасмурного дня мисс Хаддон не успела разглядеть прославленный щит с охотниками и свиньей и тут же решила завтра с самого утра непременно полюбоваться на вывеску и зарисовать ее в свой альбом. В прежние времена она бы послала картинку Бартоломью и сделала бы еще две для своих подруг, но теперь, как она это хорошо понимала, в Стоунфолле у нее не осталось ни одной родственной души. Кроме разве что отца, но только не в том, что касалось ее живописи.

Едва Кэтрин успела сделать несколько шагов по пушистому серо-коричневому ковру, как из-за конторки выскочила высокая худая женщина в бирюзовом платье и крошечном кокетливом чепчике.

– Ах, милая, ты приехала! – воскликнула она, несколько раз при этом взмахнув длинными руками. – Боюсь, сейчас я не могу встретить тебя со всем радушием, на какое способна, но мне просто необходимо прийти в себя после всех этих ужасов!

– Каких ужасов, тетя Мэриан?

Кэтрин ни разу не встречалась ни с одной из миссис Лофтли, но помнила слова матери: «Первая жена Томаса была толстой и вульгарной, она выглядела как торговка устрицами, да она и была дочерью торговца! Неудивительно, что после ее смерти Томас решил выбрать совсем другую женщину, вот только зачем ему надо было жениться на дочери аптекаря, тощей и вертлявой, к тому же годящейся ему в дочери!»

– О, не обращай внимания на эту болтовню. С тех пор как Арчи решил жениться и оставить нас, бедняжке Мэриан пришлось тяжело. Правда, потом все наладилось... – вмешался мистер Лофтли и тут же оборвал сам себя: – У нас в Кромберри и в самом деле произошло кое-что неприятное, но молодым девицам вроде тебя об этом знать не положено. Да и нам всем уже пора забыть об этом, случилось-то все, кажется, в самом начале осени... Мэриан, покажи Кэти ее комнату и помоги освежиться с дороги, а потом мы, наконец, сядем за стол. Твой дилижанс опоздал по меньшей мере на два часа, и жаркое, должно быть, уже перестояло.

Кэтрин смутилась, ей показалось, что в словах дядюшки звучит упрек, как будто это она виновата в опоздании дилижанса, но мистер Лофтли

смотрел на нее все так же радушно, и девушка немного успокоилась. Очевидно, ей придется привыкать к манерам своих родственников, которых она, к несчастью или к счастью, знала так мало.

– Идем, горячая вода уже давно готова, Салли поставила в твоей комнате свежие цветы и постелила новое покрывало. – Несмотря на свою усталость, миссис Лофтли, кажется, готова была трещать без умолку. – Ты займешь одну из комнат для гостей, мы так решили с твоим дядей, ведь каморку Арчи мы уже приспособили под комнату для слуги или служанки кого-нибудь из постояльцев.

В последних словах прозвучала гордость, тетя Мэриан явно хотела дать понять племяннице, что в «Охотниках и свинье» останавливается только самая респектабельная публика.

Кэтрин подобрала юбку и заторопилась вслед за тетушкой по широкой лестнице, застеленной длинной ковровой дорожкой того же цвета, что и ковер в холле. На площадке второго этажа начинался короткий коридор, который вел к более длинному и широкому, пересекающему все здание. В этот коридор выходили двери номеров, всего в «Охотниках и свинье» их было четырнадцать. В дальней части коридора находилась лестница в чердачные помещения, где проживали слуги, хранились запасы постельного белья, полотенец, фаянсовых кувшинов для умывания и множество других необходимых для содержания гостиницы вещей. Обо всем этом Кэтрин имела самое смутное представление и испытывала страх при мысли, что уже завтра ей придется заменить свою тетю. Этот страх затуманил бы ей голову, если бы не другие, более приятные и волнующие мысли, которые она так и этак перекраивала в своей кудрявой головке на протяжении всего пути до Кромберри. Даже случившаяся в Стоунфолле печальная история слегка померкла в ее сознании.

Работа! Она будет работать! Уже завтра из легкомысленной бестолковой девицы она превратится в серьезную, ответственную барышню, способную обеспечить себе пропитание и не нуждающуюся ни в заботе родителей, ни в содержании, выделяемом своим женам мужьями, порой скарредными и мелочными. Миссис Хаддон ни словом не упомянула о жалованье, которое будет получать Кэтрин от своего дяди, – говорить с дочерью о деньгах почтенная матрона считала вульгарным. Однако же Кэти надеялась, что у ее дяди хватит здравого смысла платить ей хоть что-то в дополнение к жилью и пропитанию, которые она получит в «Охотниках и свинье» на правах родственницы хозяев. Молодой девушке нужны некоторые средства на необходимые мелочи, а о том, что часть из них она собирается тратить на принадлежности для рисования, мисс Хаддон пока

решила благоразумно умолчать.

Кэтрин была уверена, что такое место, как популярная гостиница, предоставит ей неиссякаемый источник сюжетов для своих зарисовок – ведь здесь должна быть целая ярмарка самых разнообразных типажей! Кроме того, окрестности Кромберри весьма живописны, судя по тем пейзажам, что она успела рассмотреть сквозь забрызганное грязью окошко дилижанса. Вот только будет ли у нее время на прогулки со своим альбомом? В этом девушка начала уже сомневаться.

Миссис Лофтли провела ее по коридору в самую последнюю комнату. Как раз напротив двери начиналась лестница в мансарду, узкая, но тоже застеленная дорожкой, чтобы приглушить звук шагов. Кэтрин догадалась, что этот номер наименее удобен из всех имеющихся в гостинице – ведь мимо двери постоянно пробегает прислуга, но не стала высказывать свое недовольство. В конце концов, ее могли поселить и в каморке Арчи в этой самой мансарде.

Тетушка Мэриан распахнула дверь, и Кэти ахнула от удовольствия. Комната была прелестна – молочного цвета обои в мелкие незабудки, шторы и покрывало голубые, слегка потертым голубым штофом обит крошечный диванчик у окна и уютное кресло возле незатопленного камина.

На туалетном столике стоял расписанный синими цветами фаянсовый кувшин с горячей водой и небольшой тазик. Сэмюэль уже втащил в комнату часть багажа и сложил его у распахнутых дверей большого шкафа, выкрашенного в белый цвет. «Надо будет попросить у тетушки разрешения расписать его такими же незабудками, как на обоях», – пронеслось в голове у Кэтрин.

– Ватерклозет и большая ванная сразу за лестницей, – поторопилась рассказать тетя Мэриан, заметив взгляд племянницы в сторону кувшина и тазика. – Мы не смогли оборудовать отдельными ванными все номера, слишком мало места, но в этой части коридора мы стараемся размещать только леди. Зато все комнаты отапливаются горячей водой, которая бежит по трубам! В комнатах есть и камины, мы растапливаем их по просьбам постояльцев. Если тебе захочется вечером посидеть у огня, тебе придется самой принести из подвала дрова.

Кэтрин кивнула. Общая с другими леди ванная и туалетная комната – к этому ей придется привыкнуть. В скромном домике доктора Хаддона и речи не заходило о ватерклозете или обогреве при помощи горячей воды. Судя по всему, дела дядюшки Томаса шли прекрасно, раз уж он смог позволить себе все эти новшества. Признаться, о чем-то подобном мистер

Лофтли, кажется, писал сестре два или три года назад, но Кэти была тогда слишком юна, чтобы задумываться о подобных вещах. Теперь же она сможет пользоваться плодами прогресса – ну разве не чудесно?

Миссис Лофтли, судя по беспокойным движениям рук, ждала от племянницы какой-то реакции на свои слова, и Кэтрин поспешила удовлетворить тщеславие тетушки, расхвалив и комнату, и удобства, и все, что она успела увидеть.

– Общая гостиная, ресторан и наши с Томасом комнаты расположены внизу. – На узком, но миловидном лице миссис Лофтли проявился румянец. – На этом этаже есть небольшая комната для отдыха, где могут уединиться и отдохнуть те из постояльцев, кто не любит большое общество. Обычно в этой комнате, мы зовем ее «Залом фей», проводит время одна наша постоянная гостья, миссис Дримлейн...

– «Зал фей»? – перебила тетушку удивленная Кэтрин.

– О, я забыла сказать, что у каждой комнаты в нашей гостинице есть свое название, – затараторила миссис Лофтли. – Твоя называется, конечно, «Комнатой с незабудками». Общая гостиная внизу – «Залом герцогини». Как утверждал прежний владелец гостиницы, однажды здесь останавливалась герцогиня Девонширская, уж не помню, какая по счету. Остальные названия ты скоро узнаешь, сейчас я не буду отвлекать тебя, пора готовиться к ужину.

– А «Зал фей»? – не удержалась Кэти.

– Ах, тут нет ничего волшебного, дорогая, – засмеялась тетушка Мэриан. – Просто эта комната отделана зеленым бархатом и цветочными гирляндами. Миссис Дримлейн очень любит ее, хотя, признаться, зеленый цвет портит оттенок лица, я бы ни за что не выбрала для своего будуара зеленый, но миссис Дримлейн уже слишком стара, чтобы придавать этому значение.

Сэмюэль сложил у шкафа последние картонки, слегка поклонился хозяйке, приветливо улыбнулся ее племяннице и вышел.

– Очень милый молодой человек, все известные его предки служили в нашей гостинице, – сообщила миссис Лофтли и сочла, что на этом первое знакомство племянницы с «Охотниками и свиньей» можно заканчивать. – Теперь я оставлю тебя, дорогое дитя, через четверть часа тебе надлежит спуститься вниз, пройти в коридорчик за конторкой и зайти во вторую дверь слева – там мы обедаем с твоим дядей, когда нет необходимости садиться за стол вместе с постояльцами. За обедом мы поговорим обо всем...

Тетушка не договорила фразу, неловко улыбнулась и оставила,

наконец, Кэтрин одну.

Глава 4

Юная леди не стала тщательно разбирать багаж, на это у нее не было ни времени, ни сил. Как только одно из платьев показалось Кэтрин менее измятым, чем остальные, она умылась и поспешно надела его, продолжая осматривать свое новое пристанище. На полочке над камином поместятся привезенные ею книги, а на маленьком секретере с пюпитром удобно будет делать зарисовки. Внутри можно спрятать альбомы с рисунками, судя по висящему на цепочке ключику, секретер запирается. Перед отъездом Кэтрин со слезами сожгла несколько альбомов – она не могла увезти с собой все и не хотела оставлять свои тайны в родительском доме. Оставшиеся два, с самыми удачными рисунками, лежали в шляпной картонке, и тетушка Мэриан могла бы задать несколько не самых приятных вопросов, доведись ей посмотреть на изображенные в альбоме лица.

Навряд ли дядя или тетя будут за ней шпионить, но все же Кэтрин решила принять меры тотчас же. Альбомы, а также несколько перевязанных лиловой ленточкой писем были спрятаны в самый широкий нижний ящик, а ключик девушка пока положила в одну из снятых перчаток. Позже она придумает тайник понадежнее.

Закончив с самым важным делом, девушка выглянула в окно.

По главной улице, довольно широкой по меркам Стоунфолла и освещенной несколькими газовыми фонарями, спешили люди – Кэтрин заметила не менее дюжины человек. У себя дома увидеть столько народу сразу ей доводилось только воскресным утром, когда соседи дружно направлялись в церковь. Вот хорошо одетые дама и джентльмен свернули к входу в гостиницу. Должно быть, постояльцы ходили прогуляться перед ужином.

На углу, где улица пересекалась с другой, менее широкой, мисс Хаддон заметила еще одну вывеску и, хоть и не смогла разглядеть, что на ней нарисовано, догадалась, что в том доме находится паб, также принадлежавший ее дядюшке.

В «Охотниках и свинье» был свой ресторан для уважаемых постояльцев, но дальновидный мистер Лофтли не захотел возлагать все свои упования только на гостиницу. Железная дорога уже несколько лет позволяла путешественникам миновать Кромберри без остановки, и в будущем поток постояльцев мог и вовсе иссякнуть. А вот желание пропустить по стаканчику так же неистребимо, как пыль или насморк.

Миссис Хаддон строго-настрого запретила дочери приближаться к пабу, но сейчас Кэтрин, позабыв о наказе, замерла у окна. Она внезапно начала испытывать странное чувство, как будто кто-то невидимым пером щекотал ей лоб, шею, ладони. От этого ощущения ей нестерпимо хотелось вертеть головой во все стороны, хватать руками первые подвернувшиеся предметы и, наконец, поскорее достать карандаши и кисти.

Она даже подошла к зеркалу, кривовато вставленному в дверцу шкафа, чтобы посмотреть, не появилась ли у нее какая-нибудь сыпь. Как дочь доктора, Кэтрин вполне могла предположить, что поездка в дилижансе не обойдется без неприятных последствий.

Но лоб выглядел таким же высоким и гладким, как всегда, а вот воротничок синего платья сбился набок, вьющиеся волосы тут и там выскользнули из закрученной узлом косы и свисали на уши и шею. В остальном из зеркала смотрело на мисс Хаддон ее привычное изображение, пусть и не перепачканное краской и не светящееся лукавой улыбкой, из-за чего круглые щеки становились неприлично пухлыми.

– Ох, я выгляжу здоровой, даже чересчур, но что же со мной происходит? – Мисс Хаддон поглядела на свои руки и вдруг громко хлопнула в ладоши.

Кажется, она догадывается, что это за чувство. Свобода! Настоящая, а не воображаемая, как во время долгих прогулок подалее от родного дома, когда Кэти начинало казаться, будто невидимая, но туго скрученная нить наматывается на катушку и тянет ее обратно. Свобода от Стоунфолла с его душными гостинными, материнских нотаций, насмешек Бартоломью и несчастной первой влюбленности...

Возможно, все еще наладится. Так или иначе.

Долго раздумывать времени не было, жаркое дядюшки, должно быть, уже скорчилось от недостатка внимания, и Кэтрин поторопилась на встречу с ним. Перед этим она, правда, еще раз хлопнула в ладоши, когда поняла, что не станет отказываться от добавки, если тетушка Мэриан ей предложит. Дома миссис Хаддон постоянно ограничивала дочь, считая ее недостаточно стройной для своего возраста, и доктор Хаддон, увы, поддерживал в этом жену. Здесь же, как надеялась Кэтрин, на ее сторону встанет дядя Томас, чей обширный живот явственно говорил о любви к обильному столу. А возможно, и к посиделкам в пабе, но эту склонность его племянница разделять, к счастью, не собиралась.

Кэтрин заперла дверь и направилась обратной дорогой вниз, в холл. По пути она рассматривала другие выходящие в коридор двери, аккуратные, выкрашенные белой краской, с голубыми нарисованными номерами. За

какой же из этих дверей находится «Зал фей»? А другие комнаты, как они называются? Сколько же всего ей предстоит узнать! И сколько из этого она забудет в первые же четверть часа?..

На прощанье отец подарил ей блокнот, обернутый серебристо-серой тканью. «Тебе он пригодится, дорогая, – доктор Хаддон ласково поцеловал дочь, но глаза его безрадостно потухли. – Записывай все, что тебе скажут дядя и тетя о твоих новых обязанностях, иначе ты растеряешься в незнакомом мире, и некому будет тебе помочь».

Кэтрин не смогла, да и не собиралась сдерживать слезы. Она поблагодарила отца, но не стала говорить эту банальную фразу, так часто встречавшуюся ей в романах: «Вы когда-нибудь сможете простить меня?» Кто бы мог подумать, что она станет нуждаться в этих напыщенных словах! Конечно, отец простил ее, да доктор Хаддон и не верил всерьез в злой умысел, просто не смог бы представить себе, что его Кэти способна на такое злодеяние. Легкомыслие Чарли Баттенхейма, оставившего работу в неподходящий момент, и злосчастное стечение обстоятельств – вот в чем причина смерти миссис Фолбрайт. Не более того.

На отъезд дочери он согласился больше ради спокойствия миссис Хаддон, и Кэтрин прекрасно это осознавала. И сейчас ей не стоит задумываться ни об одиночестве отца, ни о судьбе Чарли, которому непросто будет устроиться, ни уж тем более о своем разбитом сердце. Иначе, увидев ее унылый вид, тетушка и дядюшка тотчас отошлют ее обратно из опасений, что она превратит их процветающую гостиницу в обитель печали.

Навряд ли, конечно, мистер и миссис Лофтли выразились бы так банально-поэтично, но сути это не меняло. Кэтрин надлежит быть такой, какой ее хотят здесь видеть. Скорее всего, от нее не потребуются чего-то выдающегося. Быть услужливой, вежливой, все успевать и никому не докучать – примерно так представляла себе Кэтрин обязанности служащего в гостинице.

Надежды на обильный и вкусный стол дядюшки вполне оправдались, но Кэтрин и представить себе не могла, что все остальные ее упования чуть было не разрушились еще до того, как она переступила порог «Охотников и свиньи»!

За едой мистер и миссис Лофтли расспрашивали Кэти о ее поездке, о том, как обстоят дела у мистера и миссис Хаддон, у Маргарет и Джонатана, но спустя некоторое время Кэтрин показалось, что их оживление несколько преувеличено. Дядя и тетя то и дело переглядывались и досадливо отводили взгляд, словно каждый из них не решался сказать нечто

неприятное и пытался переложить эту обязанность на другого. Наблюдательный взгляд художника позволил Кэтрин заметить эту неловкость, и она сама начала ерзать на стуле и поглядывать по сторонам. Что-то определенно должно было произойти...

Наконец, миссис Лофтли намеренно кашлянула, и ее супруг решительно отложил вилку и нож.

– Кэти, дорогая, есть кое-что, о чем мы хотели с тобой поговорить, – начал он и тут же умолк, чтобы вытереть вспотевшее лицо большим полостатым платком.

– Что-то случилось? Тетушка Мэриан говорила о каких-то ужасных событиях в Кромберри, они касаются вас? – Молодая девушка выпрямилась и замерла в ожидании дурных вестей.

– О, боже мой, конечно, нет! – миссис Лофтли отмахнулась салфеткой, которую зачем-то взяла в руки. – То, что случилось в сентябре, ужасно, но не имеет отношения к нашим делам. Твой дядюшка хотел сказать только, что, когда он писал сестре об уходе нашего Арчи, он и подумать не мог, что твоя матушка захочет отправить тебя помогать нам!

– Вы нашли кого-то на замену своему служащему! – Внезапное понимание придавило Кэтрин, и она откинулась на спинку стула, не думая о том, как выглядит при этом ее фигура. – Я приехала напрасно!

Миссис Лофтли бросила салфетку себе на колени и дотянулась до Кэти, чтобы ободряюще погладить ее по руке. Укоризненный взгляд ее был обращен к мистеру Лофтли, который явно не помогал супруге в напряженный момент.

– Это не совсем так, дитя мое, – пропыхтел мистер Лофтли. – Признаться, сперва мы были озадачены телеграммой твоей матушки, но, подумав как следует, я нашел прекрасное решение!

– Можно подумать, вы один его нашли, – фыркнула тетушка Мэриан, и ее муж снова потянулся за платком. – Так вот, дорогая, отчасти ты права. Мы не могли справиться без помощника и наняли одну молодую девицу на замену Арчи.

Кэтрин вся сжалась. После того как она увидела свою милую комнатку и ощутила в воздухе привкус свободы, удар показался ей смертельным. Но миссис Лофтли еще не закончила.

– Однако же эта девушка прежде работала сиделкой в нашей богадельне, ухаживала за больными стариками, читала им, писала за них письма родным, развлекала их детскими играми, которые они только и могут теперь понять... Словом, она не была простой служанкой и не делала грязную работу, так как происходит из приличной семьи, потерявшей все

свое достояние, и получила кое-какое образование. Наши бедные старики очень привязались к Бетси, хотя ее характер и оставляет желать лучшего, и благотворительное общество попросило ее два-три раза в неделю приходить в приют, чтобы исполнять свои прежние обязанности. Конечно, работа в «Охотниках и свинье» куда престижнее, да и платили Бет в богадельне сушие гроши, но попечители приюта согласились взять туда ее бабушку безо всякой платы, за что Бетси должна быть им благодарна... Вот мисс Вортекс и попросила у нас позволения покинуть гостиницу, чтобы помогать в приюте. А мы с твоим дядей не смогли отказать ей, ведь тем самым мы бы оскорбили дам-попечительниц...

Кэтрин представила себе незнакомую Бетси таким ангелом возмездия, отнимающим у нее самой надежду на избавление от удушающей атмосферы Стоунфолла, и горько вздохнула. Она все еще не понимала, что хочет объяснить ей тетушка Мэриан.

Миссис Лофтли умолкла, чтобы глотнуть из бокала разбавленного водой вина, и дядюшка Томас подхватил нить беседы своими пухлыми пальцами.

– Так вот, Кэти, мы, конечно же, не могли отказать дамам-благотворительницам, тем более что твоя тетя состоит в этом самом дамском комитете. Но отпустить Бетси оказалось довольно хлопотно для нас, ведь ее кто-то должен был заменять на эти часы. Я или твоя тетя и прежде подменяли Арчи, если ему нужно было взять выходной или выйти куда-нибудь, но это случалось не чаще раза в неделю. Теперь же нам постоянно приходится отрываться от собственных дел, чтобы провести три или четыре часа за стойкой, – он устало покачал головой, словно это был непосильный труд. – Мы так и этак думали, как бы нам облегчить себе жизнь, и телеграмма моей сестрицы, сперва нас озадачившая, позже показалась нам перстом божьим, указующим, как надобно поступить.

От неожиданного пафоса, прозвучавшего в последней фразе мистера Лофтли, Кэтрин едва не рассмеялась, если б только ее так сильно не одолевала тревога о своем будущем. Кажется ли ей, будто в словах дяди Томаса появился намек на благоприятный исход дела?

– Словом, мы решили, что твой приезд очень кстати, – миссис Лофтли не пожелала отдать все лавры рассказчика своему муженьку. – Пока Бетси исполняет свой христианский долг в богадельне, ты будешь занимать ее место за стойкой. А в остальное время ты можешь помогать мне с составлением списка блюд для обедов и ужинов, относить на почту письма наших постояльцев и заниматься множеством другим дел. К тому же тебе, конечно, надлежит участвовать в делах нашего благотворительного

комитета, дочь доктора никак не может остаться в стороне от помощи страждущим! Словом, дитя, тебе не стоит беспокоиться, что в Кромберри ты никому не нужна. Мы с твоим дядей так рады твоему появлению, ведь ты такая милая и славная девочка! Да и мне порой не хватает наперсницы, не могу же я обсуждать свои заботы с прислугой!

– Вот все и устроилось, – радостно закончил мистер Лофтли, едва тетушка Мэриан сделала паузу. – Мы не сможем платить тебе столько, сколько получает Бетси, ведь прежде мы платили только одному Арчи. Так тебе и не придется много тратить, ведь ты не станешь платить за кров и стол! Не правда ли, мы с твоей тетей нашли такое удачное решение всех проблем, что даже сам мировой судья позавидовал бы?

Кэтрин с облегчением закивала, но тут же посчитала необходимым подняться со стула и обнять и расцеловать поочередно дядю и тетю. Ее не отправят обратно и не станут нагружать тяжелой работой! Пускай у нее будет не так уж много денег, зато она останется в Кромберри, в своей милой комнатке, которую она уже успела полюбить. При мысли о дамском комитете она едва не перестала улыбаться, подозрение, что и ей придется посещать богадельню, слегка подпортило ее радость, но Кэтрин тут же одернула себя. Нельзя быть неблагодарной! Самое главное – она остается у дядюшки Томаса. И постарается подружиться с Бет.

Довольные друг другом, все трое приступили к десерту, приготовленному миссис Лофтли нарочно по случаю приезда племянницы.

Глава 5

Кэтрин в изнеможении откинулась на спинку жесткого стула. Часы в холле, аляповатая подделка под французских мастеров, еще даже не собирались бить полдень, а она уже опасалась, что не доживет до вечера.

Сегодня дядюшка Томас нарочно дал Бетси выходной, чтобы Кэтрин могла освоиться на новом месте, не смущаясь совершать ошибки под чьим-то пристальным взглядом. Предполагалось, что мистер и миссис Лофтли сами покажут Кэти все, что она должна увидеть, и расскажут все, что ей надлежит крепко запомнить.

Полчаса назад тетушка Мэриан отправилась вздремнуть после завтрака с двумя дамами, на протяжении нескольких лет останавливавшимися в лучших комнатах в «Охотниках и свинье» по дороге в Бат, так что хозяйке попросту необходимо было проявлять любезность. До этого завтрака миссис Лофтли торопливо, перескакивая с одного на другое, посвящала племянницу в тайны своего то ли ремесла, то ли искусства. В блокноте Кэтрин уже появилось множество отрывочных записей, ни одна из них не была доведена до точки, и бедная девушка надеялась, что позже сможет разобрать свои собственные каракули, так непохожие на ее обычный округлый почерк.

Несмотря на то что постояльцы занимали сейчас только половину комнат, дел в гостинице хватало всем – лакею и двум горничным, поварихе и ее помощнице, приходящей прислуге, которую приглашали для выполнения тяжелой и грязной работы. И, конечно же, сидящей за конторкой служащей, которой сегодня оказалась Кэтрин.

Она уже три или четыре раза обежала едва ли не все старинное здание, спеша передать поручения горничным, напомнить поварихе о торжественном обеде, заказанном городским судьей по случаю венчания дочери, отыскать двух мальчишек-посыльных, прячущихся в крошечном садике с колодой карт. И при этом она постоянно должна была сидеть на своем месте, приветливо улыбаться гостям, отвечать на их вопросы (а что она могла сказать о Кромберри, которого еще совсем не видела?), принимать у них письма и записывать в большую конторскую книгу разнообразные требования, пожелания, жалобы. И ни в коем случае ничего не перепутать!

В те несколько минут, что она успела провести в тишине и одиночестве, Кэти попыталась зарисовать на последней странице своего

блокнота тучную фигуру дядюшки, склонившегося над бумагами в крошечном кабинете, открытая дверь в который находилась совсем рядом с конторкой. Но пальцы девушки дрожали после того, как ей пришлось отнести тяжелый поднос с завтраком в номер мистера и миссис Донстер, не пожелавших спуститься в ресторан. Отбросив бесполезный карандаш, Кэтрин тяжело вздохнула. Она привыкнет, как привыкла Бет. У нее просто нет другого выхода. Не возвращаться же домой с позором, признав свою никчемность! После чая тетушка Мэриан обещала сменить ее, и Кэтрин надеялась, что у нее хватит сил немного прогуляться по Мэйн-стрит, посмотреть модные магазины и нарядные домики самых достойных жителей Кромберри.

Колокольчик у входной двери звякнул, и в холл вошел высокий мужчина в теплом плаще. Не тратя время на оглядывание по сторонам, он снял шляпу и немедленно двинулся к конторке. На лице его появилось и тут же исчезло удивленное выражение – верно, он ожидал увидеть на месте Кэтрин мисс Вортекс.

– Добрый день, мисс, – голос его звучал глуховато и как-то устало. – Запишите там у себя, что карета мистера Голдвина готова, он может забрать ее, когда пожелает.

– Да, сэр, я непременно... – Кэтрин сбилась на середине любезного ответа, когда заметила за спиной мужчины горничную, поправлявшую подушки на стоявших в холле диванах. Лицо Сары побледнело, глаза расширились от испуга – хоть сейчас рисуй с нее иллюстрацию к романам мисс Радклифф.

– Очень хорошо, мисс, – мужчина резко кивнул, его темные волосы с редкими проблесками седины взметнулись вокруг нахмуренного смуглого лба. Кажется, скомканный ответ Кэти его не удивил. – Всего хорошего!

Тем же решительным шагом он направился к выходу. По дороге гость коротко кивнул горничной, которую не заметил прежде, но Сара, вместо того чтобы вежливо поклониться, ответила таким же быстрым кивком и набросилась на бедные подушки так, словно собиралась вытрясти из них рождественский снегопад. Едва за мужчиной захлопнулась дверь, как Сара выронила подушку и повернулась к Кэтрин.

– Вы только посмотрите, мисс! Да как он смеет так спокойно являться сюда и пугать добропорядочных людей! После того что случилось, ему бы лучше сидеть в своей конторе и не показывать носа на улицу!

При первом знакомстве Сара показалась приветливой и старательной девушкой, и этот прилив возмущения изумил Кэтрин.

– А что случилось, Сара? – осторожно спросила она.

– Ах, мисс Хаддон, вы же только вчера приехали! – Сара приблизилась к конторке, голос ее зазвучал тише, как только она заметила открытую дверь в кабинет мистера Лофтли. – Надо думать, ваши дядя и тетя не стали сразу пугать вас нашими ужасами!

– Конечно, я ничего не знаю... – начала Кэтрин, но тотчас же ей вспомнилась фраза, произнесенная накануне миссис Лофтли. Тетушка тоже говорила о каких-то ужасах, и сейчас ее племяннице больше всего на свете захотелось узнать, в чем тут дело.

Кэти посмотрела на своего дядю. Похоже, мистер Лофтли проиграл неравный бой с пришедшей поутру почтой и сейчас благостно дремал, чуть склонившись набок в своем уютном кресле.

– Идемте к окну, – Кэтрин выбралась из-за конторки, мельком порадовавшись, что стул двигается по мягкому ковру бесшумно. – Там мы не потревожим дядюшку.

Сара поторопилась вслед за мисс Хаддон. Новая слушательница – просто подарок для любителя рассказывать страшные истории, а Сара, судя по всему, как раз и была такой любительницей.

– Не прошло и двух месяцев, мисс, как в нашем Кромберри убили девушку! Задушили и столкнули с моста в Кром! – преувеличенно громким шепотом начала свой рассказ Сара.

– Ох! – Кэтрин и помыслить не могла, что история и впрямь окажется леденящей. Кража церковной утвари или побег школьной учительницы со старшим сыном викария – вот на какие ужасы мог рассчитывать Стоунфолл. Ну, по крайней мере, до того, как в его истории оставила свой след мисс Кэтрин Хаддон. Но жестокое убийство – удел более крупных городов. В этом смысле Кромберри превзошел ее родной городок. Примерно так успела подумать Кэти до того, как Сара продолжила, не вполне удовлетворенная реакцией мисс Хаддон на поразительное известие. Поистине, Кэтрин могла бы охнуть дважды или даже трижды, если уж не захотела падать в обморок, как сестра Сары, проживавшая на ферме и не привыкшая к злодействам, творящимся в городах.

– У нашего Крома сильное течение, бедняжку унесло бы далеко от города, если б вокруг ее рук не обвилась сеть старого Подрика Плама. Он всегда ставит свои сети ниже моста, сколько бы судья Хоуксли ни запрещал ему браконьерствовать прямо в городе! Так Подрик и вытащил несчастную утопленницу, тут уж судье пришлось поблагодарить его, ведь иначе мисс Грин не смогли бы отыскать. И никто бы не узнал об этом страшном злодеянии!

– Бедная девушка не могла упасть с моста сама? Здесь в самом деле

произошло *убийство*? – Кэтрин не знала, стоит ли доверять словам Сары, может быть, горничная просто любит поболтать и склонна преувеличивать?

– О, мисс Хаддон, ну как же иначе, если у нее на шее был багровый след от веревки или ремня? – Сара, кажется, собралась обидеться на посмевающую усомниться в ее словах мисс Хаддон, но желание довести рассказ до конца пересилило. – И доктор, и полицейский сержант, и сам главный констебль Грейтон не сомневаются – негодяй сперва задушил мисс Грин, а потом уже сбросил с моста в реку.

– Это и впрямь ужасно, – примирительно сказала Кэтрин, догадавшаяся по выразительному лицу горничной о подступающей обиде. – Но кто же убийца? Чем бедная мисс Грин заслужила такую жуткую смерть?

– Конечно же Дик Харт! – убежденность Сары заставила ее повысить голос, и обе девушки тут же испуганно обернулись. Но из кабинета мистера Лофтли не было слышно никаких звуков, до них не доносилось даже его сопения, и Кэти нетерпеливо повернулась к собеседнице.

– Кто такой этот Дик Харт?

– Как же это я все время забываю, что вы еще никого тут не знаете! – Пухлые руки Сары взметнулись вверх и тут же снова опустились к оборке чистого фартука, которую она сминала пальцами во время своего захватывающего рассказа. – Дик Харт – брат Джона Харта, того самого, что только что был здесь и разговаривал с вами о карете мистера Голдвина!

На этот раз Кэтрин охнула с должным чувством, и Сара довольно кивнула. Еще бы, не каждый день разговариваешь с братом настоящего убийцы!

– Но... почему этот Дик Харт убил ее? – В голове у мисс Хаддон появилось сразу слишком много вопросов, но она благоразумно решила не вытряхивать все сразу – Сара явно вознамерилась удовлетворить ее любопытство. Только бы их никто не прервал! Но в холле было пусто и тихо, постояльцы разошлись по своим делам, прислуга занималась уборкой, и девушки могли без помех продолжить беседу.

– Они были помолвлены! – Сара явно собиралась выдавать поразительную историю частями, причем каждая последующая часть была невероятнее предыдущей, сама мисс Рэдклифф могла бы почерпнуть у горничной умение вести рассказ так, чтобы захватить слушателя безраздельно.

– Помолвлены? – Кэтрин прижала ладонь ко рту. – Бедную девушку убил ее собственный жених?

– Мистер Джон Харт держит контору по перевозке самых разных

грузов во многие города графства, а еще его работники ремонтируют кареты и повозки, как вот экипаж мистера Голдвина, застрявшего в Кромберри из-за поломки кареты.

Похоже, Сара решила сделать отступление от главной истории, и Кэтрин нетерпеливо нахмурилась – какая разница, что там с этими каретами!

– Дик – младший брат Джона Харта и помогает ему в конторе, да и сам разъезжает иногда, если надо договориться с кем-нибудь о большом грузе в другом городе, – как ни в чем не бывало продолжила горничная. – А мисс Грин – дочь хозяйки шляпной лавки. Они и познакомились в лавке, куда Дик Харт пришел за перчатками для своей матери. Я знакома с продавщицей из магазина, что напротив лавки миссис Грин, так вот, Сью говорила мне, что Дик просто голову потерял, по нескольку раз в день прохаживался мимо шляпной лавки, покупал ненужные перчатки и платки, потом стал дарить их мисс Грин. Она, понятное дело, сперва отказывалась, а потом стала принимать подарки, ее матушка придумала продавать их заново, ведь они все были новехонькие!

Кэтрин пожалела на мгновение бедного Дика Харта. Увидеть свои подарки возлюбленной выставленными в витрине лавки – тут кто угодно ожесточится! Но неужели эта практичность привела его в такое раздражение, что он совершил убийство? Тогда уж логичнее было бы прикончить матушку мисс Грин!

Сара, не подозревающая о том, куда способны завести сумбурные мысли ее собеседницу, сделала глубокий вдох и продолжила, все тем же театральным шепотом:

– В положенное время Дик сделал мисс Грин предложение, и она его приняла. Джону Харту уже тридцать шесть лет, он овдовел семь лет назад и не собирается жениться снова. Значит, все его дело достанется Дику, так что младший Харт может считаться завидным женихом!

– Но она все же любила его? – Кэтрин вправе была надеяться на романтическую историю, раз уж ей пришлось слушать про повозки и кареты.

– Вот уж чего не знаю, мисс, того не знаю! – Сара резко одернула свою оборку. – Люди говорят, между ними сперва все было хорошо, свадьбу собирались устроить в январе... Но вот потом вроде как кошка меж ними пробежала. Или даже целая свинья, – неожиданно добавила Сара, видимо, вспомнив название гостиницы мистера Лофтли. – Дик-то часто бывал в разъездах, не мог сопровождать мисс Грин на все танцы и гулянья, а зачем тогда нужен жених? Самое приятное время помолвки они проводили почти

что порознь, и, как подозревает Сью, сердце мисс Грин начало склоняться к кому-то еще.

– Дик Харт узнал об этом и убил ее из ревности? – подхватила Кэтрин.

– Погодите, мисс! – осадила ее Сара. – Весь город так думает, хотя миссис Грин утверждала поначалу, что ее Энн была честной девушкой и ждала жениха, сидя дома с рукодельем. Но потом, как все открылось, ей пришлось замолчать...

– Что открылось?! – Неужели и этот момент истории еще не самый драматичный?

– То и открылось, что мисс Грин ждала ребеночка! Можете вы такое представить? – Сара округлила глаза и широко развела руками, словно призывая в свидетели весь белый свет.

Кэтрин, которая еще полчаса назад не подозревала о существовании мисс Грин и братьев Харт, только покачала головой. Что, если бы миссис Хаддон могла видеть дочь сейчас? Она бы немедленно потребовала у дядюшки Томаса уволить Сару, а Кэтрин бы запретила даже вспоминать об этой истории. Молодая девушка, даже если она дочь врача, должна быть ограждена от подобных рассказов. Как же хорошо, что мать осталась в Стоунфолле, а не привезла ее сама! Миссис Хаддон некоторое время размышляла о поездке, но нежелание видеть брата, его жену и, в особенности, намалеванную на вывеске свинью, пересилило в кои-то веки заботу о приличиях, и Кэти поехала в Кромберри одна.

Сара веско кивнула.

– Еще бы! Никто не мог такого себе представить, да только это истинная правда! Доктор, который осматривал мисс Грин, рассказал судье и полицейским, а те уж своим женам и матерям, и через два дня об этом знали уже все в Кромберри. Все, кроме Дика Харта, который как раз уезжал по каким-то делам и вернулся только на четвертый день после того, как нашли труп мисс Грин.

– Если он был в отъезде, как же он мог убить ее? – Кэтрин, похоже, устанет удивляться рассказу Сары больше, чем она успела устать от работы.

– Именно так и говорят они оба, и Дик, и его брат! Конечно, наутро после убийства Дика видели в Солтене, это подтвердили люди, к которым старший Харт послал Дика улаживать дела, да только никто не знает, в какое время он уехал! Сержант уверен, что Дик мог встретиться с мисс Грин около полуночи на мосту, убить ее и успеть в Солтен к завтраку!

– Но он может быть и невиновным! – возразила Кэтрин. – Если никто не видел, как он встречался с мисс Грин, почему все считают его убийцей?

Что, если это тот, другой человек, с которым мисс Грин встречалась тайком?

– Вот потому Дика до сих пор и не посадили в тюрьму! – с явным сожалением ответила Сара. – Судья никак не может решиться отдать такой приказ, да и Джон Харт нанял брату защитника, как он там называется...

– Адвокат, – подсказала Кэтрин.

– Да-да, нанял адвоката! Да только к чему это, все ведь знают, как было дело!

Пренебрежительная уверенность Сары показалась Кэти неприятной, но она слишком сильно хотела услышать продолжение истории, чтобы читать горничной нотации.

– И как же? – только и спросила она.

– Должно быть, мисс Грин призналась ему, что носит дитя, и попросила поторопиться со свадьбой, пока ее особенное положение не стало заметным. А Дик сообразил, что ребеночек-то не его, ну и обозлился! И задушил изменницу! Уж такой он, горячий нравом, несколько раз судья назначал ему штрафы за драки, а однажды и вовсе чуть не убил кого-то из работников своего брата, когда поймал того на краже денег из конторы!

Что ж, подобная трагедия была вполне возможна, и Кэтрин не нашлась, что ответить. Она не знала тех людей, но могла посочувствовать и несчастной мисс Грин, и ее жениху, неважно, виновен он или нет. Мисс Хаддон хорошо представляла себе, что значит попасть в беду из-за неодолимой страсти, пусть ее страсть и была иного свойства.

Часы внезапно заполнили холл немелодичным перестуком металлических молоточков, и Сара испуганно обернулась.

– Ах, мисс, уже полдень! Пора мне бежать наверх, прибраться в комнате миссис Тафф. К часу она непременно вернется с прогулки и, если порядка не будет, нажалуется на меня хозяйке!

– Конечно-конечно, – рассеянно ответила Кэтрин.

Горничная устремилась к лестнице, а мисс Хаддон еще некоторое время смотрела в окно, выходящее на Мэйн-стрит. Услышанная история расстроила ее, и Кэтрин, чтобы отвлечься, принялась рассматривать публику, прохаживавшуюся по улице. Изредка проезжал какой-нибудь экипаж, но в это время года открытые коляски не пользовались популярностью, а разглядеть, насколько элегантно сидящие в каретах пассажиры, не было возможности.

Появились два всадника, их кони чинно переступали тонкими ногами по щербатой мостовой, и Кэти подумала, что видела таких благородных животных лишь несколько раз в жизни, когда в Стоунфолл приезжали

богатые владельцы расположенных в округе поместий. Должно быть, и эти джентльмены не живут в Кромберри, а заехали по каким-нибудь делам.

Когда всадники поравнялись с «Охотниками и свиньей», Кэтрин сумела как следует разглядеть их профили. В том, что перед ней – родственники, сомнения не было. Одинаково крупные, утолщающиеся книзу носы, толстоватые губы и темно-рыжие волосы – как будто это один человек раздваивается, отражаясь в оконных стеклах. Впрочем, ехавший чуть впереди мужчина мог уже сейчас считаться полным, в то время как его спутник обещал стать таким лишь через восемь-десять лет. Должно быть, именно столько и разделяло братьев, за отца и сына они уж никак не смогли бы сойти.

Пока Кэтрин рассматривала джентльменов, ее любопытство не догадалось шепнуть ей, что глазеть в окно на незнакомых мужчин по меньшей мере неприлично. Напротив, она едва ли не носом прижалась к стеклу, пытаясь заметить все новые и новые детали их облика – ей уже отчетливо представилось, как она рисует в альбоме обоих всадников, преувеличенно полных и спорящих перед крошечным зеркалом, чей нос больше походит на нос их далекого предка, основателя династии. А сам этот предок с язвительной усмешкой взирает на братьев с висящего рядом портрета.

Конь старшего из мужчин опережал другого не более чем на фут, и мисс Хаддон неторопливо поворачивала голову вслед за удаляющимися джентльменами, когда первый, следуя за какой-то неизвестной мыслью, вдруг повернул голову и неспешно оглядел фасад гостиницы. Его взгляд показался Кэтрин не то мрачным, не то сонным, как будто мужчина боролся с дремотой, которую навевала степенная поступь коня. Прежде чем девушка успела отодвинуться от окна или хотя бы сделать вид, что рассматривает что-нибудь более отдаленное, нежели проезжающих мимо джентльменов, крупные серые глаза мужчины нашли ее взгляд. Кэтрин растерянно моргнула, конь сделал следующий шаг, подбородок мужчины опустился не более чем на треть дюйма, чтобы тотчас занять прежнее положение, и вот Кэти уже смотрит сперва на его ухо, затем на затылок, а через мгновение перед ней уже проплывает профиль младшего брата. Второй джентльмен даже не заметил, что его родственник пошевелил головой, в тот самый миг он с тем же надменным видом кланялся кому-то, находящемуся на другой стороне улицы. Из-за лошадей Кэтрин не могла разглядеть, были это две дамы в старомодных шляпках или молодой викарий, скорее даже, его помощник, решительным шагом направляющийся в сторону книжной лавки.

– Вот куда мне надо поскорее заглянуть, – пробормотала Кэти, все еще ощущавшая непонятное смятение. Мужчине, посмотревшему на нее, было не меньше сорока пяти лет, и его никак нельзя было назвать привлекательным, но его взгляд, из отрешенного на мгновение ставший вдруг цепким и чуть удивленным, смутил девушку.

Запоздалое чувство, что она повела себя неподобающим образом, попыталось настичь ее, но Кэтрин решительно отбросила его, постаравшись сосредоточиться на других, не менее важных вещах. Разузнать у тетушки, кто эти джентльмены, попытаться нарисовать профиль любого из них в блокноте, да поскорей, пока черты не стерлись из памяти, сбегать в книжную лавку спросить, где в Кромберри продаются кисти и карандаши, наконец, вспомнить, что она должна делать прямо сейчас, – не слишком ли много для одной семнадцатилетней девицы?

Надо отдать мисс Хаддон должное – она сперва вернулась за конторку и заглянула в блокнот, чтобы прочесть заметки о наставлениях миссис Лофтли, и только после этого, убедившись, что именно сейчас ей никуда не надо бежать, взялась за карандаш.

Глава 6

– Что ж, Кэтрин, ты прекрасно справилась со всеми поручениями на сегодня. – Миссис Лофтли с довольным видом заняла место за конторкой. Еще бы, почти весь день ее не было видно в холле, и ее племянница могла только гадать, действительно ли тетушка занята неотложными делами или просто решила устроить себе каникулы. – Еще одна просьба, дорогая: отнеси наверх чайный поднос для миссис Дримлейн и можешь отдохнуть, спуститься в ресторан выпить чаю или пойти прогуляться, пока еще не совсем стемнело. Только, бога ради, никуда не сворачивай с Мэйн-стрит!

Вчера Кэтрин удивилась бы истеричным оттенкам, прозвучавшим в последней фразе миссис Лофтли, но после рассказа Сары тревога тетушки была понятной.

Девушка послушно кивнула, ей казалось, что к окончанию этого трудного и долгого дня у нее не останется сил даже на то, чтобы открывать рот и шевелить губами. На завтра свое место за конторкой займет Бет, но тетушка Мэриан уж наверняка придумает для племянницы немало поручений. И этот или похожий на него день повторится, а за ним другой, третий и так до тех пор, пока... Пока что? Увы, на этот вопрос мисс Хаддон не могла ответить, а потому постаралась запретить его поглубже в своем разуме, как и многие другие, попытавшиеся окружить ее, словно изогнутый частокол. Она не станет думать об окончании своей службы у дядюшки в первый же день, иначе она, чего доброго, заподозрит, что разочарована произошедшей в ее жизни переменой. Ну, нет, этого Кэтрин не допустит. Отъезд из Стоунфолла – счастье для нее, и вот так она и будет считать! Глазеющие на нее постояльцы, усталые ноги и ноющая спина – не самая высокая цена за возможность больше никогда не видеть ухмыляющуюся физиономию Бартоломью!

И, похоже, она должна быть признательна мисс Вортекс за то, что та согласилась работать в «Охотниках и свинье», и еще больше за то, что Бетси решила оставить себе время на посещение приюта для одиноких стариков. Ведь иначе Кэтрин либо пришлось бы нести непосильную ношу, либо и вовсе вернуться в ненавистный Стоунфолл.

С этими утешительными мыслями Кэти направилась на кухню за чаем для миссис Дримлейн.

С трудом удерживая на одной руке тяжелый поднос, Кэтрин сперва робко постучалась, а затем отворила дверь, украшенную небольшой

гирляндой из резных зеленых листьев и побегов, похожих на виноградную лозу. Именно за этой дверью, как сообщила ей миссис Лофтли, и находился «Зал фей». Но и без подсказки можно было догадаться, что здесь не просто жилая комната – дверь с резьбой была в коридоре единственной.

В «Зале фей» обнаружился прозаический зажженный камин, и его теплое пламя в первый момент привлекло внимание девушки. Она еще не успела повернуть голову, чтоб осмотреть убранство комнаты, как кто-то шевельнулся в полосатом кресле, придвинутом почти к самому камину.

– И каким ветром к нам принесло эту малиновку? – прозвучавшие неожиданно слова едва не привели к катастрофе – поднос в руках мисс Хаддон дрогнул, зазвенела ложечка, чуть сдвинулась изящная этажерка с пирожными и сконами.

– О, дорогая, я вовсе не собиралась тебя пугать! Поставь куда-нибудь этот поднос и подойди поближе. Твоя тетушка говорила, что ожидает еще одну помощницу, но я, признаться, не думала, что ты окажешься такой молоденькой!

Голос был странный. Вроде бы и низкий, глуховатый, старческий. Но прозванивала в нем какая-то дребезжащая струна, как будто посреди мерного гудения вялого речного потока слышится звон капель, падающих в воду с поднятых весел.

В обладательнице голоса, поднявшейся из кресла навстречу девушке, Кэтрин сперва ничего примечательного не разглядела. Старая, очень старая дама, намного старше миссис Хаддон и даже покойной миссис Фолбрайт. Золотисто-коричневое платье из толстого шелка казалось дорогим, но было ли оно современным или старомодным, мисс Хаддон оценить не могла. Почтенные дамы в Стоунфолле выглядели куда скромнее в своих потертых, не раз перешитых туалетах.

Платье, конечно, Кэтрин рассмотрела позже. Сначала она встретилась взглядом с большими бледно-голубыми глазами, глядящими на нее поверх сдвинутых на кончик крепкого носа очков. На глаза нависали морщинистые веки в прожилках, но миссис Дримлейн смотрела на этот мир так же невозмутимо и пристально, как это было тридцать, сорок или даже пятьдесят лет назад.

Сейчас объектом ее внимания стала Кэтрин, и старая дама даже не пыталась скрыть своего любопытства. Леди, напротив, почувствовала себя неловкой и растерянной. Ей очень хотелось получше разглядеть и старушку, и комнату, тем более что посмотреть было на что.

Вдумчивый читатель, к счастью, не отягощенный всеми этими сумбурными чувствами, к приведенному выше описанию миссис Дримлейн

мог бы добавить язвительные морщинки вокруг истончившихся губ, несколько дорогих колец на узловатых некрасивых пальцах и, наконец, небрежно свисающий с подлокотника кресла газетный лист. Почтенная леди, читающая лондонскую газету! Несмотря на всеобщее, казалось бы, стремление к прогрессу, эти слова – «леди» и «газета» – до сих пор не могли встать рядом в одном предложении в большинстве умов, в особенности мужских.

Но миссис Дримлейн, о чем Кэтрин еще только предстояло узнать, а читателю можно сообщить и пораньше, не разделяла ни ханжеских убеждений, ни революционных теорий. Она просто проводила свою старость так, как ей хотелось, и не давала никому за то отчета. Благо, она могла себе это позволить в той степени, какой в ее возрасте было достаточно.

«Зал фей», что бы там ни говорила миссис Лофтли об испорченном цвете лица, как нельзя лучше подходил в качестве обрамления для миссис Дримлейн. Зеленые бархатные портьеры, два дивана и несколько кресел, обитые полосатым бело-зеленым штофом, и три изящных, но местами поцарапанных столика явно были приобретены предприимчивым мистером Лофтли на распродаже имущества в каком-нибудь поместье. Наследники, должно быть, так стремились избавиться от старья, принадлежащего их покойным дядюшкам или тетюшкам, что добавили к мебели и несколько прелестных ваз с пасторальными сюжетами, выглядящих почти целыми, и две картины с изображением Титании. Если, конечно, упитанную девушку в развевающихся покрывалах, с непрактично длинными для лесной чащи волосами и в сопровождении свиты, состоящей из всяческих эльфов и фей, можно было назвать Титанией.

Так или иначе, зеленый ковер с цветочным узором, картины и портьеры в целом вполне оправдывали посвящение комнаты феям, а вот что касается зала... Здесь мистер Лофтли явно преувеличил. Но не будем осуждать его за это, «зал» и в самом деле звучит лучше, нежели «комната». А ведь он мог назвать свою вторую гостиную «Обитель фей» или, чего доброго, «Убежище дивного народца». Для «Охотников и свињи» это было бы уж слишком.

Итак, возвращая читателя к текущему моменту, стоит заметить напоследок, что встреча с миссис Дримлейн оказалась вторым толчком после переезда к Кромберри, что направил течение, управляющее судьбой Кэтрин, в совершенно другое, неожиданное и никем не запланированное русло.

Пока же мисс Хаддон неловко поклонилась и кое-как водрузила свою

ношу на столик рядом с креслом.

– Добрый вечер, мадам, – пролепетала она, боясь совершить еще какую-нибудь оплошность.

– Я напугала тебя, дитя? – миссис Дримлейн убедилась, что ее сконам ничего не грозит, и снова устроилась в кресле. Газета соскользнула на пол, и Кэтрин, едва не сбив столик, поспешила поднять ее.

– Нет... Не совсем. – Девушка уже досадовала на себя. Казалось бы, встречи со стоунфоллскими дамами из благотворительного общества должны были закалить ее или, во всяком случае, подготовить к знакомствам с самыми грозными типажам, но сейчас она не ощущала в себе твердости духа, чтобы представить портрет миссис Дримлейн в своем альбоме. – Просто... мой отец называл меня малиновкой.

– Ах вот в чем дело... – протянула старая дама. – Возьми в том шкафу еще одну чашку и присядь, думаю, чая и пирожных здесь хватит на двоих.

– Разве я могу?.. – Кэтрин посмотрела на собеседницу с еще большей растерянностью.

– Пить чай с постояльцами? – миссис Дримлейн усмехнулась. – Разумеется, можешь, если тебя пригласили. Твоя тетушка, открою тебе эту тайну, только этим и занимается, если только повезет с приглашением. Второй секрет – я ее приглашаю нечасто. Боюсь, она довольно скучна, а тратить время за чаем на скучных людей я уже не могу себе позволить. А мисс Вортекс и без того проводит слишком много времени со стариками, чтобы тратить его на меня совершенно бесплатно! Да не стой же, дорогая, делай, как тебе велено!

После этого окрика Кэти буквально метнулась к стеклянной горке, установленной в проеме между окнами. Внутри обнаружилось несколько красивых чашек и других предметов из тонкого фарфора – благородные останки старинного сервиза, не пережившего несколько поколений владельцев. Должно быть, посуда досталась мистеру Лофтли вместе с горкой на том же самом аукционе, где он приобрел и другие предметы для украшения своего «Зала фей».

Кэтрин осторожно взяла чашку с блюдцем, придерживая их так, чтобы не звенели друг о друга. Вот интересно, ее руки дрожат от усталости или от волнения, вызванного встречей со старой леди? Миссис Дримлейн не сказала ничего особенного, лишь назвала ее малиновкой...

Пухленькая и розовощекая, Кэтрин и в самом деле напоминала птичку своей живостью. Доктор Хаддон нередко говорил, что хотел назвать дочь Робин, но миссис Хаддон решительно не позволила. Шутил он или говорил правду, Кэти не знала, но это детское прозвище казалось ей тайной только

ее и отца. И вдруг незнакомая женщина, едва глянувшая из глубин кресла, называет ее точно так же! Впору подумать, что в «Зале фей» могут случаться чудеса. Кто знает, как на самом деле выглядят феи? Может быть, через несколько столетий они становятся похожи на миссис Дримлейн?

Дольше подумать об этом у Кэтрин не было времени, она подошла к камину и осторожно села в кресло напротив миссис. Оно было поставлено так, что становилось ясно – кому-то почтенная леди все же оказывает честь, приглашая на чаепитие. Кто же это, если не миссис Лофтли и Бет, Кэти еще только предстояло узнать.

– Что ж, я уже знаю, что ты – племянница Томаса Лофтли, – миссис Дримлейн приняла свою чашку твердой рукой, пальцы ее не дрожали. – Твой отец – доктор, и ты могла бы удачно выйти замуж в своем городке, но твои родители отправили тебя сюда. Вероятно, этому есть какая-то причина? Поведай мне свою страшную тайну, облегчи душу!

Кэтрин не сразу поняла, что миссис Дримлейн шутит. В первые мгновения она ошарашенно смотрела на старушку. Разве можно об этом спрашивать вот так, без обиняков, едва знакомого человека? Матушка Кэти, да и ее ближайшие подруги всегда казались девушке довольно бесцеремонными, но и они обычно тратили некоторое время на светские условности, прежде чем вцепиться в жертву своего любопытства.

Миссис Дримлейн громко рассмеялась. Ее смех напомнил Кэтрин хрипловатое похохатывание старого мистера Солберна, не расстававшегося со своей трубкой.

– А я-то думала, ты не из робких барышень, раз уж согласилась занять место за стойкой в «Охотниках и свинье». По словам твоего дядюшки, ты росла бойкой девочкой, несмотря на все попытки матери усмирить твой нрав. Прости меня за эту прямоту, ты еще не можешь представить, каково это – проводить все время в одиночестве или с людьми, чье общество тебя не развлекает. Я не требую настоящей исповеди, но расскажи хоть что-нибудь! Что за место твой... Стоунхолл? Какие люди там живут, какие сплетни в моде? Несмотря на удачное расположение Кромберри, это довольно унылый городишко, а поехать куда-то еще у меня уже нет сил.

Кэтрин немного подумала и решила не сердиться.

– Стоунфолл намного меньше Кромберри, как мне кажется, – неуверенно ответила она. – И там редко случается что-нибудь по-настоящему интересное.

– Фи, дорогая, ты говоришь, как подобает скучной молодой леди с ровным пробором и кривыми зубками, из-за чего она лишний раз не улыбнется. – Похоже, миссис Дримлейн готова была вот-вот разочароваться

в своей новой знакомой. – Давай попробуем еще разок. Ты сбежала из своего скучного Стоунфолла или тебя услали родители с глаз долой?

– И то и другое, миссис Дримлейн! – Кэтрин решила, что может выдать некоторое количество правды. Ей начинала нравиться и прямота старой дамы, и эта комната, и пирожные... – Матушка решила, что мне лучше будет уехать после одной... неприятной истории, а я начала дышать свободней после того, как вчера вышла из дилижанса.

Кэти умолкла. Вчера? В самом ли деле она только вчера переступила порог «Охотников и свиньи»? Сейчас ей казалось, что она оставила свой дом месяц назад, не меньше.

– Что ж, надеюсь, тебе и дальше будет чем дышать, – усмехнулась миссис Дримлейн. – Не позволяй твоим дядюшке и тетушке нагружать тебя сверх меры, они навряд ли станут платить тебе столько же, сколько наемной служащей. Я вижу, что ты устала, а ведь тебе, должно быть, хочется пойти на прогулку, увидеть новые места, познакомиться со своими сверстницами... Чем ты любишь заниматься? Вышивки, сентиментальные романы, садоводство, сюсюканье вместе с подругами из благотворительного комитета над бедными, дурно пахнущими младенцами?

– Рисовать! – выпалила Кэтрин, передернувшись при мысли о бедных младенцах.

– Сельские пейзажи, должно быть? Коридор на этом этаже пустоват, думаю, ты могла бы украсить его несколькими картинами.

– Чаще всего мои работы не годятся для показа публике. – Кэти невольно улыбнулась, представляя, как постояльцы дядюшки Томаса толпятся в коридоре, мешая другу другу, чтобы рассмотреть ее рисунки. Затем находят себя и с возмущением покидают гостиницу, пообещав никогда больше не появляться в «Охотниках и свинье».

– Отчего же? Они настолько дурны?

– Напротив, мадам! – задетая за живое, Кэтрин не выдержала. – Я люблю рисовать портреты своих знакомых, и они получаются похожими на себя. Но при этом они выглядят... смешными.

– Вот как! – почтенная дама наклонилась вперед, как будто силилась рассмотреть на круглом личике девушки что-то, не замеченное прежде. – Правильно ли я поняла тебя? Ты выставлешь своих знакомых в нелепом виде? Подмечаешь в них дурное, тайные пороки, быть может?

– Я... я не знаю. Я не думала об этом... так. Но если человек сварлив, завистлив или скуп, это видно на моих портретах. И я ничего не могу с собой поделать, – обескураженно призналась Кэтрин, еще больше, нежели

словам, удивляясь самому откровению.

– Звучит многообещающе. – Миссис Дримлейн снова оперлась о спинку кресла. – Уверена, в Кромберри ты найдешь немало типажей для своего альбома.

– Я тоже надеюсь, – согласилась Кэтрин. – Сегодня я видела в окно двух джентльменов, полагаю, они братья. Полные, на дорогих лошадях...

– Можешь не продолжать, – старушка неодобрительно сжала губы, прежде чем продолжить. – Эти господа – братья Теобальд и Годфри Уорренби. Наши поместья расположены совсем рядом.

– Поместья? – Кэти непонимающе посмотрела на собеседницу.

– Только не говори, что горничные или твоя тетушка еще ничего не успели тебе рассказать обо мне! – Миссис Дримлейн подтянула повыше очки и прищурилась.

– Так и есть, мадам. – Кэтрин смутилась, но она говорила правду и надеялась, что старая дама ей поверит. – Я почти не видела свою тетю сегодня, а от горничной услышала только жуткую историю об убийстве мисс Грин.

– Ох, ну конечно, – понимающе закивала миссис Дримлейн. – По сравнению с недавним убийством мои семейные скелеты кажутся кучкой пыльной соломы. Впрочем, убийство у нас ведь тоже было... Точнее, самоубийство.

Кэтрин ахнула – ведь этого, должно быть, ожидала от нее эта странная леди, как несколько часов назад – Сара.

– Что ж, настала моя очередь напугать тебя жуткой историей. – Старушка сняла очки, потерла их о рукав и вернула на место. Несколько секунд паузы, и она продолжила: – Мой сын, Ричард Дримлейн, ныне проживает в поместье, доставшемся ему по наследству от моего покойного супруга. Сейчас он женат на приятной, милой женщине, Розамунд, и у них двое сыновей. Внуки, которых я почти не вижу... Наша с сыном ссора огорчает Розамунд, и иногда она привозит детей сюда, в «Охотников и свинью», чтобы я могла увидеться с ними. Но Ричард не одобряет эти встречи, а я не хочу служить причиной их размолвок. Достаточно и того, что из-за меня погибла первая жена Ричарда, Алисия.

Миссис Дримлейн на некоторое время замолчала, а у Кэтрин хватило сообразительности не прерывать это молчание охами и ахами.

– Тебе наверняка еще расскажут, какой злобной фурией я была по отношению к Алисии. Не свекровь, а всевидящее злобное око, готовое тотчас заметить малейший промах и протрубить о нем на каждом перекрестке. – Миссис Дримлейн вздохнула. – Что ж, так оно и было. Я

считала и продолжаю считать, что Алисия была дурной женщиной. Тратила больше, чем мог позволить себе Ричард, устраивала для соседей, в том числе и для семейства Уорренби, пышные празднества с непременным скандалом... Ричард все прощал ей, так сильно он ее любил. И я простила бы, будь дело только в ее расточительстве.

Снова пауза. Кэтрин слушала напряженно, сама не понимая, хочет ли она услышать окончание истории. Отчего-то ей стало страшно жаль миссис Дримлейн. И просто – страшно.

– Девушке твоего возраста не полагается даже знать такие слова, но я все же продолжу. – Миссис Дримлейн отпила немного остывшего чая и вернула чашку на блюдце. На этот раз рука дрогнула. – Я была уверена, что Алисия изменяет моему сыну. И это уж я никак не могла простить. Я говорила Ричарду о своих подозрениях, но он только сердился, он как будто замотал розовым шарфом Алисии свои глаза и видел мир таким, как она ему описывала.

Кэти грустно вздохнула, ее собственные печальные мысли буквально на мгновение вытеснили переживания, вызванные рассказом миссис Дримлейн. В свои семнадцать лет она уже знала, что значит смотреть чужими глазами и видеть только то, что тебе хотят показать...

– После одной из наших ссор я уехала погостить у вдовы своего кузена. Эмили жила в бедном маленьком домике, но там мне было намного уютнее, чем в большом доме, который перестал принадлежать мне. Ричард предлагал купить мне коттедж или даже построить дом на краю наших земель, но тогда я не согласилась. Это казалось таким унижительным! Я так и представляла, как выхожу из дома с жалким узелком в руках, а спину мне сверлит торжествующий взгляд Алисии!

Кэтрин передернуло, так живо она представила себе эту сцену и незнакомую Алисию. Во взгляде этой женщины было знакомое ей удовлетворение, совсем недавно она видела такой же взгляд у Бартоломью...

– Эмили заболела, и я несколько месяцев ухаживала за ней, радуясь, что могу быть полезной. Ричард не писал мне, но чеки на мое содержание, оговоренные в завещании его отца, приходили регулярно. Увы, на эти деньги мне пришлось хоронить мою милую подругу, – миссис Дримлейн тяжело вздохнула.

Ее юная слушательница чувствовала себя неловко. Как вести себя? До сих пор ее беседы с почтенными дамами ограничивались нравоучениями последних или их рассказами об удачных браках своих дочерей, внучек, племянниц и об их чудесных детках. Никто еще не казался Кэтрин таким

откровенным, не говорил с ней так прямо о семейных трагедиях, не пересказывал все то, что обсуждают шепотом, намеками и многозначительными взглядами.

– Я уже давным-давно никому не рассказывала свою историю, – миссис Дримлейн, казалось, понимала, в какое смятие приводит девушку этот мрачный рассказ, – она известна каждому в Кромберри, а постояльцы «Охотников и свиньи» слишком озабочены собственными делами, чтобы проводить время в обществе сумасшедшей старухи, какой меня считают здешние горничные. О, не возражай, дитя, они еще расскажут тебе все и даже больше того, за двадцать лет на картине нашей семейной драмы добавилось немало штрихов, сделанных как знакомыми, так и совершенно неизвестными мне жителями этого дрянного городка.

Кэти поехала. Неужели в Кромберри ей будет так же тоскливо, как в родном городке? А ей-то казалось, здесь жизнь окажется куда как интереснее! И, конечно, счастливее.

– Тебе уже не терпится сбежать? – Ее напряженную позу миссис Дримлейн поняла по-своему. – Не беспокойся, я уже заканчиваю...

– Нет-нет, что вы! Я очень хочу узнать, что было дальше! – искренне воскликнула Кэтрин. – Только я не знаю, что ответить...

– Еще бы, тебя такому не учили, – усмехнулась старуха. – Наверняка тебе полагается сидеть, примерно потупив глаза, сложив руки на коленях, и выслушивать поучительные рассказы ваших стоунфоллских матрон. Не так ли?

– Вы правы, мадам, – согласилась Кэти, чувствуя невероятное облегчение, что миссис Дримлейн не попыталась сразу же занять место ее матери или кого-нибудь из этих самых матрон. – Я буду рада никогда с ними больше не видеться!

Миссис Дримлейн кивнула.

– В молодости я была чрезмерно послушной и очень потом сожалела об этом. Меня выдали замуж за человека, которого я уважала, но не любила, и только через много лет я решила, что буду говорить то, что думаю, и не позволю никому помыкать собой... Но давай вернемся к моему повествованию.

Мисс Хаддон с энтузиазмом закивала. История была похожа на страшноватую сказку, которые так нравились ей в детстве. Сказки рассказывал отец, но ему почти никогда не удавалось завершить историю до конца – Маргарет начинала плакать от страха и звать няню. Вместо няньки приходила миссис Хаддон, и доктору Хаддону приходилось прерывать свой рассказ и с виноватым видом выслушивать нелестное

мнение о себе жены, полагавшей, что супруг ставит на собственных детях какие-то врачебные эксперименты.

Сегодня же Кэтрин довелось услышать две жутковатые истории в один день, и обе они были правдой! Конечно, миссис Дримлейн еще не закончила, но ее собеседница не сомневалась – у этой сказки не будет счастливого финала.

– Исполнив последние печальные обязанности, связанные с похоронами Эмили, я поехала в Кромберри. Как ни странно, по мере приближения к дому я начала чувствовать, что соскучилась. Мне хотелось увидеть сына, повидаться с друзьями, и я даже готова была примириться с Алисией, если б только она смогла вести себя чуть тише и не попадалась мне на глаза. – Старушка сверкнула своими очками и желчно усмехнулась, ненадолго превратившись в старую потрепанную сову – какие уж тут феи. – Но куда там... Ричард, кажется, обрадовался мне и даже выразил сочувствие из-за смерти моей бедной подруги. Алисия же выглядела самодовольной, как никогда. И вовсе не пыталась быть хоть немного любезной.

Кэтрин снова подумалось, что покойная невестка миссис Дримлейн могла бы быть старшей сестрой или даже матерью Бартоломью. Во время их последней случайной встречи перед самым отъездом Кэти друг ее детства не удостоил ее даже легкого кивка.

– Очень скоро я узнала, в чем причина ее поведения. Невестка ждала ребенка! – Миссис Дримлейн горько вздохнула, кажется, с каждым словом ей было все тяжелее рассказывать. – Ричард был так счастлив, он ожидал этой новости уже несколько лет и опасался вовсе остаться без наследника, как его приятель Тео Уорренби, отчаявшийся дождаться от своей жены сына или дочь. Я же не могла разделить радость сына, будущий внук не вызывал у меня никаких чувств, кроме отвращения, а к Алисии я почувствовала настоящую ненависть.

– Но почему?! – вскричала Кэтрин. Как дочь врача, она знала, что дамы, находящиеся в интересном положении, не должны огорчаться и расстраиваться, а миссис Дримлейн явно постаралась отравить жизнь своей невестке.

– Сама не знаю, откуда возникла эта уверенность, но я не могла избавиться от мысли, что отец ребенка – не Ричард. – Даже сейчас, после стольких лет, можно было почувствовать гнев миссис Дримлейн. – От своего сына я узнала, что в последние месяцы, когда меня не было дома, он тоже часто уезжал по делам, бывал в Лондоне и Манчестере. Он даже ездил ненадолго на континент, где у нас есть небольшой виноградник, от

которого в последние годы стало слишком мало толку. Алисия же подолгу оставалась одна. Соседки, от которых она уже не могла скрывать свое особенное состояние, тут же принялись нашептывать мне, сколько новых туалетов они видели у моей невестки и как часто она принимала гостей, когда ее мужа не было дома. Причем их-то она как раз не приглашала!

Сомнения миссис Дримлейн были понятны и без дальнейших объяснений. Но как она могла быть уверена? Кэтрин не решилась об этом спросить.

– Алисия тяжело переносила беременность, так утверждал ее доктор. А мне казалось, она просто стала еще более капризной и раздражительной, ей хотелось, чтобы я покинула их с Ричардом дом, и мой сын, кажется, был готов уступить ей. Во всяком случае, он начал предлагать мне погостить немного у друзей, хотя бы до тех пор, пока ребенок не родится. Это предложение привело меня в ярость, я ведь только что вернулась домой и скорбела об ушедшей родственнице! – Миссис Дримлейн даже хлопнула ладонью по подлокотнику, давние эмоции никак не хотели оставить старушку в покое. – На следующий день, как только Ричард уехал обедать к нашим соседям, я направилась к Алисии. Уверена, в стенах моего дома никогда не звучали такие слова, как я ей наговорила. Все, что копилось во мне за годы их брака, я выплеснула на нее, даже наш кучер был бы поражен, услышав меня. Впрочем, кое-что из тех выражений я почерпнула как раз у него. Ее беременность не смягчила меня, да меня в то время ничто не смогло бы тронуть.

Мисс Хаддон смотрела на собеседницу и верила каждому слову. Миссис Дримлейн, несомненно, была способна нанести удар своему противнику, даже сейчас она не казалась слабой старухой. Искривленным временем корнем узловатого вяза – да, а вовсе не поникшей под тяжестью снежной ноши елью.

– Сперва Алисия пыталась заставить меня замолчать, но ее истерические выкрики и слезы меня не испугали, в отличие от горничных. Бедняжки, должно быть, забились в чуланы и тряслись там от ужаса, все, кроме старой кормилицы Алисии, бывшей при ней денно и ночью все время беременности. – Кажется, миссис Дримлейн гордилась собой в тот момент, и это показалось Кэтрин весьма отталкивающим. Даже если Алисия это заслужила. – Выговорившись, я ушла и оставила ее одну. Больше в тот день мы не виделись... Вернее сказать, я больше не видела свою невестку живой. О, если б я только знала, к каким ужасным последствиям приведет мой гнев, я бы усмирила свою ярость, уехала бы, как того хотел Ричард.

Миссис Дримлейн не заплакала. Наверное, у нее уже не осталось слез, но сейчас Кэтрин стало жаль ее, такой несчастной, сломленной выглядела старушка, еще несколько минут назад казавшаяся девушке безжалостной фурией. И все же теперь Кэти больше всего хотелось знать, что же случилось с младшей миссис Дримлейн, какое ужасное несчастье постигло ее за все прегрешения, в какой карающий меч превратилась ненависть ее свекрови.

Старая дама молчала минуту или две, и Кэтрин подумала, что ее собеседница жалеет о своей откровенности с незнакомой девушкой, но миссис Дримлейн собралась с силами и продолжила. Да и рассказать ей осталось уже немного.

– Ричард вернулся поздно и попросил подать легкий ужин ему в кабинет и не беспокоить его, он собирался писать кому-то. Я после случившегося потеряла аппетит и пролежала остаток дня в своей комнате с головной болью. Так что первой забеспокоилась старая кормилица, которая пришла помочь Алисии лечь в постель. Как мы потом узнали с Ричардом, моя невестка долго плакала, а затем ушла на прогулку, успокоить нервы. Вернувшись, она попросила оставить ее одну, и прислуга занялась другими делами. Когда ее не обнаружили в спальне, девушки поискали ее в других комнатах, а лакеи в саду. Летний вечер был хорош, но все же ей не стоило выходить слишком поздно, чтобы не простудиться. На конюшне Алисию никто не видел, лошади все были на месте... Вот тогда дворецкий счел необходимым доложить хозяину. Обеспокоенный Ричард пришел ко мне, хотя навряд ли мог рассчитывать застать меня и Алисию, мирно беседующими за рукодельем.

– Как бы я на нее ни сердилась, я встревожилась наравне с остальными. Все домочадцы принялись искать мою невестку, побывали на чердаке и в винном погребе. Ее нигде не было... – миссис Дримлейн заговорила медленней, как будто у нее пересохло в горле. – И только через час кормилица нашла ее возле башни.

Пауза. Кэтрин хотелось спросить, что это за башня, но не осмелилась. Миссис Дримлейн пояснила сама.

– Наша семья не всегда жила в этом поместье, лет сто назад прежние владельцы разорились, дом почти разрушился, хозяйство пришло в упадок, и вот тогда земли приобрел предок моего мужа, разбогатевший благодаря удачным вложениям. Он построил новый дом, чуть в стороне, а старый велел снести, кроме одной высокой, нелепой башни, которая чем-то нравилась ему. Одно время в башне держали голубей, а в последние годы садовники использовали ее для хранения своего инвентаря, да влюбленные

горничные бегали туда на свидания со своими поклонниками, как бы ни пыталась экономка бороться с этим. Мне башня никогда не нравилась, уж очень она неуместно смотрелась на окраине нашего нынешнего сада, но ни муж, ни Ричард не согласились ее снести. Конечно, сейчас ее уже давно нет, но мой сын распорядился сровнять ее с землей, когда было уже слишком поздно.

– Алисия упала с вершины башни? – новую паузу Кэтрин уже не могла вытерпеть.

– Она нарочно прыгнула прямо на плиты, оставшиеся от старого двора, – сухо ответила миссис Дримлейн. – Поднялась на самый верх, от оконных рам уже ничего не осталось, и ей было совсем нетрудно перебраться через низкий подоконник даже в ее положении. Бедняжка! Видит бог, я не любила ее и так и не смогла скорбеть о ней по-настоящему, но я не хотела ей такой участи! И ее неродившемуся ребенку тоже. Уверена, что не хотела!

Кэти была слишком молода, чтобы раздумывать, убеждает миссис Дримлейн ее или саму себя. Девушка видела теперь, что старушка до сих пор раскаивается в своей несдержанности, повлекшей за собой трагедию.

– Это не могла быть случайность? Может быть, она поднялась наверх, чтобы побыть в одиночестве, подумать о том, как помириться с вами... – Мисс Хаддон попыталась смягчить воцарившийся в комнате дух уныния, но миссис Дримлейн не готова была принять этот дар.

– Она, как и я, терпеть не могла эту башню, образец безвкусыя, – быстро ответила миссис Дримлейн. – Нет, она забралась туда нарочно. В кармане ее платья нашли записку, обрывок бумаги, на котором было написано: «Я должна тебе во всем признаться». Должно быть, она испугалась, что я смогу убедить Ричарда в том, что ребенок не его, и захотела опередить меня, но не смогла продолжить начатое письмо. Я не знаю, сумел бы мой сын простить ее, сделай она так, как собиралась, но ее смерть примирила Ричарда со всеми ее грехами. И весь свой гнев, всю боль он обрушил на меня...

В комнате наступила тишина. Из коридора слышались шаги и голоса постояльцев, кто-то возвращался с прогулки, кто-то собрался спуститься в ресторан, но здесь, в «Зале фей», некоторое время не было слышно ни одного звука, за исключением потрескивавшего в камине пламени.

Молчала миссис Дримлейн, возможно, обессиленная своей исповедью. Сколько раз она повторяла эту историю, скольким людям пришлось разделить с ней ее боль, и стало ли ей от этого хоть немного легче? Наверяд ли.

Молчала и Кэтрин. Слишком много чувств смешалось в ней, превратившись в одно неясное смятение, и девушка не готова была ни осуждать, ни сочувствовать, ни тем более задать волнующий ее вопрос. Чем она заслужила такую откровенность? Было ли миссис Дримлейн настолько скучно и одиноко, чтобы искать в случайной собеседнице благодарного слушателя? Или она что-то разглядела в юной мисс Хаддон?

Наконец, старушка шумно выдохнула, словно выталкивая из себя последние, болезненные слова:

– Кого-то из наших соседей Алисия раздражала почти так же сильно, как меня, кому-то она нравилась, но, так или иначе, все они оказались единодушны в своем суждении. Я третировала свою невестку до тех пор, пока бедняжка не покончила с собой, не выдержав яда моей ненависти. Все отвернулись от меня. Ричард запретил мне присутствовать на похоронах, едва ли не в лицо мне бросил чек и потребовал тотчас же уехать из его дома. И я взяла его деньги и уехала под гул звучащих мне вслед проклятий. Целый год меня не было в Кромберри, а затем я вернулась. И поселилась в «Охотниках и свинье».

– Но зачем? Разве вы не могли купить или снять дом? – Кэтрин могла только предположить, насколько состоятельна семья Дримлейнов, но старая дама казалась ей достойной более комфортабельного обрамления, нежели «Зал фей», каким бы очаровательным он ни казался юной провинциалке.

– Разумеется, могла, – пожала плечами старушка. – Но я не захотела. У меня не было ни сил, ни желания начинать все заново. Восстанавливать старые связи, вести дом, нанимать прислугу... Со мной уехала только моя старая горничная, но во время путешествия она покинула меня. Еще одна смерть... И я решила устроиться так, чтобы бремя забот обо мне легло на кого-то другого. И ни разу об этом не пожалела.

– И вы все эти годы живете здесь? – Кэтрин попыталась представить себе, каково это: проводить день за днем в одной и той же комнате, в компании газет и, может быть, редких визитов других постояльцев.

– Когда у меня было больше сил, я еще позволяла себе раз или два в год навещать старых друзей, но слава о моем жестокосердии дошла и до них, и меня не торопились приглашать в гости. Постепенно я привыкла к тому, что все мое общество отныне заключается в хозяевах этой гостиницы, слугах и тех из постояльцев, кто готов потратить свое время на болтовню со старой ведьмой. Я ведь стала едва ли не легендой, злым духом Кромберри. Подожди несколько дней, малиновка, и ты сама услышишь, что я краду младенцев из колыбели и насылаю болезни и несчастья одним

только взглядом! Какая бы беда ни приключилась в нашем городишке, всегда найдется тот, кто найдет повод обвинить меня в случившемся. Старая кормилица Алисии доживает свои дни в богадельне, и, хотя она не вполне в своем уме после этой истории – вот еще одна загубленная мною жизнь, – не забывает посылать проклятья в мой адрес.

Кэтрин поежилась, вспомнив историю Сары о бедной мисс Грин. Неужели люди так суеверны и глупы, чтобы искать оправдания чьему-то преступному поведению, обвиняя безобидную старуху? Миссис Лофтли ничего такого не говорила.

Кэти так и сказала миссис Дримлейн.

– Разумеется, твоя тетя – милейшая женщина, какая только может оказаться владелицей гостиницы. Я ни разу не слышала ни от нее, ни от мистера Лофтли каких-либо бестактных намеков, несмотря на то что они оба весьма любопытны и болтливы. Но я и познакомилась с ними через несколько лет после тех злосчастных событий. Досталась в наследство от прежних хозяев «Охотников и свиньи», если можно так выразиться. – Впервые за долгое время старушка улыбнулась. – И, надо заметить, сейчас жить здесь намного комфортнее, чем было в первые годы после моего переезда. Мне пришлось пережить все эти ремонты и переделки, смириться с новой мебелью и нелепыми названиями комнат, но гостинице все это пошло на пользу. Да, пожалуй, и мне тоже. Как и старый дом, старые люди нуждаются время от времени в обновлении обстановки, иначе жизнь теряет последние краски...

Кэтрин улыбнулась в ответ. Она чувствовала некое облегчение от того, что миссис Дримлейн завершила свой рассказ, но о чем говорить дальше? Задавать вопросы о сыне старушки и его новой жене, пожалуй, пока не стоит. Может быть, пора уже попрощаться и уйти, время чаепития явно закончилось. Наверное, надо унести поднос? Или это сделает горничная?..

Проницательный взгляд старой дамы поверх очков Кэти заметила, когда подняла голову от чайного подноса.

– Полагаю, ты смущена и встревожена, дитя. Мой рассказ не очень-то подходит для начала знакомства, но мне показалось, мы можем подружиться. Ты такая юная и живая, притом явно неглупая девушка, поверь, в мои годы я уже могу увидеть столь многое с одного взгляда. И лучше тебе было услышать эту историю в моем изложении, нежели в пересказах, за много лет искаживших правду почти до неузнаваемости. Да и мне полезно время от времени говорить о своей семье; то, что я натворила, нельзя забывать, как бы моя память ни пыталась облегчить мою совесть.

Мисс Хаддон только кивнула, ответить тут надо было либо слишком

много, либо слишком мало, и она не знала, что выбрать. Миссис Дримлейн лестно отозвалась о Кэтрин, совсем не зная девушку, и тут же показала, что чувство вины до сих пор терзает ее, и она сама подпитывает его, бередя старую рану. Определенно пора сменить тему беседы на что-то более безобидное.

Неожиданно Кэтрин пришла в голову спасительная мысль.

– А эти джентльмены, которых я видела сегодня днем? Братья Уорренби? Вы поддерживаете с ними добрососедские отношения? Какие они?

– Господи, нет, конечно! – миссис Дримлейн фыркнула. – С ними дружен мой сын, а мой покойный муж частенько охотился и выпивал вместе с их отцом, таким же толстым и спесивым, как Тео, хоть и находящимся под каблуком своей жены. Да и Годфри несильно отстаёт от брата, ещё несколько лет – и станет его абсолютной копией. Жена Тео – единственная, с кем в их семействе приятно общаться, но на нее мало кто обращает внимание, ведь она, бедняжка, так и не смогла родить наследника. Хочет он того или нет, Теобальду придется оставить поместье в наследство брату. Годфри с детства завидовал Тео и ссорился с ним из-за каждого пустяка, а мой бедный Ричард никогда не мог решить, чью сторону ему занять. Из-за этого его награждали тумаками оба братца. Вражда утихла, когда их отослали учиться. Теобальд вернулся помолвленным, а Годфри до сих пор не выбрал себе невесту, должно быть, зарится на большое приданое. Боюсь только, отцы богатеньких невест не слишком рады видеть своим зятем младшего сына... После, когда Ричард женился на Алисии, соперничество братьев возобновилось, оба они числились воздыхателями моей невестки и не терпели, если она уделяла больше внимания кому-то одному.

Кэтрин почувствовала досаду на себя – она хотела отвлечь старушку от ее переживаний из-за старой трагедии, но и от разговора о соседях миссис Дримлейн сумела перейти к злосчастной Алисии. Как легкомысленно, должно быть, поступала молодая миссис Дримлейн в те годы! Кокетничать с другими мужчинами на глазах у собственного мужа – такого поведения Кэти никогда прежде не видела, в Стоунфолле дамы вели себя куда скромнее.

– Братьев Уорренби нельзя назвать красавцами, но они способны привлечь внимание женщины, – продолжила старая дама. – Нынешняя жена Ричарда подружилась с супругой Тео и не слишком-то привечает братьев. Их справедливо можно назвать самыми неприятными людьми среди наших соседей, но их везде приглашают, ведь они богаты и могут

быть остроумными собеседниками, если пожелают...

Миссис Дримлейн не успела договорить – резко хлопнула дверь, и дамы обернулись, чтобы узнать, кто потревожил их уединение.

В комнату решительным шагом прошел высокий старик, чьи волосы, борода и даже брови были совершенно белыми, словно на него опрокинули банку с мукой, да так и оставили, обтерев лишь щеки и лоб.

– А-а, мистер Тауб, – миссис Дримлейн приветливо улыбнулась мужчине, они явно виделись не в первый раз. – Прошу вас, проходите и присоединяйтесь к нам. Мы с мисс Хаддон так мило беседуем за чаем, что совсем забыли о времени.

– О, дорогая леди, если я помешал, готов тотчас исправить оплошность и оставить вас! – воскликнул старый джентльмен бодрым, гулким голосом.

– Я уже собиралась уходить, – поторопилась Кэтрин вскочить на ноги, смущенная тем, что незнакомец застал ее распивающей чай с постоялицей. Что, если он нажалуется тетушке?

– Что ж, тогда я охотно займу ваше место, мисс. – Мистер Тауб подождал, пока Кэти соберет на поднос посуду, и разместился в кресле напротив миссис Дримлейн. – Я подумал, что не виделся с вами уже целых два дня, мадам, а наш спор о китайском чае остался незаконченным. Однако же невежливо будет расстаться с этой милой юной леди, так и не познакомившись с ней.

Старушка улыбнулась и кивнула, затем повернула голову к Кэтрин.

– Моя новая подруга, мисс Хаддон, доводится племянницей нашему любезнейшему хозяину, – сообщила она своему приятелю. – Эта прелестная мисс только вчера приехала, и ей еще только предстоит знакомство с Кромберри и здешним обществом. Она будет помогать миссис Лофтли и мисс Вортекс управляться с делами гостиницы.

– Я счастлив видеть вас здесь. Признаться, мисс Вортекс наводит на меня страх своей суровостью, тем приятнее видеть ваше улыбающееся личико, – обрадовался мистер Тауб. – Надеюсь только, ваша тетушка не загрузит вас работой сверх меры и у вас останется время на прогулки и все те милые занятия, что так любят юные леди!

Кэти тоже приветливо улыбнулась. Похоже, в Кромберри все так многословны, как ее дядя, тетя и миссис Дримлейн. Едва познакомившись с нею, каждый начинал беседу так, словно Кэтрин приходилась им родственницей или близкой знакомой. Неужели они не могут наговориться между собой и им так нужны новые собеседники?

Девушка на мгновение представила себе картинку в своем альбоме –

миссис Дримлейн и мистер Тауб в образе сов, серо-коричневой и снежно-белой, сидят на одной ветке, склонив друг к другу головы, и сплетничают о жителях Кромберри, шагающих по улице под ними, ничего не подозревая.

Старики и вправду чем-то напоминали этих птиц, мудрых и одновременно обеспокоенных.

Ее фантазии разрушил мистер Тауб, поторопившийся представиться совладельцем торговой компании, регулярно бывающим в Кромберри по делам.

Мисс Хаддон была изумлена. Мистер Тауб показался ей слишком старым для того, чтобы продолжать вести дела. Неужели в его конторе больше некому разъезжать по стране, подвергая опасности свое здоровье? Разумеется, она не сказала вслух ничего подобного, только несколько подобающих любезностей, и девушка оставила собеседников спорить о чае или о чем им там будет угодно.

Как бы там ни было с его деловыми поездками, мистер Тауб не особенно впечатлил Кэтрин, после знакомства с миссис Дримлейн и созерцания братьев Уорренби этот пожилой джентльмен показался ей весьма заурядным. А вот о разговоре со старой дамой девушка собиралась как следует поразмыслить в тишине своей уютной милой комнатки. Да и слова о суровом нраве Бет встревожили ее – не хотелось бы нажить себе врага!

Глава 7

– Подожди меня здесь, мне нужно зайти на почту и попросить мистера Морвейна отправить письма, – мисс Бет Вортекс кивком указала Кэтрин на старинную широкую скамью в центре маленькой площади. – Давай положим тюк на скамью, и ты сможешь немного отдохнуть. Не спорь, я же вижу, что ты не привыкла носить такие тяжести.

Каждый раз, когда Бетси говорила что-то подобное, Кэтрин пыталась расслышать в ее словах зависть, насмешку или упрек, но мисс Вортекс лишь указывала на очевидное, кажется, вовсе не желая задеть Кэти. Во всяком случае, голос ее звучал не более резко, чем обычно. Ровно тем же тоном она говорила с миссис Лофтли, горничными или постояльцами «Охотников и свиньи».

За три дня, прошедшие с момента их знакомства, Кэтрин так и не решила, нравится ей Бетси или же нет. Или, вернее, боялась признаться себе, что Бет ей не нравится. Ведь им придется доверять и помогать друг другу, раз уж обе они занимаются одним делом.

Мисс Вортекс оказалась не такой уж юной девушкой, как представила себе Кэти со слов дяди и тети. Скорее всего, Бет уже исполнилось двадцать пять, но тяжелая работа и пережитые невзгоды могли и прибавить ей год-другой. Высокая и гибкая, черноволосая и темноглазая, футов с двадцати Бет показалась бы незнакомому человеку настоящей красавицей, но вблизи можно было разглядеть и морщинки на лбу и в уголках губ, и загрубевшие от работы руки, и усталый взгляд.

Как позже узнала Кэтрин, Бет никогда никому не жаловалась на несчастную долю, доставшуюся ее семье по вине отца, мистера Вортекса, променявшего место младшего компаньона в адвокатской конторе на колченогий стул у камина в пабе мистера Лофтли. Но на характере девушки подобные перемены в судьбе не могли не сказаться. Возможно, Бетси и в детстве не была хохотушкой и проказницей, а с годами и вовсе приобрела черты желчной старой девы, могущей позволить себе любые суждения, но ни одного, даже самого невинного, удовольствия.

Мисс Вортекс и ее младшая сестра не смогли закончить пансион и вынуждены были искать себе работу после того, как семье пришлось продать приличный дом, чтобы выплатить долги мистера Вортекса. Бет ухаживала за стариками в приюте целых три года, и добросердечная миссис Лофтли сразу подумала о бедняжке, едва только ее прежний

работник обвенчался со своей невестой. Сестра Бет, Люси, не такая миловидная, но сохранившая остатки жизнерадостности, устроилась компаньонкой к состоятельной вдове, проживающей в поместье неподалеку от Кромберри.

Если мисс Вортекс и досадовала на особенное положение, которое заняла Кэтрин в гостинице своего дядюшки, она никак этого не выказывала. В первый же час знакомства она дала Кэти куда больше хороших советов, как лучше выполнять работу, нежели миссис Лофтли за полдня. Но при этом Бет явно не стремилась подружиться с племянницей хозяев, и Кэти все еще испытывала робость в присутствии мисс Вортекс.

Сегодня Бет должна была провести три часа в приюте для стариков, и миссис Лофтли попросила ее захватить несколько простыней и наволочек, которые были уже недостаточно хороши для постояльцев «Охотников и свиньи», но могли считаться роскошью в глазах обитателей богадельни.

Нести тяжелый тюк одной было неудобно, и Кэтрин вызвалась проводить мисс Вортекс. Миссис Лофтли предпочитала сама проводить предвечерние часы за конторкой в холле, ведь в это время постояльцы возвращались с прогулок или деловых встреч и непременно останавливались рядом с конторкой на минутку-другую, чтобы поделиться новостями и сообщить о своих планах на будущий день.

Кэти уже совершила две короткие прогулки по Кромберри, не решаясь пока заходить слишком далеко. Она не боялась заблудиться – всегда можно спросить дорогу у прохожих, но холодный ветер и одиночество гнали ее обратно, в маленький мирок, заботливо построенный дядюшкой и тетушкой.

Мисс Вортекс без всякого жеманства приняла предложенную помощь, и обе девушки, вместе удерживая тюк с пожертвованием миссис Лофтли, неторопливо направились по еще незнакомым Кэтрин улицам в сторону приюта. Передышка у почты показалась Кэти весьма своевременной, ее рука уже заныла от напряжения, как будто она водила своей кистью по холсту шесть часов кряду.

Бетси вошла в приземистое старинное здание почты, а Кэтрин принялась ходить вокруг скамьи, чтобы не замерзнуть в ожидании.

На площадь, смеясь и болтая, выбежали несколько скромно одетых девочек, с сожалением посмотрели на занятую скамью и побежали дальше. «Должно быть, это ученицы школы для девочек из бедных семей, мимо которой мы с Бет проходили», – подумала Кэтрин. Она немного посетовала, что не взяла с собой блокнот – маленькая уютная площадь с церковью и почтой могла бы стать основой прелестного городского пейзажа. Кэти уже

несколько дней собиралась нарисовать какой-нибудь вид Кромберри и отправить его отцу, но видела еще слишком мало, чтобы сделать выбор в пользу того или иного вида.

Спустя несколько минут из другой улицы на площадь выехал всадник, в котором Кэтрин издали узнала старшего из братьев Уорренби. Не глядя по сторонам, он спешил к церкви и решительным шагом вошел внутрь, однако пробыл там совсем недолго. Возможно, хотел переговорить с викарием о чем-то, но не застал.

На этот раз Кэтрин постаралась не глядеть так откровенно на джентльмена, но ей было интересно узнать: как он заберется обратно на лошадь? В его годы и при такой комплекции запрыгнуть в седло у него вряд ли получится. Кэти присела на скамью рядом со своим тюком и принялась потуже затягивать шнурок на ботинке, искоса наблюдая за входом в церковь. Мистер Уорренби, к ее немалому сожалению, справился с задачей без особых затруднений. Сбоку от церковных дверей была установлена еще одна скамья, как две капли воды похожая на ту, где сидела Кэтрин, и джентльмен сперва подвел поближе свою лошадь, затем забрался на скамью и с нее уже сел на коня.

Кэти выпрямилась, провожая глазами всадника. Кроме них двоих, на площади никого не было. Начинало темнеть, и горожане, скорее всего, проводили время за чаем и болтовней. Кэтрин и сама обещала выпить сегодня чаю с миссис Дримлейн, но только после того, как вернется, выполнив поручения тетушки. Ей еще предстояло зайти в шляпную лавку и забрать перчатки, заказанные миссис Тафф.

Этой встречи Кэти боялась даже больше, нежели посещения богадельни, от которого не ожидала ничего приятного. Но увидеть миссис Грин, мать бедной убитой девушки, казалось Кэтрин непереносимым испытанием. Как миссис Грин может стоять за прилавком, показывать капризным покупательницам шляпки, раскладывать перчатки и знать, что, сколько бы ни звонил дверной колокольчик, ее собственная дочь уже никогда не войдет в дверь лавки, не отряхнет с пелерины дождевые капли, не протянет к огню замерзшие ладони?

Доктору Хаддону в своей практике приходилось сталкиваться с врачебными неудачами, и он всякий раз надолго уходил в свой кабинет, чтобы в одиночестве попытаться понять, какую неверную карту выгащил он в игре, где два других игрока – болезнь и смерть. И можно ли обмануть этих двоих в следующий раз?

А Кэтрин и ее мать обычно сидели в гостиной и шепотом обсуждали, что можно сделать для близких почившего больного, как облегчить их горе,

если уж доктор Хаддон не смог уберечь их от потери.

Как бы ни злилась Кэти на коварство и жестокость того или иного смертельного недуга, она могла понять, что медицина еще не научилась излечивать от всех напастей, ниспосланных человечеству. Могла надеяться и надеялась, что со временем искусство ее отца достигнет небывалых высот, станет более уважаемым и, что уж там, лучше оплачиваемым.

Но сейчас чувства Кэтрин были совсем другими. Молодая девушка погибла не от тяжелой болезни или несчастного случая, падения с лестницы или внезапной лихорадки. Нет, ее лишила жизни чья-то злая рука! Как смириться с этим?

За прошедшую неделю Кэтрин не раз возвращалась к мыслям о мисс Грин и ее несчастной семье. В «Охотниках и свинье» местные новости передавались от одних постояльцев другим, и, хотя со дня убийства прошло уже довольно много времени, в Кромберри за эти два месяца не случилось ничего столь же ужасного и волнующего. Как ни пыталась миссис Лофтли пресекать разговоры о гибели мисс Грин, ее позоре (о нем говорили шепотом) и вине или невинности Дика Харта, постояльцы не переставали болтать, а Сара – подслушивать их разговоры, чтобы потом пересказать их Кэтрин или Бет.

Кэти не знала, как ей относиться к Дику Харту. Она никогда не видела этого молодого человека и не могла составить свое мнение о нем, а вот миссис Дримлейн была уверена, что Харт не совершал убийства.

За неделю, минувшую с приезда мисс Хаддон в Кромберри, она еще дважды пила чай с миссис Дримлейн. Старушка с удовольствием вспоминала свою молодость, балы и поездки в города, где Кэтрин никогда не бывала, и юной девушке все эти рассказы вовсе не казались скучными, пахнущими пылью старых платьев и стоптанных бальных туфель. О своем сыне и первой невестке миссис Дримлейн больше не говорила, к тайной радости Кэтрин.

С Бетси Вортекс миссис Дримлейн чай не пила и держалась с девушкой довольно холодно, как с удивлением отметила Кэти. Да и Бет не особенно любезничала со старой дамой, а в разговоре с Кэтрин резко высказалась о злобном характере старухи, сумевшей довести невестку до самоубийства.

– Возможно, молодая миссис Дримлейн не была так невинна, как тебе кажется, – осторожно попыталась возразить Кэтрин, всякий раз чувствуя себя неуютно, когда Бетси начинала высказывать свое неодобрение по отношению к тому или другому постояльцу. А делала она это довольно часто. Кэти казалось, что Бет испытывает симпатию и

сочувствие только по отношению к старикам из приюта, а все остальные люди вызвали ее раздражение. Кто-то – своим богатством, кто-то – глупостью, а кто-то и вовсе без видимых причин. К счастью для мистера и миссис Лофтли, Бетси не грубила постояльцам, но ее любезности хватало ровно на то, чтобы не вызывать их жалоб.

– Понять не могу, чем тебе так понравилась эта старая ведьма! – Бет фыркнула в ответ на слова Кэти. – Ей скучно, и она решила приручить тебя, как какую-нибудь собачонку, с которой можно поиграть, когда больше нечем заняться!

– Как можешь ты так говорить! – Никто, кроме матери, еще не говорил Кэтрин подобных вещей. – Миссис Дримлейн – добрая и несчастная старая леди! Если она и совершила ошибку, то не нам ее судить. Мы ведь не знаем, какой была ее невестка, та история случилась много лет назад. Да, мне нравится беседовать с миссис Дримлейн, здесь у меня пока нет друзей, а она так приветлива со мной.

– Ну, разумеется, ты разбираешься в наших делах лучше, чем все, кто родился и всю жизнь прожил в Кромберри, – язвительно ответила Бет. – Может быть, ты уже знаешь, кто убил мисс Грин?

Кэтрин невольно сжала кулачки, спрятав их в складках платья. Продолжать спор означало совсем рассориться с Бет, а ей этого не хотелось. Миссис Лофтли не понравится, если ее девушки будут вести себя, как две фурии.

– Если я узнаю, непременно скажу тебе об этом! – отрезала Кэтрин и, стремительно повернувшись, направилась к лестнице. Вместо того чтобы скандалить с Бет, она нарисует эту ведьму в виде облезлой черной кошки, пытающейся подобраться к сове, в образе которой Кэти представляла миссис Дримлейн.

Надо отдать должное Бетси, при следующей встрече с мисс Хаддон она ни одним словом не напомнила о размолвке, как будто не придавала ей значения. Кэти уже слышала от горничных, что характер у мисс Вортекс просто ужасный, но она никогда ничего не путает, никуда не опаздывает и ничем иным не создает повод для недовольства ею со стороны мистера и миссис Лофтли.

– Хотя, видит бог, хозяйке еще придется пожалеть, что приняла ее на работу! – однажды сказала Сара, обращаясь к Кэтрин. – Вчера заходил мистер Джон Харт, что-то насчет доставки новых кроватей, так мисс Вортекс даже головы не повернула в его сторону, как будто его и вовсе не было!

– Возможно, она не захотела говорить с ним из-за того, что он – брат

Дика Харта. Ты ведь и сама едва не сбежала, когда он заходил сюда в прошлый раз, – Кэти попыталась быть справедливой к мисс Вортекс.

– Так-то оно так, мисс, – нехотя согласилась Сара. – Но ведь он пришел не просто так, поглазеть на постояльцев, а передать записку для вашего дядюшки. Мисс Вортекс могла быть и полюбезнее!

Кэтрин пожала плечами. Мисс Вортекс устраивала ее тетушку, а значит, тут и говорить не о чем. Если Бет выйдет за рамки подобающего поведения, миссис Лофтли ее уволит, и Бетси должна это понимать. Возможно, она и сама не рада своему тяжелому нраву, но ничего не может с этим поделать. Неумение справиться со своими порывами – вот это Кэти хорошо понимала!

И сейчас она могла наблюдать, как Бет, вышедшая из дверей почты, даже не пытается быть вежливой. Мистер Уорренби почти поравнялся с ней, направив своего коня в одну из выходящих с площади улочек, но Бетси словно бы не заметила джентльмена, не попыталась хотя бы слегка кивнуть. Напротив, мисс Вортекс повернула голову в сторону какой-то лавки, расположенной слева от почты, как будто очень заинтересовалась выставленными в окне тарелками и кувшинами.

«Ох-х, Бет, – подумала Кэти. – Если ты ведешь себя так же и со стариками в приюте, представить не могу, каковы же остальные сиделки, если, как говорят, одинокие старички и старушки в тебе души не чают?»

А уже через четверть часа она с удивлением смотрела, как Бетси ласково расспрашивает одетую в старое черное платье старушку о содержании письма, полученного той от сына-моряка.

Приютская экономка, высокая жилистая женщина с выпуклыми желтоватыми глазами, пересчитала присланные миссис Лофтли простыни и коротко попросила Кэтрин передать ее тетушке благодарность за участие в делах приюта. После чего уверенно сообщила мисс Вортекс, что ее юная подруга желает осмотреть богадельню, познакомиться с милыми стариками и в будущем, возможно, принимать участие в делах приюта.

Кэти испуганно охнула, но ее восклицание заглушил утвердительный ответ Бетси, пообещавшей показать мисс Хаддон все, что ей захочется увидеть. Похоже, решительной экономке не осмеливалась возражать даже Бет.

И вот теперь Кэти шла за своим проводником по длинному коридору, слабо освещенному в это предвечернее время. По обе стороны коридора девушки видели в открытые двери стариков и старушек, сидевших или лежавших на кроватях. Лишней мебели в комнатах не было, но стены украшали картинки и вышивки, на подоконниках кое-где стояли горшки с

цветами и огородной зеленью. Все выглядело чистым и аккуратным, как и положено богадельне в городе, где попечительский совет не отлынивает от своих обязанностей и не присваивает сборы от пожертвований.

Но атмосфера несчастья, болезней, старости чувствовалась здесь, как в любом другом, самом бедном или самом хорошо обустроенном приюте. Кэтрин старалась дышать пореже, жалость и неловкость – вот то, что она чувствовала, глядя по сторонам. Бетси же указывала ей то на одного, то на другого старика, называя их по именам и двумя-тремя словами описывая жизненные невзгоды, приведшие их сюда.

В одну из дверей Бет зашла и присела на край кровати рядом со старухой в черном, тереблящей в руках помятое письмо. Кэти неловко остановилась на пороге, не решаясь зайти в комнату. На другой кровати она увидела очень старую женщину, полулежавшую на подушках. Та приветливо кивнула Бет и уставилась на Кэтрин, щуря слабые слезящиеся глаза.

– Кого ты привела с собой, Эдит? – Полные красные руки старушки теребили выцветший кусок какой-то ткани, возможно, бывшей когда-то частью индийской шали. В него было что-то завернуто, должно быть, связка старых писем. – Это Алисия пришла с тобой? Почему она не зайдет?

Кэти вздрогнула при звуке этого дребезжащего голоса, произнесшего знакомое ей имя. И тут же обернулась, ожидая увидеть за своей спиной Эдит – сиделку или добровольную помощницу из попечительского комитета. Но в коридоре она увидела лишь двух стариков, чинно прохаживающихся неподалеку от висящей на стене лампы.

– Нет, тетушка Мардж, это не Алисия, – кротко ответила Бет. – Алисия не придет сегодня, она очень занята, но просила передать вам пожелание скорейшего выздоровления. Вам уже стало лучше, как я вижу.

– Я уже не так много кашляю, – согласилась старуха, отведя, наконец, взгляд от Кэтрин. – Розамунд на меня не жалуется.

Старушка с письмом закивала.

– Конечно, Мардж, ты совсем не мешаешь мне спать своим кашлем. Доктор Макферсон сказал, что к воскресенью ты уже встанешь на ноги!

– В воскресенье придет Алисия? – Возбужденный тон тетушки Мардж тут же сменился кашлем, и Бетси встала, чтобы налить ей воды из стоявшего на столике у окна кувшина.

– Возможно, если у нее будет свободная минутка, – терпеливо согласилась Бет, подавая больной стакан.

Старая Розамунд сочувственно посмотрела на свою соседку и повернулась к Кэтрин. Ее губы прошептали одно лишь слово: «Бедняжка»,

но вслух она ничего не сказала.

Кэти поняла, что больше не вынесет. Неловко поклонившись, она выскочила в коридор и прижалась к стене между двумя дверями, боясь заплакать. Старички, встревоженные ее стремительным движением, едва не споткнулись, но смогли выровнять шаг и продолжили ходьбу по коридору, оживленно обсуждая городские новости тридцатилетней давности.

В Стоунфолле не было приюта для стариков, богадельня находилась в соседнем городке, чьи приходы были побогаче и могли позволить себе содержать приют. Кэтрин никогда не бывала там и сейчас ясно чувствовала, что не сможет приходить в такое место и помогать ухаживать за стариками.

Острая жалость, которую она испытывала по отношению к находящимся здесь несчастным, мешалась со страхом. Кэти не знала, как и о чем говорить с ними, где найти в себе силы терпеливо беседовать с такими, как тетушка Мардж, утратившими рассудок от старости или горя. Она испытывала угрызения совести от того, что хочет уклониться от исполнения своего христианского долга, но была твердо намерена никогда больше не переступить порога богадельни.

Бет вышла в коридор спустя несколько минут. Должно быть, выражение лица Кэтрин объяснило ей все без слов, во всяком случае, она сказала почти мягко:

– Думаю, тебе пора идти. Лавка миссис Грин скоро закроется, а тебе еще надо успеть забрать перчатки. Выйдя из приюта, пройдешь до моста через Кром, а там свернешь налево и почти сразу увидишь школу, мимо нее мы уже проходили сегодня. В двадцати ярдах от школы, в конце улицы Королевы Элизабет, и расположена шляпная лавка, рядом с кондитерской и магазином тканей.

Кэти благодарно кивнула и отступила от стены. Ей надо было уйти прямо сейчас, но она не могла не задать мучивший ее вопрос:

– Эта тетушка Мардж... Она звала Алисию. Это?..

– Да, она каждый день ждет, когда придет Алисия. И мы уже не пытаемся убедить потерянный разум, что Алисия никогда здесь не появится, – голос Бет снова зазвучал резче. – Тетушка Мардж – кормилица погибшей миссис Дримлейн.

Кэтрин кивнула.

– Что ж, мне и вправду пора идти, – пробормотала она, желая оказаться как можно дальше от приюта и от Бет с ее обвиняющим взглядом.

– Завтра я приду в обычное время, – коротко ответила Бет и, повернувшись, направилась по коридору к следующей двери, где ее ждали одиночество и надежда.

Глава 8

Поздним вечером Кэтрин сидела в кресле у камина, закутавшись в теплую шаль, присланную ей братом на прошлое Рождество. Она не могла заснуть, и ей даже не хотелось рисовать, но она рада была бы закрасить зеленой или голубой краской весь прошедший день, будь у нее такая возможность.

Впечатления от посещения богадельни и встречи с миссис Грин – слишком много для одного дня семнадцатилетней девушки.

Мало того, по дороге из приюта она встретила мистера Тауба, который вызвался проводить «очаровательную мисс», куда бы она ни направлялась. Вот кого из постояльцев она сама охотнее всего проводила бы домой, так это навязчивого старика с его ухмылками и скользкими комплиментами.

Кэтрин не могла понять, как миссис Дримлейн доставляет удовольствие сидеть и пить чай с мистером Таубом. Все его разговоры сводились к тому, как дорог нынче стал весь белый свет, ничего невозможно купить без того, чтобы попросту не разориться.

Как подозревала Кэти, миссис Дримлейн втайне посмеивалась над мистером Таубом, наверное, болтовня с ним и споры о том, какие времена лучше, прежние или нынешние, забавляли ее. Сама Кэтрин предпочитала не встречаться с мистером Таубом в коридорах и старалась ускользнуть на кухню или куда-нибудь еще, если он останавливался возле ее конторки поболтать перед тем, как направиться по своим делам.

В своей неприязни к мистеру Таубу они были единодушны с Бет. Мисс Вортекс находила его изворотливым хвастуном, который, должно быть, привык обманывать своих компаньонов, пуская им пыль в глаза напыщенными речами.

К радости Кэтрин, мистер Тауб дошел с ней только до лавки миссис Грин и не выразил желания подождать, пока она закончит свои дела и направится обратно в «Охотников и свинью». Уже входя в лавку миссис Грин, Кэти обернулась и увидела, как старик остановился и заговорил с молодой женщиной, вышедшей из дверей школы. Должно быть, это была учительница, и ей наверняка хотелось поскорее оказаться в тепле своего дома, но мистер Тауб без церемоний остановил ее, и Кэтрин, мысленно посочувствовав незнакомке, зашла в шляпную лавку.

За прилавком некрасивая девушка в темном платье убирала в коробки разноцветные перчатки, а неподалеку, за конторкой, женщина в черном что-

то записывала в большую книгу.

При виде Кэти обе они оставили свои занятия и посмотрели на посетительницу с удивлением. В такое время покупательницы уже не ходили за перчатками и шляпками, но Кэтрин не походила на горничную, пришедшую с каким-нибудь поручением.

– Чем мы можем быть вам полезны, мисс? – робко спросила девушка, быстро покосившись в сторону хозяйки.

Кэтрин поздоровалась и объяснила, зачем она пришла. Она не знала, на кого ей надо смотреть, на продавщицу или миссис Грин, чью зрелую красоту не портило черное платье.

– Перчатки для миссис Тафф, конечно же! – продавщица обрадованно кивнула и принялась перебирать стоящие на полках за ее спиной коробочки в поиске нужной.

– Так, значит, вы – племянница нашей дорогой миссис Лофтли. – Миссис Грин без особого любопытства рассматривала Кэти. – Как вам нравится Кромберри?

– Я еще почти ничего не видела здесь, мадам, но я уверена, что мне здесь понравится. Этот город больше моего родного городка...

Кэтрин умолкла, заметив, как по приятному лицу миссис Грин рябью пробежала гримаса.

– Надеюсь, вы будете здесь счастливы, мисс, – коротко сказала хозяйка лавки и вернулась к своим записям.

Продавщица нашла нужную коробочку и протянула ее Кэти.

– Вот, мисс. Мы будем рады видеть вас снова, и, прошу вас, передайте миссис Тафф наши лучшие пожелания, – заученно произнесла девушка, в голосе ее Кэтрин почудилась какая-то тоскливая нотка.

По дороге домой Кэти вспоминала слова тетушки Мэриан о том, что многие дамы в Кромберри после случившегося с мисс Грин предпочитают покупать шляпки и перчатки в соседних городках. Как будто боятся, что на перчатках застыли брызги грязи.

Что ж, в этом не было ничего удивительного. Если бы мисс Грин погибла от руки грабителя или даже ревнивого жениха, хоть это и немислимо, ее семья вызывала бы сочувствие и, пожалуй, некоторое раздражение соседей и знакомых. Ведь в разговоре с родственниками бедняжки всем остальным непременно надо было бы соблюдать подобающий приглушенный тон, делать многозначительные паузы и до слез жалеть несчастных родителей погибшей. А все это вместе рано или поздно заставляет вас чувствовать вину из-за того, что сами-то вы живы и здоровы, да и ваши близкие не намерены отправляться в мир иной в

ближайшее время. И эта вина заставляет вас делать визиты к старым друзьям все короче и короче, хоть вы и не можете вовсе от них отказаться. А потом, рано или поздно, траур становится менее строгим, в семье появляются дети, заключаются помолвки, приезжают погостить дядюшки и тетушки... Жизнь мало-помалу становится прежней, и даже пустующее место за столом занимает новоиспеченная невестка или выросший из детской мальчуган.

Но от такой истории, какая случилась с мисс Грин, почти невозможно избавиться. Ее не отстирать, как жирное пятно на вышитой скатерти. Можно попытаться поставить на него тарелку или вазу в надежде, что никто из слуг или гостей не переставит посуду и не явит миру это пятно, но тревога и стыд будут терзать вас до самого конца обеда. А потом снова, всякий раз, когда вы будете видеть на столе эту самую скатерть, которую вы или ваша дочь так долго вышивали, что выбросить ее никогда не поднимется рука.

Так и о худшем, что может произойти с молодой девушкой, никогда не перестанут сплетничать знакомые и незнакомые, во всяком случае, на памяти двух-трех поколений позор несчастной семьи не забудется, репутация не сможет замаскировать пятно ни удачной помолвкой другой дочери (что само по себе уже чудо!), ни ослепительной карьерой младшего сына, ни внезапно обрушившимся нежданным наследством.

В Стоунфолле Кэтрин никогда не слышала ни о чем подобном, по крайней мере, с девушками из приличного общества такого не случалось, а о падших горничных говорить не подобало. Ну, а если подобное и случалось прежде, это было слишком давно, чтобы старые дамы вроде покойной миссис Фолбрайт помнили о происшедшем и продолжали вести пересуды.

– Сейчас-то они, должно быть, обсуждают, какое пятно оставила на репутации доктора Хаддона одна из дочек, – с горьким чувством самоуничужения пробормотала Кэтрин. – Для отца, пожалуй, было бы лучше, если б я ждала ребенка от Чарли Баттенхейма! По крайней мере, никто не усомнился бы в его врачебных умениях. Пусть даже матушка бы выгнала меня из дома метлой! Она уже поступала подобным образом прежде, но тогда ей удалось сохранить семейную тайну, а история с миссис Фолбрайт не из тех, что можно скрыть в таком городке, как Стоунфолл!

Кэтрин расплакалась. Целую неделю она не позволяла себе думать о причине, заставившей ее мать выставить дочь за порог. Но сегодня, измученная переживаниями долгого дня, она сдалась. Даже не осознавая, что ее переживания связаны с совершенно незнакомыми ей людьми, Кэти

разбередила и собственные раны...

Перед глазами девушки явственно возникает лукавая ухмылка Бартоломью.

– Да ты ведь знаешь, что Чарли никогда нас не послушает! – уговаривает он подругу по детским играм совершить еще одну, уже не детскую, шалость. – Он такой скучный, этот твой Чарли!

– И вовсе он не мой! – Кэтрин краснеет и невольно бросает взгляд в сторону Фрэнклина Филмора.

Фрэнк – какой-то там кузен Бартоломью, тремя или четырьмя годами старше. Прежде он никогда не появлялся в Стоунфолле, так как не приходился родней миссис Фолбрайт. А еще он провел много времени за границей, обучаясь – подумать только – живописи!

Уже одно это могло сделать его героем девичьих мечтаний Кэтрин. А Фрэнклин к тому же был симпатичным и веселым юношей, почти таким же беззаботным и остроумным, как Бартоломью. Состояние старого мистера Филмора позволяло его сыну заниматься чем ему будет угодно, и Фрэнк выбрал живопись, а мог бы выбрать поэзию, музыку или медицину, стоило ему только захотеть.

Кэтрин, сама подвижная и жизнерадостная, представляла себе художников несколько по-другому. Они казались ей едва ли не небожителями, с романтическим огнем в глазах и склонностью замереть во время разговора, чтобы получше закрепить в памяти падающий осенний лист, подрагивающую на цветке бабочку или особенный поворот головы хорошенькой девушки.

Как оказалось, художник может быть и другим, таким, какова она сама. А значит, и Кэтрин, несколько лет страдающая от того, что упорно не видит в глазах своего отражения этого особенного огня, может стать настоящим художником!

Она ни за что не осмелилась бы показать мистеру Филмору свои рисунки, но Бартоломью, желавший похвалиться перед кузеном достоинствами стоунфоллского общества, сделал это за нее. Кэтрин краснела, бледнела и даже пыталась отобрать у Бартоломью папку до того, как он раскроет ее, но Фрэнку стоило лишь ободряюще улыбнуться, как она сдалась и спрятала руки за спиной, борясь с желанием выбежать из комнаты.

Фрэнклин открыл папку с неизбежной снисходительной усмешкой. Должно быть, за свою жизнь он повидал немало альбомов, в которых прелестные барышни рисовали своих овечек, античные развалины и все то, что полагается девушкам их возраста и положения.

Но при первом же взгляде на уверенные линии и ироничный взгляд на своих персонажей, которыми, несомненно, обладала провинциальная художница, темные брови Фрэнка поползли вверх, к нарочито непослушной пряди волос, спадающей на широкий лоб мыслителя, которым юноша не собирался становиться.

– Это просто поразительно! – сказал он через несколько долгих минут, пока Кэтрин и Бартоломью едва ли не с одинаковым волнением ждали вердикта. – Барти, на твоём месте я бы никогда больше не заговорил с мисс Хаддон! Она изобразила тебя в виде кота, ворующего пирожки у твоей бабушки, но, даже не будь на этом рисунке миссис Фолбрайт, я узнал бы тебя тотчас же! Эта глумливая ухмылка и взгляд контрабандиста переданы удивительно точно!

Бартоломью, кажется, не пришел в восторг от лестного мнения кузена о своих достоинствах, но остался доволен тем, как высоко оценил Фрэнк талант его подруги. Мистер Филмор был первым человеком в жизни Кэти, про которого с уверенностью можно было бы сказать, что он имеет право судить о мастерстве художника. И его мнение чудесным бальзамом пролилось по венам Кэтрин, поддерживая и укрепляя в ней желание рисовать еще и еще.

Правда, уже совсем скоро она догадалась, что в этом бальзаме было подмешано немало яда. Яда под названием «любовь». Как она могла не влюбиться во Фрэнклина? Будь он хромым и одноглазым, она еще могла бы, пожалуй, устоять, оставив все свое восхищение для его картин, но Фрэнк был так мил... Девушки намного старше находили его неотразимым, как позже узнала Кэти от того же Бартоломью.

Пока что Фрэнклин Филмор не спешил отдавать кому-то из них свое сердце в обмен на руку, он еще так молод, что может позволить себе пять или даже десять лет заниматься тем, что ему по душе. А по душе ему была живопись, главным образом пейзажи с каким-нибудь необычным элементом – покосившейся старой церковью, разбитым молнией деревом в глубине заброшенной аллеи, исторгающим клубы дыма паровозом, пересекающим луг с пасущимися на нем овцами... Еще Фрэнк любил путешествовать, читать романы и устраивать всяческие розыгрыши.

Неудивительно, что он горячо поддержал идею Бартоломью насолить миссис Фолбрайт, пригрозившей уменьшить содержание внука, а то и вовсе исключить его из завещания. Барти разбил ее единственную старую коляску в погоне за сбежавшим из чьего-то двора поросенком, до полусмерти напугал столь же старого коня и едва не расшибся насмерть сам, когда вылетел из коляски прямо на плиты церковного двора.

– Завтра твой отец пойдет к этой старой лисе с визитом и отнесет очередную порцию лекарства, – Бартоломью рассказывал о своем плане, но Кэтрин едва слушала.

В присутствии Фрэнка она могла связно говорить только о живописи, в остальном здравомыслие тотчас покидало ее, стоило мистеру Филмору улыбнуться. Миссис Хаддон, при всей своей строгости, совершила огромную ошибку, позволяя дочери общаться с Бартоломью и его кузеном слишком часто и без присутствия соглядатаев. В самом деле, не могла же она изолировать Кэтрин от общества внука своей лучшей подруги, бывшей к тому же столпом стоунфоллского общества! И, разумеется, от его кузена, которому внезапно пришла охота погостить у Бартоломью в самый разгар осеннего сезона. Фрэнклин не охотился и свой затянувшийся визит в Стоунфолл объяснил тем, что в поместье его отца слишком много людей, собак и выстрелов, которые вызывают у него отвращение.

Не останься он на несколько недель вместо нескольких дней, Кэтрин могла бы и не влюбиться в него и не потеряла бы разум настолько, чтобы согласиться поучаствовать в затее Барти.

– Все знают, что Чарли Баттенхейм в тебя влюблен! – продолжал Бартоломью, и Фрэнк при этих словах посмотрел на Кэти с каким-то новым интересом, так, что она покраснела и едва не запустила в Барти куском пирога – они втроем сидели в их гостиной, пока миссис Хаддон препиралась в саду с приходящим садовником. – Попроси его добавить в лекарство бабушки слабительное средство! Когда ее одолеют колики, она и думать забудет о том, чтобы переписать завещание!

– Какой ты мстительный, Барти, – с легкой укоризной заметил Фрэнк.

– Я ни за что не стану просить Чарли испортить лекарство! – Кэтрин собрала всю свою решимость, чтобы отвлечься от мыслей о том, какие красивые руки у мистера Филмора, какие тонкие и вместе с тем сильные у него пальцы. – Отец доверяет ему, и Чарли старается заслужить это доверие! И потом, кто знает, как оно подействует на твою бабушку? Вдруг ей станет очень плохо?

– Тогда доктор Хаддон вылечит ее! От слабительного еще никто не страдал дольше двух или трех дней, – отмахнулся Бартоломью и тут же прищурился, готовясь выложить свой главный козырь. – Если ты поможешь нам, Фрэнк поможет тебе исполнить твою самую большую мечту!

Кэтрин онемела, неверяще глядя на Фолбрайта. Что, это такой способ сделать ей предложение? Фрэнклин не решается просто признаться ей в любви и оба шалопая придумали этот хитрый план? Если Барти говорит так, значит, они оба знают, что Кэти влюблена во Фрэнка и мечтает лишь о

двух вещах – выйти за него замуж и поставить свой мольберт рядом с его! Боже, она всегда знала, что не умеет скрывать свои чувства!

Вообразить помолвку она не успела – Бартоломью с торжественным видом продолжил свою речь.

– Фрэнк отправит твои работы в Лондон! Там есть благотворительное общество, помогающее бедным, но талантливым выучиться и стать настоящими художниками! Рисунки девушки там не стали бы даже просматривать, но у Фрэнка среди попечителей есть знакомые, даже какой-то родственник! Как только они увидят, как замечательно ты рисуешь, сразу же выделят тебе стипендию, и ты сможешь уехать в Лондон еще до Рождества!

Его обещание повисло в воздухе – Кэтрин не сразу осознала, о чем он говорит. Всего на несколько мгновений она почувствовала себя совершенно счастливой, а ей, оказывается, всего лишь предлагают исполнить ее давнишнюю мечту стать художницей! Несколько недель назад она вскочила бы со своего места и принялась кружиться по комнате, расцеловала бы Бартоломью в обе щеки и убежала отбирать рисунки и картины, достойные отправки в Лондон. А сейчас эта мечта поблекла, затененная другой, и возвращение к старым устремлениям оказалось даже несколько болезненным.

– Ты потеряла дар речи от радости? – совершенно правильно, хоть и немного запоздало оценил ее реакцию Фолбрайт. – Фрэнк, скажи ей, что я не шучу.

– Разумеется, нет, мисс Хаддон, – Фрэнклин со своей обычной улыбкой смотрел на растерянную девушку. – Ваш талант требует развития, и обучение в Лондоне – именно то, что ему нужно. Вот старые академики удивятся, когда узнают, что автором этих маленьких шедевров является прелестная юная леди!

Из всего сказанного Кэтрин уловила лишь то, что Фрэнк находит ее прелестной. Этот незатейливый комплимент дал ей силы пережить разочарование и постараться вникнуть в то, что говорил Бартоломью прежде. Увы, она не догадалась спросить, почему мистер Филмор не может отправить ее работы в Лондон безо всяких условий, просто из желания помочь юному дарованию.

– Я не стану просить Чарли о помощи, я и сама прекрасно знаю, как смешать слабительное! – Желание похвалиться перед Фрэнком другими своими талантами сыграло немалую роль в ее решении поддержать жестокую шутку.

Кэтрин приходилось помогать отцу, когда его предыдущий ученик

уехал в университет, а Чарли еще не появился. Ей всегда нравилось смешивать лекарства, делать настойки и процеживать отвары, вдыхая незнакомые запахи, порой ароматные, порой отвратительные.

– О, тогда все еще проще! – обрадовался Бартоломью. – Ты подождешь, пока Чарли смешает сердечное лекарство, потом отошлешь его из лаборатории и добавишь нужные порошки, травы или что там должно быть...

– Чарли никогда не оставляет работу недоделанной, – возразила Кэтрин. – А после того, как лекарство готово, он запечатывает склянку. Нет, вам придется помочь мне, его надо как-то отвлечь, выманить из лаборатории на четверть часа!

Фрэнклин и Барти переглянулись, одинаково нахмутив лбы. Первым озарение снизошло на более юного проказника.

– Я знаю, что надо делать! – воскликнул он. – Мы наведаемся к вам с визитом, и Фрэнк подвернет ногу у вас на крыльце, там, где я всегда спотыкался в детстве о кривой кирпич! Твоего отца наверняка не будет дома, и мы позовем Чарли на помощь.

– Я в самом деле должен вывихнуть ногу? – скривился Фрэнклин. – Почему бы тебе не сделать это самому? В конце концов, это твоя месть!

– Никто не поверит, что я споткнулся случайно! – живо начал спорить Фолбрайт. – Я знаю каждый кирпич крыльца и каждую плитку на дорожке у Хаддонов, как свои собственные! А ты, как гость в Стоунфолле, не обязан знать, куда нужно наступать, чтобы не переломать ноги. К тому же я не предлагаю тебе падать всерьез. Ты споткнешься и сделаешь вид, что ушибся, я поддержу тебя и проведу в дом, а Чарли осмотрит тебя и убедится, что все в порядке. Никого не удивит, что ты хромаешь и жалуешься, художники ведь такие нежные существа!

С этими словами Бартоломью с ухмылкой посмотрел на пухлые розовые щеки Кэтрин и подмигнул ей, на что она сердито нахмурилась, но тут же улыбнулась сама, поймав взгляд Фрэнклина.

– Так мы и поступим, – заключил Барти, и остальные двое заговорщиков не стали с ним спорить. Когда Бартоломью что-то затевал, он всегда мог найти себе приспешников, такой уж у него был талант. Не иначе в молодом Фолбрайте пропал гениальный политик. Впрочем, он еще мог стать им, если бы только захотел. Но Бартоломью хотел лишь развлекаться и не испытывать нужды в деньгах.

Кэтрин вытерла слезы, отложила шаль и забралась в постель. Сколько раз она уже вспоминала тот разговор и все время задавалась вопросом,

почему так легко согласилась на эту авантюру. И тут же отвечала себе: господи, конечно же, из-за Фрэнка. Да предложи он ей спрыгнуть с церковной колокольни в карнавальном костюме, она бы согласилась! Даже и без предложения помочь ей поступить в Академию. Знал ли Бартоломью о ее привязанности к его кузену и использовал эту любовь, чтобы добиться своей цели? Этот вопрос Кэти никогда бы не решилась ему задать, насколько бы сильно ни злилась на Фолбрайта. Скорее всего, знал, ведь она почти не отводила от Фрэнка сияющих глаз, а Барти привык к таким взглядам других девушек и прекрасно знал, что они означают.

Как бы там ни было, она согласилась без особых уговоров. И они втроем проделали все именно так, как собирались. Кэтрин прибежала в лабораторию отца, маленькую комнатку в задней части дома, и с испуганным видом сообщила Чарли, что их гость расшибся прямо на крыльце Хаддонов. Следом за ней вбежал Бартоломью с сообщением, что помог другу добраться до дивана в гостиной. Чарли велел Кэтрин достать из погреба немного льда и без колебаний устремился на помощь больному, как велел ему долг. Бедный, бедный Чарли! Как вероломно обошлась с ним дочь человека, которого он безмерно уважал и с которым мечтал породниться в будущем, если бы только Кэти ответила ему взаимностью!

Они правильно рассчитали время – Баттенхейм как раз собирался переливать лекарство в бутылочку из темного стекла.

– Доставай нужные порошки, скорее, – торопил ее Бартоломью, и Кэтрин заметалась между полочками. – И не забудь про лед!

– Перемешай все как следует! – Уже через две минуты лекарство миссис Фолбрайт приобрело неожиданные для старушки качества, и Кэтрин открыла дверцу в маленький погреб, где доктор Хаддон держал лед и некоторые ингредиенты, которым требовался постоянный холод.

Когда она выбралась из погреба с маленькой мисочкой, наполненной льдом, ей показалось, что Бартоломью высыпал в лекарство еще что-то и тут же принялся ожесточенно мешать.

– Что ты делаешь? – испуганно воскликнула Кэтрин. – Что ты туда добавил?

– Я и не думал ничего добавлять! – решительно отказался Барти. – Тут на столе осталось немного порошка, ты его просыпала, и я решил скрыть следы, только и всего!

– Идем же! – Кэтрин легко поверила ему, ведь Бартоломью ничего не понимал в лекарствах, зачем ему добавлять что-то по своему усмотрению? Всем известно, насколько это может быть опасным!

И много дней спустя она задавала себе этот вопрос. Что сделал Барти и

не это ли его вмешательство свело в могилу миссис Фолбрайт? Кэти знала, что самые опасные препараты ее отец держал в запертом железном шкафу, но даже самое обычное средство может навредить, если его неправильно использовать. Похоже, ответ на этот вопрос она так никогда и не узнает, а расплачиваться за само его возникновение придется ей, ее семье и Чарли Баттенхейму.

Как бы ни была жестока шутка, затеянная Бартоломью, действительность оказалась куда более жестока к его бабушке. Старушка уже через полчаса после приема лекарства почувствовала недомогание, но не сочла нужным вернуть доктора Хаддона. Вечером она немного увеличила порцию лекарства, а ночью боли в груди и животе стали едва выносимыми, однако за доктором миссис Фолбрайт послала только утром, когда почувствовала, что стоит на краю могилы.

Доктор Хаддон никак не мог предположить такой реакции на средство, которым пользовал свою пациентку уже несколько лет, но не был особенно удивлен приступом. Внезапное обострение сердечной болезни – в ее возрасте и с ее характером этого следовало ожидать, рано или поздно.

– Пожалуй, надо увеличить порцию лекарства, и через несколько часов боль пройдет, – заключил он и откупорил пробку. Станный запах немедленно привлек его внимание, и доктор Хаддон недоверчиво уставился на бутылочку.

– Похоже, мой ученик что-то перепутал, – пробормотал он и снова заткнул горлышко пробкой. – Я немедленно отправлюсь домой и сам изготовлю новую порцию лекарства.

К несчастью, эти слова слышала горничная миссис Фолбрайт, а это все равно как если бы доктор Хаддон произнес их с церковной кафедры перед всем Стоунфоллом.

Когда доктор вернулся с новым лекарством, у него уже было на одну пациентку меньше. Убитый горем внук покойной немедленно занялся организацией похорон, и доктор Хаддон, засвидетельствовавший смерть старушки, вернулся к себе домой, чтобы спросить у Чарли Баттенхейма, почему изготовленное им лекарство имеет такой странный запах.

Доктор Хаддон так спешил спасти миссис Фолбрайт, что оставил после себя беспорядок в лаборатории. Возвратившийся от больного фермера Чарли был озадачен, но навел порядок, вымыл все склянки, а заодно и ту, в которой находилось злосчастное лекарство. Точно определить, стало ли причиной смерти отравление некачественным средством, или же миссис Фолбрайт подвело больное сердце, оказалось невозможно.

Через два часа, его последние безмятежные часы в Стоунфолле, Чарли без колебаний ответил на все вопросы доктора Хаддона, ведь ему не в чем было себя обвинить. Разве что он не обратил внимания на необычный запах лекарства, когда переливал его в склянку... Но в этом доктор Хаддон не стал упрекать своего ученика после того, как узнал, что Баттенхейм ненадолго покидал лабораторию и не запер ее, нарушив тем самым одно из главных правил, установленных доктором для своих учеников. И неважно, что Чарли спешил облегчить недуг мистера Филмора, явившегося с визитом за компанию с молодым Фолбрайтом.

Как только Чарли заикнулся о том, что не запер лабораторию, потому что туда зашли мисс Хаддон и Бартоломью, картина прояснилась. И ужаснула доктора Хаддона до такой степени, что он немедленно приказал Чарли собирать вещи и отправляться восвояси, даже не объяснив толком, в чем он обвиняет своего ученика. Бедный Баттенхейм покинул дом Хаддонов в уверенности, что пострадал из-за следования своему долгу. Единственное, на что оказался способен доктор Хаддон, это дать Чарли приличные рекомендации. Но круги от брошенного в тихие воды маленького городка камня, каким являются сплетни, расходятся далеко, слишком далеко. И где они могут настичь молодого Баттенхейма – неизвестно. Как сложится в дальнейшем карьера Чарли – Хаддонам не суждено узнать, после такого расставания Чарли навряд ли когда-нибудь напишет доктору Хаддону или его вероломной дочери.

Увы, доктор Хаддон совершил неприглядный поступок, ведь у него не было никакой уверенности в том, что миссис Фолбрайт скончалась от неподходящего лекарства. Еще тем же утром на предложение провести вскрытие Бартоломью ответил с подобающим скорбящему родственнику негодованием. А доктор Хаддон в тот момент не имел оснований в чем-либо подозревать внука покойной, выглядевшего по-настоящему потрясенным. И подступиться к этому молодому человеку, ставшему в одночасье наследником своей бабушки, уже не было никакой возможности.

А вот спросить с дочери доктор Хаддон мог. Горестно и гневно звучали его слова. Сперва это были вопросы, а затем, когда Кэти, напуганная суровым видом отца, созналась во всем, обвинения. Единственное, о чем Кэтрин умолчала в своем повествовании о неудавшемся розыгрыше, было обещание Фрэнклина помочь ей уехать в Лондон и учиться живописи. По ее словам выходило, что только расположение к Бартоломью позволило ей нарушить все правила, принятые в семье врача, предать доверие Чарли Баттенхейма и рискнуть репутацией своего отца.

Ее мать, от которой доктор Хаддон не мог скрыть проступок дочери, как прежде порой скрывал ее мелкие проказы, тотчас уверилась, что Кэтрин влюблена в Бартоломью и надеется на замужество с ним. Но поведение Фолбрайта в последующие дни явственно показало всем, что он не намерен поддерживать с Хаддонами никаких отношений, кроме лишь поверхностного знакомства.

Единственное, что мог сделать доктор Хаддон в этой ситуации, это пригласить своего старого друга и наставника доктора Торнеби осмотреть покойную. Доктор Торнеби, уже утративший остроту зрения и ясность суждений, вынес вердикт, основанный лишь на наличии у миссис Фолбрайт сердечного недуга. Этот вердикт не помог утихомирить сплетни и не снял камень с души доктора Хаддона, но дочь он все же простил. А вот сама себя Кэтрин простить не могла, в ее силах было лишь время от времени забывать о случившемся.

Но что же в это время делал Фрэнклин Филмор? Неужели он не пытался поддержать и ободрить мисс Хаддон? Не написал в Лондон, не отправил рисунки Кэти академикам, как обещал?

Что ж, надо признать – нет никакой возможности сказать хоть что-то хорошее о Фрэнке сверх того, что о нем говорилось ранее. Вечером того самого дня, когда умерла миссис Фолбрайт, мистер Филмор вспомнил о неотложных делах, призывавших его немедленно покинуть Стоунфолл, и устремиться в поместье своего отца, как бы ни печалила его мысль о неизбежной встрече с охотниками, стрельбой и смертью невинных тварей. Это все, что Бартоломью смог сообщить соседям. Умолял ли он кузена остаться хотя бы до похорон, вспомнил ли Фрэнк хотя бы раз о Кэтрин и ее разрушенных мечтах? Об этом никто в Стоунфолле никогда не узнал. Да и мистер Филмор больше не баловал этот городок своим вниманием.

Если бы Фрэнк просто уехал, позабыв про нее, Кэтрин страдала бы от разбитого сердца куда сильнее. Она чувствовала, что ее сердечная рана глубока, но не хотела больше видеться с мистером Филмором, не мечтала о замужестве с ним и не собиралась забывать о его предательстве. Трагическое происшествие с миссис Фолбрайт, несправедливое изгнание Чарли Баттенхейма и страдания отца и матери занимали слишком много места в ее переживаниях, чтобы она могла позволить себе предаваться горю со всем усердием семнадцатилетней девушки, потерявшей первую любовь.

Переезд в Кромберри не усыпил в ней чувство вины, но хотя бы не давал ей слишком много времени на разрушительные мысли о слабости и порочности ее натуры. И Кэтрин готова была снова и снова благодарить

дядю Томаса, написавшего ее матери о своих затруднениях с гостиницей. А также и тетушку Мэриан, так удачно решившую проблему с Бет Пламмер, и свою собственную мать, отпустившую ее. И, конечно, бедного отца, даровавшего ей прощение и благословение начать новую жизнь, тогда как ему самому придется нести на себе бремя сплетен и потери уважения соседей, друзей и многочисленных пациентов.

Что ж, ей остается только усердно трудиться и постараться больше не поступаться совестью ради призрачной мечты, даже если она снова поманит Кэтрин в Лондон...

В последующие недели она исправно следовала своему намерению, а если и слышала тяжелую поступь недоброй судьбы, то принимала ее за шаги в коридоре кого-нибудь из постояльцев, мучающихся бессонницей.

Глава 9

Незадолго до Рождества Кэтрин возвращалась в гостиницу после заседания благотворительного дамского комитета. Ну, разумеется, ей не стоило и мечтать, что чаша сия минует ее в Кромберри!

Миссис Лофтли гордо шагала впереди под руку с подругой, сестрой викария, настолько же тучной и медлительной, насколько сама миссис Лофтли была худой и подвижной. Тетушка очень гордилась тем, что состояла в благотворительном комитете, и Кэтрин ее прекрасно понимала: супруга владельца гостиницы «Гусь и пони» в Стоунфолле и помыслить не могла о такой чести!

Почтенные дамы Кромберри то ли обладали большей широтой взглядов, то ли учитывали значительные возможности мистера Лофтли в сфере благотворительной помощи нуждающимся, а также залы и гостиные в «Охотниках и свинье», которые нередко использовались для нужд комитета совершенно безвозмездно.

Кэтрин поставила бы на второе, но миссис Лофтли так трогательно восхищалась своей ролью дамы-попечительницы, что ее племянница ни в коем случае не захотела бы испортить этот восторг неуместными замечаниями.

Если бы миссис Хаддон видела дочь сейчас, она бы удивилась разительным переменам, произошедшим за столь короткий срок. Для любого наблюдателя мисс Хаддон могла бы послужить примером благоразумия и примерного поведения для всех девиц ее возраста. Если, конечно, этот настырный наблюдатель не дал бы себе труд заглянуть в ее мысли и в ее альбом.

Стылым декабрьским вечером Кэтрин чинно вышагивала по скользкой мостовой, опираясь на руку своей новой лучшей подруги, молоденькой учительницы мисс Дженни Морвейн. Девушки познакомились недели три назад, на заседании комитета, куда миссис Лофтли впервые взяла Кэтрин, и тотчас почувствовали искреннюю симпатию друг к другу.

Дженни была старше Кэтрин на три года, но эта разница почти не была заметна в разговорах девушек. Мисс Хаддон благодаря отцу успела повидать больше мест и людей, чем ее новая подруга, сразу после окончания пансиона вернувшаяся в Кромберри, чтобы преподавать в школе для девочек, чьи родители не могли позволить себе гувернантку или хотя бы школу подороже и подальше от Кромберри.

А любовь Кэтрин к живописи и ее служба в «Охотниках и свинье» придавали мисс Хаддон ореол романтической героини, вынужденной терпеть лишения из-за происков недоброжелателей. Кого мисс Морвейн считала недоброжелателями, Кэти так пока и не разобралась. Она очень тепло рассказывала подруге о своем отце, чуть более сдержанно – о матери, брате и сестре и ни единым словом не обмолвилась об истинной причине своего отъезда из дома.

Дженни, выросшая в Кромберри, была замечательным источником сплетен и историй о жизни горожан, ведь ее отец заведовал почтовым отделением. Несколько приятных вечеров девушки провели в комнате Кэтрин за разговорами, и сейчас Кэти знала о жителях Кромберри почти столько же, сколько ее разговорчивая подруга. В словах Дженни не было язвительной горечи, как в суждениях Бет Вортекс, и Кэтрин с удовольствием болтала, вернее сказать, чаще слушала новую подругу.

Вот только все эти имена и секреты из-за своего обилия настолько перепутались в голове бедняжки, что она боялась совершить оплошность, упомянув кого-то не вовремя или задав не тот вопрос. Этим сумбуром в ее мыслях и объяснялась сдержанность ее поведения в местном обществе, а вовсе не тем, что мисс Хаддон каким-то чудесным образом обрела подобающее юной леди смирение.

– Миссис Грин говорила матушке, что у нее почти не осталось этих чудесных новых лент, – щебетала Дженни. – Ты совершенно уверена, что пойдешь на бал в том синем платье?

Подруга спрашивала Кэтрин уже в седьмой или восьмой раз, и мисс Хаддон оставалось лишь терпеливо кивать. С самого первого дня знакомства девушек Дженни не переставала говорить о грядущем рождественском бале, который устраивал ежегодно дамский комитет.

Большой зал, пристроенный к городской ратуше, летом сильно пострадал из-за пожара и до сих пор не был приведен в надлежащий вид, что вызывало обильное возмущение среди горожан. Исключение составляли мистер и миссис Лофтли, ведь дамам-попечительницам не оставалось ничего иного, как устроить бал в «Охотниках и свинье». Миссис Лофтли пребывала из-за этого почти в таком же возбужденном состоянии, как и молоденькая мисс Морвейн. А Кэтрин должна была день за днем выслушивать поочередно то одну, то другую, да еще и ворчание мисс Вортекс, недовольной всей этой суетой. Да и в гостинице Кэтрин приходилось теперь трудиться за двоих, ведь у ее тетушки появилось множество новых забот: как украсить зал и холл, где разместить угощение и милые бесполезные вещицы для благотворительной ярмарки и все в

таком духе. И она постоянно посылала с поручениями то Бет, то свою племянницу.

За всеми этими хлопотами милая, милая миссис Лофтли не позабыла осведомиться у племянницы, есть ли у нее подходящее событию платье. И все же Кэтрин, недавно получившая от дядюшки довольно щедрое вознаграждение за свои труды, казавшиеся ей в последние дни почти непосильными, решила не злоупотреблять добротой родственников.

Два лучших платья мисс Хаддон, синее с золотистыми лентами и белое с бордовыми, считались даже слишком нарядными для Стоунфолла, но для бала в Кромберри могли показаться довольно скромными. Однако же Кэти решила не спешить заказывать обновки. Часть полученных от дядюшки денег она уже успела потратить на краски и хорошую бумагу для портрета Дженни, а заодно купила целых три романа, которые ни за что не осмелилась бы читать при матери.

Надо сказать, что балы Кэтрин не особенно любила.

В Стоунфолле хотя бы были Бартоломью и парочка его приятелей. Эта компания обязательно устраивала какую-нибудь шалость, чтобы насмешить молодых леди и привести в ярость дам из попечительского совета, и не забывала потанцевать с мисс Хаддон и ее хорошенькими подружками.

В Брайтоне же мисс Хаддон редко приглашали на танец, должно быть, отдыхающим там великосветским джентльменам дочь провинциального врача казалась недостаточно привлекательной. К тому же Кэтрин не могла похвастаться тонкой талией. В обычные дни она не сокрушалась из-за своей полноты, но, когда втискивалась в бальное платье, ее охватывало уныние. Девушка сразу начинала казаться себе неловкой и лишней на празднестве, как те нелепые маленькие подушечки на диванах, что только мешают сидящим отдыхать – на них невозможно с удобством откинуться и ни в коем случае нельзя отбросить в сторону, ведь их вышивала дочь или племянница хозяев, девушка исключительных качеств.

Больше всего в такие моменты Кэтрин хотелось спрятаться где-нибудь за портьерой со своим блокнотом и делать один за другим быстрые наброски танцующих и сплетничающих гостей. Сколько сюжетов она могла бы придумать после, в уютном мирке своей спальни!

Стадо овечек с бантиками – молоденькие девушки сбились в стайку и обсуждают свои и чужие платья. На следующей картинке оборванные ленты летят во все стороны вместе с клочками шерсти – юные леди не могут решить, кому танцевать с черноволосым кудрявым барашком.

Или две старые лисы с побитыми молю шкурами, чьи физиономии подозрительно напоминают миссис Фолбrait и ее подругу, захватили и

общипывают петуха с оперением подобно мантии викария. Или... Да сам Уильям Хогарт^[1] позавидовал бы неистощимой фантазии мисс Хаддон, будь он еще жив!

Увы, по окончании бала она могла вспомнить лишь несколько уморительных сценок, да еще Бартоломью обычно считал необходимым привнести свой вклад в развитие сюжетов своей подруги, в красках изображая насмешивших его гостей праздника. Но и этого хватало, чтоб в ее альбоме появлялись заполненные страницы...

Мисс Морвейн пришла в ужас пополам с восторгом, когда Кэти показала ей лишь некоторые из своих рисунков, и тут же запретила изображать в подобном виде светское общество Кромберри. Лавочников, викария и попечительский комитет – пожалуйста. Но ни в коем случае дам и джентльменов, которые съедутся на бал в собственных каретах. Ах, эти дорогие экипажи, блеск драгоценностей, колыхание перьев и шуршание шелковых тканей!

Дженни, в отличие от своей юной подруги, прежде успела побывать лишь на двух скромных балах в пансионе. Неудивительно, что праздник, на котором ожидалось самое лучшее общество, включая жителей окружающих Кромберри поместий, так будоражило ее воображение. Бетси Вортекс не упускала случая язвительно высмеять Дженни, как только та забегала в гостиницу по делу или просто повидаться с Кэтрин, но добродушие мисс Морвейн, а также предвкушение праздника не позволяли ей обижаться или впадать в уныние.

С каждым днем мисс Морвейн казалась Кэтрин все более взволнованной, а ведь до бала оставалось еще две недели! Не к чести молодой учительницы надо заметить, что она совершенно забросила своих учениц, полностью поглощенная мыслями о празднике. Дженни поручила девочкам шить подушечки для иглок, расписывать дешевые глиняные тарелочки и прочую подобную работу, чтобы представить на благотворительной ярмарке подходящее количество товаров. Качество этих бесполезных вещей, по словам мисс Морвейн, никого не волновало, и Кэтрин, собиравшаяся сперва написать для ярмарки два или три пейзажа Мэйн-стрит, отказалась от этой идеи. Она слишком уставала после каждого дня, проведенного на ногах в «Охотниках и свинье», чтобы вечером ее рука могла твердо держать кисть. К следующей ярмарке, на Пасху, она что-нибудь приготовит, а пока посмотрит, как постарались другие.

Дженни, наконец, заметила, что ее подруга отмалчивается.

– Кэти, ты слышишь меня?

– Прости, Джен, я немного задумалась. – Кэтрин отвела взгляд от

широкой спины сестрицы викария, защищавшей ее от ветра, и повернула голову к подруге. – Как может миссис Грин продавать булавки и ленты девушкам, которые собираются на бал, когда ее собственная дочь уже никогда не будет танцевать?

Каждый раз, когда Кэти заходила в шляпную лавку, просто думала о миссис Грин или кто-то из дам упоминал модный магазинчик, девушке становилось не по себе. Разумеется, Дженни поведала новой подруге всю историю еще раз, добавив подробности, которые не были известны горничной мистера Лофтли. За прошедшие недели разговоры об этом ужасном преступлении немного утихли, ведь близилось Рождество и люди старались отгонять печальные или страшные мысли, надеясь на лучшее.

Дика Харта так и не арестовали, к негодованию большинства почтенных матрон, чьи дочери могли оказаться на месте мисс Грин. По слухам, главный констебль Грейтон и судья Хоуксли не могли прийти к согласию относительно дальнейшей судьбы молодого Харта, упорно отрицавшего свою вину при поддержке брата и нанятого Джоном Хартом адвоката.

Миссис Грин восседала в своей лавке воплощением неотмщенной скорби, но даже ее ближайшие подруги старались перед Рождеством не медлить с покупками или присылали своих слуг, лишь бы не выслушивать ее бесконечные жалобы и проклятья.

– Это очень, очень печально, дорогая моя! – Дженни понизила голос, чтобы миссис Лофтли и сестра викария ее не услышала. – Мне так жаль миссис Грин и ее родных! Я и представить себе не могу, каково сейчас в кухне мисс Грин, Аннабель. Вместо бала ей придется сидеть дома с семьей, ведь они все носят траур! Да еще этот ужасный позор... Его тень затмевает само их горе.

Кэтрин поняла, что Дженни имеет в виду беременность мисс Грин.

– Думаю, для ее родных было бы лучше видеть ее живой, даже если бы мистер Харт на ней не женился! – решительно возразила она.

Мисс Морвейн покачала головой и заговорила совсем уж тихо:

– В пансионе девочки рассказывали мне про нашу учительницу, тощую старую деву, мисс Пристон. Ее тетушку, еще молодую вдову, убил грабитель на улице, когда мисс Пристон была подростком. Ужасное происшествие, но еще ужаснее оказалось то, что выяснилось, когда бедную женщину готовили к похоронам. Она была беременна, а ее муж умер за два года до этой трагедии!

– Бедняжка! – ахнула Кэтрин. – Должно быть, она кого-то полюбила и могла бы быть счастлива, не повстречайся ей грабитель!

– Наверное, так оно и было. Только вот что она собиралась делать дальше... Им пришлось бы пожениться до окончания ее траура, но это меньшее зло по сравнению с тем, что случилось потом, – продолжила Дженни. – К сожалению, семье не удалось похоронить это известие вместе с ней. Их городок в половину меньше Кромберри, и слухи распространились еще до похорон. Почтенные люди перестали поддерживать дружбу с этой семьей, а мисс Пристон так и не смогла найти себе жениха! Боюсь, Аннабель ждет та же судьба!

– Я слышала от тетушки, что миссис Грин собирается продать свой магазинчик и уехать навсегда куда-нибудь подальше от Кромберри, это правда? – спросила Кэти.

– Матушка говорила об этом, кажется, миссис Грин приносила на почту письма для дам, которых, по ее мнению, могла заинтересовать ее лавка, – согласилась Джен. – Но кто захочет покупать магазин, когда его хозяйка так печально прославилась?

Кэтрин, в который уже раз, подумала, что ее собственное несчастье куда менее ужасно, чем то, что произошло с семьей мисс Грин и неизвестной ей мисс Пристон. Дженни же не собиралась долго рассуждать о чужих горестях, тем более идти им оставалось совсем недолго.

– Как бы там ни было, весь остальной город не может надеть траур из-за гибели мисс Грин. Все придут на бал, чтобы хорошенько повеселиться. Матушка надеется, что я смогу найти там себе жениха. – Дженни нервно хихикнула.

– А что думаешь об этом ты? – лукаво прищурилась Кэтрин.

Подруги до сих пор не делились друг с другом сердечными тайнами. Кэти не могла рассказать о Фрэнке, не поведав и все остальное, а Дженни то ли еще не вполне доверяла новой подруге, то ли не пережила до сих пор ни одного увлечения. В конце концов, мисс Морвейн лишь в начале лета вернулась из своего пансиона, где в последние два года присматривала за младшими воспитанницами.

– Я бы не хотела, чтобы за мной начал ухаживать кто-нибудь вроде Дика Харта. – Дженни передернула плечами под дешевой пелериной, но не стала продолжать.

– На балу будут и настоящие джентльмены! – Тут Кэти тоже невольно поежилась, вспомнив пронзительный взгляд старшего из братьев Уорренби.

– Ах, вот как! – Мисс Морвейн, кажется, рада была перевести разговор на симпатии Кэтрин. – Ты думаешь, у тебя появится поклонник из числа сквайров или их сыновей?

– Я вовсе не думала о поклонниках! – совершенно правдиво ответила

мисс Хаддон, но подруга, кажется, ей не поверила. – Ты же знаешь, я буду занята на ярмарке и в других местах, везде, где этого потребует тетушка. Бет не пойдет на бал, она проведет этот вечер в приюте с бедными стариками. Хорошо, если мне удастся хотя бы мельком взглянуть на танцующих.

– Ох, господи, ведь и мне придется предлагать гостям поделки моих девочек! – едва ли не с ужасом вспомнила Дженни. – Надеюсь, у меня останется время и на танцы!

Она внезапно споткнулась и едва не упала, увлекая за собой и Кэтрин. Будь мисс Хаддон чуть стройнее, не миновать бы девушкам падения.

– Здесь так скользко, и фонарь почти не светит, – проворчала миссис Лофтли, обернувшись на шум. – С вами все в порядке, мисс Морвейн?

– У меня немного закружилась голова, в глазах потемнело, – пожаловалась Дженни.

– Это от усталости, все мы сейчас так заняты подготовкой к этому балу... – Миссис Лофтли убедилась, что с девушками все благополучно, и четыре дамы продолжили путь к перекрестку, где должны были расстаться.

Кэтрин хмыкнула про себя. По сравнению с ней Дженни можно было смело назвать бездельницей, но, возможно, ее новая подруга обладала более хрупким здоровьем, или ее одолевало волнение. Так или иначе, мисс Морвейн тяжело опиралась на руку Кэтрин до самого перекрестка, откуда до ее дома оставалось не более десяти ярдов, которые ей предстояло пройти самой.

Глава 10

– Этого не было. Я все это придумала. Это все из-за моего нездорового воображения! Права была матушка, мне не стоило так много рисовать!

Прошло уже два дня после злосчастного бала, а Кэтрин все повторяла и повторяла себе эти слова в безрассудной надежде, что они окажутся правдой.

Наверняка половина Кромберри говорила себе то же самое все это время, но, увы, то, что случилось в «Охотниках и свинье», произошло на самом деле.

– Господь всемогущий, а я-то еще расстраивалась из-за того, что мне приходится стоять у всех на виду и предлагать леди и джентльменам эти ужасные шкатулки и вазочки! – пробормотала Кэти, потирая пальцами виски и опасливо прислушиваясь к шуму, доносившемуся со второго этажа.

Наверху гости «Охотников и свиньи» бурно выражали свое недовольство мистеру Лофтли. Полиция не сочла трагедию в гостинице достаточным поводом для того, чтобы постояльцы спешно покинули это ужасное место. Главный констебль Грейтон решительно запретил кому бы то ни было уезжать до тех пор, пока не появится хоть какой-то просвет в расследовании.

– Неужели меня или моего уважаемого супруга кто-то может счесть причастными к этому безобразию? – визгливый голос одной из дам Кэтрин в эти дни слышала особенно часто. – Ноги моей больше не будет здесь! Я лучше сделаю крюк в двадцать миль, чем еще хоть раз заеду в Кромберри!

Ответ дядюшки Кэтрин не смогла разобрать, сквозь одолевавшую ее головную боль доносилось лишь неясное бормотание. Уже второй день подряд дядюшка Томас пытается утихомирить разгневанных и напуганных гостей, в то время как его супруга слегла после изматывающей истерики, будто какая-нибудь благородная леди. Еще и Бетси простудилась из-за сквозняков в богадельне и не может пока занять свое место за конторкой!

Похоже, к началу нового года в качестве утешения бедным мистеру и миссис Лофтли останется только миссис Дримлейн, стариков не так легко напугать, да и идти ей некуда.

Наверху хлопнула дверь. Протопал куда-то дядюшка Томас, скрипнули ступени, и наступила тишина. Должно быть, визгливая гостья решила немного передохнуть перед тем, как снова терзать мистера Лофтли.

Кэтрин уже приготовилась блаженно вздохнуть, ей определенно нужна

была передышка, но внезапно задержала дыхание. В безмолвии пустого холла не тикали даже часы, горничная забыла их завести. Девушка прижала руку к груди и выдохнула тихонько, стараясь не издавать лишних звуков. Ее сердце беспорядочно трепыхалось в груди, как будто кто-то схватил его и потряс, как дети безжалостно потрясают старой трещоткой. И этот кто-то был не кто иной, как страх. Пытающийся поглотить всю Кэтрин целиком, как никогда прежде не пыталось ни одно другое чувство. Даже после смерти миссис Фолбрайт ей не было так страшно.

– Нужно что-то сделать, я не могу сидеть вот так весь день и ждать... Чего? – прошептала девушка, в сотый раз за последние два часа оглядывая холл. Света ламп было слишком мало, чтобы рассеять тени, скрывающие углы и пространство под лестницей. Да нет же, нет там никого! Никто бы не прошел мимо мисс Хаддон ни с улицы, ни из других помещений гостиницы. Кэтрин достаточно долго уже просидела за своей конторкой, чтобы быть в том уверенной, но сегодня она не могла убедить самое себя.

Нарочито громко отодвинула стул и вышла на середину комнаты. Теперь оглядеться, еще только разок, и завести, наконец, часы. Ох-х, она же не знает, который сейчас час, и привычные звуки сегодня не дают ей подсказок. Не звенит на кухне посуда, не грохочет по мостовой прибывающий дилижанс, не возвращаются с бодрящей зимней прогулки гости...

– Неважно, лишь бы не эта тишина! – Страх снова встряхнул ее сердечко, и Кэти обхватила себя руками за плечи. – Кабинет дядюшки, ну конечно же!

Она, как могла быстро, пересекла холл и распахнула дверь в кабинет. Там на столе еле слышно тикали часы, которые помогали ее дядюшке не пропустить обед или прибытие дилижанса. Кэтрин замерла на пороге, вглядываясь в синеватую тьму, затем вернулась за лампой к своей конторке.

Казалось бы, какое простое действие – завести часы! Прежде она и подумать бы не смогла, что оно потребует столько усилий!

Наконец, дело сделано. И она уже как будто не одна здесь, а со старым приятелем. Еще только четверть пятого, подумать только! Скоро миссис Дримлейн переберется из своей комнаты в «Зал фей», чтобы выпить там чаю...

– Ах, нет! – едва не вскрикнула Кэти, опомнившись. – Разве может теперь кто-нибудь пить там чай? После того, что случилось с бедняжкой Дженни!

Слезы стекали на воротник ее темного платья, пока Кэтрин пересекала холл в обратном направлении, чтобы присесть на нижних ступенях

лестницы – провести еще хотя бы полчаса за конторкой представлялось ей невыносимым.

О, Дженни! Как, почему, за что настигла ее такая ужасная судьба? Милую, добродушную болтушку, лишь самую малость сплетницу, лишь чуть-чуть лентяйку! Да у самой Кэтрин куда больше недостатков, стоит только спросить о них миссис Хаддон, и заботливая матушка не пожалеет слов, чтобы описать пороки ее дочери!

Но Кэти сидит здесь, коротает час за часом за мрачными думами и слезами, а Дженни уже никогда не войдет в свой класс, не забежит к подруге с новой историей, не выйдет замуж... Да в конце концов, ей уже никогда не исполнится двадцать один!

Слезы потекли сильнее, и Кэтрин вытатила уже наполовину мокрый платок. Скоро она начнет икать от плача, как с ней обычно бывает, но лучше уж она даст волю своему горю, нежели этому огромному страху!

– Что, если бы это я умерла вчера? – прошептала девушка, ее рука с платком замерла возле подбородка. – Дядюшке пришлось бы написать отцу, чтобы сообщить о моей смерти. Бедный отец, он бы страдал намного сильнее, нежели матушка. А Бартоломью бы перестал, наконец, ухмыляться. Хотелось бы мне видеть лицо...

– Ох, господи, я даже не сразу понял, что это ты скорчилась там, и успел испугаться! – Перила скрипнули под тяжелыми ладонями, мистер Лофтли перегнулся через них и рассматривал сжавшуюся в комочек племянницу. – Ступай, отдохни, дитя. Я сам посижу здесь, хотя от этого не будет никакого толку, навряд ли сегодня нам стоит ждать новых постояльцев... Может быть, тебе стоит выпить чаю с миссис Дримлейн?

Кэтрин встрепенулась и тут же со всей возможной в ее состоянии стремительностью поднялась по лестнице.

– Спасибо, дядюшка, – голос ее прервался, и Кэти уткнулась лицом в помятый жилет дяди Томаса.

– Ну, полно, полно, милая, – неловко обнял ее толстяк. – Я знаю, как тебе жаль твою подружку, но будет очень худо, если и ты заболеешь, как твоя тетя. Может быть, тебе лучше уехать на несколько дней, навестить родных?

На несколько мгновений острое желание никогда не видеть больше «Охотников и свинью» лишило Кэтрин подвижности, она так и застыла, продолжая прижиматься лицом к плечу мистера Лофтли. Но почти сразу опомнилась и отодвинулась, неприлично шмыгнув носом, – она так и не воспользовалась платком.

– Ох, нет, я останусь здесь с вами, – поторопилась заверить она

дядюшку. – Тете Мэриан нужна моя помощь...

– И мне тоже, дорогая моя, – теперь уже мистер Лотфли растроганно зашмыгал носом. – Я знаю, ты добрая девочка. Не отчаивайся, наступят и лучшие времена, и наша старая гостиница оправится от этой беды, переживет все, как переживала прежде.

«И нас переживет», – подумала Кэти, но не стала произносить этого вслух, чтоб еще сильнее не расстроить дядю и не разрыдаться самой. Как бы там ни было, урон репутации гостиницы был нанесен если не непоправимый, как считал оптимист мистер Лофтли, то уж весьма серьезный.

А как чудесно все начиналось...

Перед балом, надевая синее платье, Кэтрин с удивлением заметила, что оно сидит излишне свободно. Похоже, за последние недели она похудела, проводя слишком много времени в беготне по лестницам в гостинице, пока ее тетушка сновала между «Охотниками и свиньей» и домом викария. Дел у хозяев и слуг было столько, что Кэтрин боялась однажды заснуть прямо на лестнице, не в силах дойти до своей спальни. Благотворительный комитет прислал помощниц, шумных и бестолковых молодых девушек, и миссис Лофтли заламывала в отчаянии руки всякий раз, когда кто-нибудь из этих девиц опрокидывал вазу с цветами или оставлял мокрые следы на начищенных коврах. Бет исчерпала едва ли не весь запас своих ядовитых высказываний, но эти девицы не считали нужным обращать внимание на служащую за конторкой, как бы она ни бушевала. Мистер Лофтли нанял дополнительную прислугу, и урон, причиненный добровольными помощницами, был благополучно ликвидирован.

Кэтрин должна была расставлять поделки, приготовленные для ярмарки, на сколоченных наспех столах в «Зале герцогини». Мисс Хаддон изо всех сил постаралась придать неуклюжим безделушкам пристойный вид, так и этак поворачивая вазочки и шкатулочки, чтобы скрыть следы заляпанных краской пальцев или недорисованный цветок, похожий на растоптанную гусеницу. Эта работа сперва была поручена мисс Морвейн, но Кэтрин не видела подругу с того самого вечера, когда они возвращались по темной улице с заседания попечительского совета.

Дженни ни разу не пришла в «Охотников и свинью», но прислала несколько записок, в которых жаловалась на головокружение, слабость и шум в ушах. Матушка запретила ей выходить из дому, надеясь, что дочь наберется сил и появится на празднике такой же хорошенькой, как прежде, до начала подготовки к балу. Подруга просила Кэти навестить ее, но мисс

Хаддон в эти дни не находила даже времени, чтобы выпить чаю с миссис Дримлейн в «Зале фей», куда там ходить по гостям!

И вот Кэтрин в одиночестве занимается обустройством ярмарки, пока несколько болтливых девиц украшают «Зал герцогини» букетами из оранжереи миссис Райдинг, богатой вдовы из поместья, находящегося по соседству с землями братьев Уорренби. Кэти уже знает, что у миссис Райдинг три сына и две дочери, а младший сын, Гарри Райдинг, считается самым красивым и галантным юношей в округе. Кэтрин любопытно посмотреть на леди и джентльменов, но она, по обыкновению, испытывает приступ стыда пополам с завистью из-за своей недостаточно изящной фигурки.

А вот Дженни, впорхнувшая в комнату, выглядит пусть и бледной после болезни, но очень хорошенькой в светло-розовом платье с лентами цвета старой меди, подходящими к ее волосам.

– Ах, милая моя, как тебе, должно быть, тяжело пришлось, пока меня не было! – Мисс Морвейн сперва оглядывает Кэтрин и ее платье, затем принимается обнимать подругу.

Кэти подавляет раздражение – Дженни могла бы явиться на два часа раньше и помочь, а вместо этого подруга, должно быть, празднично сплетничала в компании своей матушки и сестры, таких же любопытных и болтливых, но хотя бы не злоязычных, какими в большинстве своем являлись дамы в Стоунфолле.

– Что ж, я постаралась представить всех этих уродцев в лучшем свете, а тебе нужно постараться и продать если не все, то хотя бы половину. Иначе затея с ярмаркой не имеет никакого смысла. – В будущем Кэтрин не раз еще пожалеет о своей язвительности, но в тот момент ей хотелось дать понять Дженни, насколько не по-дружески та поступила с ней.

– Это просто кошмар, – в ответ жалобно протянула мисс Морвейн и поспешно отвела глаза от крайнего стола, где были разложены бесформенные салфеточки для подголовников. – Да мне за всю свою жизнь не продать все это, разве только покупатели окажутся слепыми и в перчатках. Вся надежда только на мистера...

– А перчатки-то зачем? – от удивления Кэти забыла о том, что сердится, и не дала подруге закончить фразу.

– Потрогай эту салфеточку, и сразу все поймешь, – уныло ответила Дженни. – Ее вязала младшая из моих учениц, малютка Лил, из самых дешевых жестких ниток. Да еще и завязывала на них узелки, когда нитки рвались.

– Бедняжка. – Кэтрин стало жаль незнакомую ей Лил. Возможно, ее

мать не могла купить дочери даже катушку ниток, и девочке пришлось распустить какую-нибудь старую салфетку.

– Ты так добра, дорогая! – мисс Морвейн приняла сочувствие на свой счет. – Надеюсь все же, эти глупышки, Мег и Белинда, заменят нас на часок, чтобы мы смогли потанцевать и просто побыть среди богатых гостей, как будто мы им ровня!

– Я лучше побуду здесь, – пробормотала мисс Хаддон, представляя, как толкает случайно какую-нибудь пышно одетую даму. – А ты можешь танцевать сколько тебе вздумается!

– О, я не оставлю тебя здесь одну! – тут же пылко возразила Дженни.

– Со мной будут эти девушки, – Кэтрин припомнила неуклюжих помощниц миссис Лофтли. – Как, ты сказала, их зовут?

– Ты думаешь, Мег и Белинда захотят помогать на ярмарке из любви к бедным сироткам? – Сейчас на лице Дженни чувство превосходства, и она кажется намного старше своей подруги. – Разумеется, нет! Они будут торчать здесь и громко хихикать в надежде привлечь внимание сквайров! Гарольда Райдинга, конечно же, и других. По традиции, почти все джентльмены жертвуют большие суммы благотворительному комитету, лишь бы только не увозить с собой безделушки. И они не в обиде, если мы продаем одну и ту же вещицу несколько раз! Молодой Райдинг на осеннем празднике со смехом показал мне ту кривобокую чернильницу и сказал, что уже дважды покупал ее!

Кэтрин взглянула на вещицу, на которую показывала Дженни. Чернильница и в самом деле выглядела неважно.

– Что ж, я охотно пойду и посижу с миссис Дримлейн, пока ты кокетничаешь здесь с мистером Райдингом и другими джентльменами. Мне кажется, к каждой моей ноге приделали по булыжнику!

– С этой старой ведьмой? – Мисс Морвейн разделяла нелюбовь большинства горожан к вечной постоялице «Охотников и свиньи». – Нет уж, ты останешься здесь и будешь улыбаться всем и каждому. Что, если среди гостей окажется твой будущий супруг?

– Не окажется. – Кэтрин вздохнула. Возможно, после бала она расскажет подруге, что случилось в Стоунфолле минувшей осенью. Или не стоит? Можно ли полагаться на сдержанность Дженни, если та только и делает, что болтает?

– Ах, ну как можно быть такой спокойной, когда речь идет о твоей будущей жизни! – Лихорадочный румянец отнюдь не красил мисс Морвейн. – Неужели ты хочешь всю свою жизнь просидеть в темном углу за своей конторкой?

– А ты? – Улегшееся было раздражение вновь подняло шипастую голову. – Ты и правда веришь, что кто-нибудь из джентльменов, которым с малых лет внушали, что они должны сделать выгодную партию, женится на простой девушке из города? И сделает тебя богатой и счастливой?

– Никто не знает, где найдет свое счастье! – обиженно отвечает Дженни. – Ты даже не представляешь, какие чудеса порой случаются прямо на пороге твоего дома!

Ответить мисс Хаддон не успела – в «Зал герцогини» заглянула сестрица викария, чтобы проверить, готово ли все к началу ярмарки.

Полтора часа спустя Кэтрин думала, что ее подруга не так уж и неправа, говоря о чудесах. Мисс Хаддон приглашали танцевать уже два раза! И это при том, что в зале достаточно хорошеньких и стройненьких девушек!

На первый танец Кэтрин пригласил брат Дженни, долговязый молодой человек с веселыми, слегка косящими глазами. Он разносит почту и является неоценимым помощником женской половины семьи в трудах по сбору урожая сплетен. «Должно быть, сестра попросила его пригласить меня», – с досадой пополам с благодарностью думала Кэти. Хорошо еще, она знала этот танец и двигалась почти грациозно, как только перестала стесняться. Стиви так забавен, что она невольно улыбалась всякий раз, когда он шепотом называл ей кого-нибудь из столпов городского общества, а также прозвища, которые они с друзьями еще мальчишками дали этим людям. В нем есть что-то от неутомимого проказника Бартоломью, и Кэтрин становилось тепло и одновременно грустно. Неужели она внезапно заскучала по Стоунфоллу? Или виной кузен Бартоломью, о котором она так тщательно старается не думать?..

Стиви танцевал едва ли не с каждой девушкой в зале, и Кэти с удивлением подумала, что никто, кажется, не замечает его косоглазия. В Стоунфолле ее отец непременно бы обратил ее внимание на особенности внешности молодого человека, и Кэтрин уж не смогла бы думать ни о чем другом. Ее внезапно поразило, как мало вины она испытывала в последние недели из-за того, что натворила осенью, и из-за отсутствия в ее сердце тоски по дому.

Но подумать об этом она успела лишь два следующих танца, пока стояла возле улыбающегося гостям дядюшки, а затем ее пригласил сын одного из докторов Кромберри – в городе их целых три! Кто-то, наверное Дженни или ее брат, рассказал ему, что мисс Хаддон – дочь врача, и степенный, уже лысеющий молодой человек посчитал своим долгом заверить Кэтрин, что медицина в Кромберри находится на должном уровне.

Если у нее будут какие-нибудь затруднения, она всегда сможет обратиться к его отцу. А через несколько лет, когда станет постарше и в жизни ее наступят перемены, уже к нему самому, ведь он готовится занять со временем место отца.

Девушка краснела и сердилась. Ей казалось, будто мистер Макферсон намекал, что через несколько лет ей понадобится помощь при рождении детей. А ведь до того ей нужно выйти замуж!

«Надеюсь, он не станет интересоваться размерами моего приданого! – с ужасом думала Кэти. – Что, если он подумал, что дочь врача будет для него подходящей партией? Особенно если унаследует «Охотников и свинью»! Кухарка будет травить гостей несвежими артишоками, я – подставлять им ножку на лестнице, а мой муж – лечить желудки и срывать переломы! Фу, как это противно!»

Кэтрин уже знала от своей подруги, что в городе говорят о ее появлении в гостинице. Миссис и мистер Лотфли бездетны, не иначе они решили удочерить племянницу и передать ей все свои богатства. Мисс Хаддон была потрясена не только тем, что и она стала объектом сплетен – ей ведь не привыкать, а тем, что ее считают невероятно выгодной партией! В Стоунфолле никому бы и в голову такое не пришло, невзирая на уважаемое положение ее отца и удачные браки сестры и брата.

Третий кавалер, скромный помощник стряпчего, поэтому уже не удивил Кэтрин. В начале бала она забыла про эту чушь с наследством, ведь у миссис Лофтли полным-полно родственников и без нее, но сейчас, после танца с противным Макферсоном, она испытала разочарование из-за того, что приняла чью-то корысть за чудо.

Время, которое она могла потратить на танцы и наблюдение за тем, как танцуют другие, неумолимо истекало. Дженни ждала ее в помещении ярмарки, чтобы, в свою очередь, пойти повеселиться. Кэтрин казалось даже, что ее подруга ищет встречи с кем-то особенным, не зря она уже не в первый раз намекает на возможный брак с человеком, стоящим намного, намного выше ее по положению.

Кэти высматривала в толпе младшего Райдинга. Молодой джентльмен не танцевал – стоял у толстой деревянной колонны, поддерживающей потолок. Колонны украшают сегодня венки и гирлянды из веток, но все равно нельзя не заметить, насколько стар этот зал, как и сама гостиница, несмотря на все ухищрения дядюшки Томаса. На фоне потемневшего от времени дерева лицо юноши кажется сияюще-бледным, светлые глаза весело сверкают, когда он поворачивается из стороны в сторону, стараясь уделить время всем своим собеседникам.

Несколько прелестных девушек в нарядных платьях окружили Райдинга так тесно, что еще одной в этом кружке уже не останется места. Хорошо, что эту сцену не видит Дженни Морвейн! Все леди болтают и хихикают, наперебой стараясь привлечь внимание блестящего кавалера. «Вот так и вокруг Бартоломью сейчас собираются наивные глупышки, – с грустью думает Кэтрин. – И вокруг его друзей тоже. В Стоунфолле с джентльменами дела обстоят далеко не так чудесно, как здесь. А вот девиц, кажется, ничуть не меньше. Почему во многих семьях рождаются одни девочки? Разве всем им хватит женихов? Разве только достанется какой-нибудь старый вдовец или скучный доктор вроде этого Макферсона!»

Гарри Райдинг внезапно оглядывает зал, словно ему недостает поклонниц, и его глаза смотрят прямо на Кэти. Девушка не успевает смутиться, когда улыбка молодого человека становится еще шире, он едва-едва наклоняет голову – Кэтрин знает, что у молодых джентльменов этот кивок заменяет вежливый поклон, и в ее сторону тут же оборачиваются две девицы из окружения Райдинга. Девушки нарядны и хороши собой, но на их лицах заметно пренебрежение к тому, что их окружает. За исключением, конечно, их блестящего собеседника.

Мисс Хаддон тут же поворачивается к дяде, беседующему с кем-то из подошедших гостей. Ей не хочется, чтобы эти богатые избалованные леди смотрели на нее с тем же высокомерием, с каким рассматривают скромный зал «Охотников и свиньи» или платья городских дам, не принадлежащих к лучшему обществу. Такие взгляды Кэти не раз чувствовала на себе и в Брайтоне, и в гостях у сестры – свекровь Маргарет и ее подруги уверены, что дочь врача и ее семейство не очень-то вписываются в их круг, и не считали необходимым это скрывать.

Возле мистера Лофтли, оказывается, стоит старший из братьев Уорренби с супругой, такой же полной и высокой, но куда менее привлекательной. А рядом с ними – еще одна супружеская чета. Довольно молодая женщина в красивом, но не вычурном туалете приветливо улыбается Кэтрин. Это молодая миссис Дримлейн, Кэти однажды видела ее в гостинице – невестка привозила внуков поздороваться с бабушкой. Мальчишки весело протопали по лестнице на второй этаж, они уже знали дорогу в «Зал фей», где обосновалась старшая миссис Дримлейн. Их мать осталась в холле и обменялась несколькими словами с Кэтрин. Судя по всему, эту добросердечную женщину угнетали отношения между ее мужем и его матерью, вернее, их враждебное молчание.

Сейчас Кэти с любопытством рассматривала ее мужа. Мистер Дримлейн выглядел усталым и недовольным, хотя и обращался к мистери

Лофтли любезно. Ранняя седина, впалые виски, желтоватая кожа, натянутая на скулах, – все это говорило о пережитых горестях, но мисс Хаддон не могла пожалеть этого мужчину.

Кэтрин очень сдружилась со старой миссис Дримлейн. Она все еще не переставала удивляться, вспоминая их первое чаепитие и дружеский разговор. Неужели старая дама и вправду посчитала юную мисс Хаддон достойной своего общества на основании одного только взгляда? В глазах ее сына не было столько проницательности и жизнелюбия, хоть мистер Дримлейн и напоминал внешне мать.

Миссис Дримлейн не собиралась идти на бал. Из своих небольших средств она пожертвовала некоторую сумму на нужды благотворительного комитета и попросила оставить ее в покое своей комнаты. Однако же теперь, когда у нее появилась юная подруга, старушка захотела узнать мнение Кэтрин обо всем и обо всех на балу. Мисс Хаддон пообещала старой даме выпить с ней чаю в «Зале фей», как только у нее появится свободная минутка.

О, ей ведь уже давно пора возвращаться на ярмарку! Маловероятно, чтобы ее пригласил на танец кто-то еще, заслуживающий внимания. Благодаря доктору Макферсону ей будет о чем поболтать с подругой. И заполнить страничку в альбоме. Мисс Хаддон пообещала себе, что обязательно изобразит назойливого молодого человека в виде побитого молью чучела гуся, выглядывающего из докторского чемоданчика, и поспешила в «Зал герцогини».

Кэтрин так надеялась, что за время ее отсутствия Дженни и ее помощницы продадут как можно больше безделушек и ярмарка закончится поскорее!

К сожалению, как только она вошла в «Зал герцогини», так сразу поняла, что дела идут не слишком-то хорошо. Товары на столах были перемешаны любопытными руками предыдущих покупателей, а Дженни и обе девицы болтали с несколькими мужчинами, которых Кэтрин не знала. Среди них ей сразу бросился в глаза прямой нос и загорелые щеки – профиль, болезненно напомнивший ей Фрэнка...

Девушка вздрогнула и замерла на месте, но молодой человек повернулся к мужчине намного старше его по возрасту, но с таким же точно носом и темно-кариими глазами, и сходство исчезло.

– Отец, этим прелестным леди так хочется потанцевать! Право же, почему бы нам не купить все эти бесполезные вещицы и не освободить пленниц, запертых здесь коварной рукой викария Фриddeла?

– Ты говоришь это всякий раз, Лоренс. – Другой джентльмен окинул

молоденьких продавщиц взглядом, от которого все три залились румянцем, напомнив Кэтрин клубнику разной степени зрелости. – Боюсь, наша кладовая уже не сможет вместить ни одной вазочки или табакерки.

– О, вы ведь не слышали эту прискорбную новость! – звонкий голос молодого джентльмена заставил всех в зале повернуться к нему, хотя на лицах еще двоих мужчин и только что вошедшей под руку с викарием дамы отразилось неодобрение.

Батюшка мистера Лоренса лишь слегка приподнял бровь, и без того изогнутую, как у провинциальной кокетки. Кэтрин мельком подумала, что отец, хоть и довольно стар, кажется красивее сына, но тут же приготовилась выслушать, что скажет юноша.

– Пес моего дядюшки в погоне за кошкой Даффи опрокинул полку в кладовой, и большинство бесценных экспонатов погибло! – Лоренс театрально прижал руку к груди и наклонил голову, вьющаяся прядь волос темно-рыжего цвета от резкого движения взметнулась вверх, а затем плавно накрыла лоб.

– Что ж, это потеря, которую нам надлежит восполнить. – Широкий улыбчивый рот старшего из собеседников дернулся, словно мужчина сдерживал хохот. – Не могли бы вы попросить прислугу упаковать все это, мисс Морвейн? Я немедленно выпишу чек.

Со своего места у крайнего прилавка Кэтрин показалось, что джентльмен подмигнул ее подруге, и прижала ладонь ко рту, пытаясь сдержать неуместный возглас. Она никогда еще не видела, чтобы с молодыми девушками флиртовал не юный джентльмен, а его батюшка.

– Конечно, мистер Блантвилл, – засуетилась Дженни, сейчас ее личико по цвету можно было уже сравнить с изрядно перезревшей клубникой.

Викарий Фриддел выступил вперед, взял предложенный чек и, едва взглянув на него, выпучил глаза и завел сумбурную благодарственную речь с множеством повторов, но ни оба Блантвилла, ни девицы за прилавком его не слушали. Дженни что-то шепнула одной из своих помощниц, Белинде, и девушка поторопилась к выходу из зала, должно быть, призвать на помощь горничных.

Младший Блантвилл с преувеличенным любопытством рассматривал разбросанные по столу изделия. Кэтрин охотно собрала бы их все в какую-нибудь наволочку и выбросила в Кром, но старший Блантвилл с самым серьезным видом заговорил с Дженни об успехах ее учениц. По его словам, на прошлой ярмарке подушечки для иголок выглядели намного хуже, а вот те маленькие вещицы, он, к несчастью, не знает, что это такое, и вовсе казались побывавшими в зубах его охотничьего пса.

Дженни хихикала и нетерпеливо посматривала на дверь. Кажется, мистер Блантвилл понял, что ее беспокоит.

– Идемте, мисс Морвейн, – он протянул руку, помогая Дженни пробраться сквозь проем между столами. – Вы и ваши ученицы замечательно потрудились, а сейчас вам самое время размять ноги. Вы заслужили один-два танца, и я приглашаю вас на первый из них.

Дженни, кажется, была близка к обмороку, если только в обморок падают от восторга.

Викарий, убедившись, что его речь интересна разве что его спутнице, дородной и сердитой, обернулся к единственной девушке, оставшейся за прилавком.

– Мег, проследите, чтобы ни одна вещь не разбилась, когда ее будут заворачивать.

После этих слов викарий с выражением человека, хорошо сделавшего свое дело, направился к выходу вместе с полной дамой. Его взор милостиво скользнул по остальным людям, находящимся в зале. Все они, убедившись, что ярмарка закончилась, сгрудились у выхода из зала, пропуская друг друга. Одна лишь Кэти замешкалась, прислушиваясь к разговорам. Похоже, старший мистер Блантвилл не в первый раз спасает ярмарку своей щедростью. А история с кошкой и собакой наверняка придумана молодым Блантвиллом, чтобы придать этой щедрости более достойный вид.

Как назло, неподвижная фигура Кэтрин привлекла внимание викария, и преподобный тут же обратился к ней:

– Как удачно, что вы здесь, мисс... – Кажется, он все еще не выучил, как ее зовут. – Мег будет тяжело одной управиться с оставшейся работой, вы ей поможете.

Кэти едва не выпалила что-нибудь неподобающее, раздосадованная задержкой. Она уже представила, как отнесет поднос с чаем в «Зал фей» и расспросит миссис Дримлейн об обоих Блантвиллах. Как странно, что она до сих пор не слышала этой фамилии ни от своей доброй приятельницы, ни от тетушки Мэриан и Бетси, ни даже от Дженни!

На ее благоразумие в большей степени повлиял умоляющий взгляд оставшейся за прилавком худышки Мег, нежели желание угодить викарию. Так или иначе, мисс Хаддон кивнула викарию, молча, не желая вступать в дальнейшие разговоры, и двинулась в угол зала, где были сложены ящики с соломой. В них привезли товары для ярмарки, теперь в них же все это предстояло сложить заново.

«Если не придут хотя бы две горничные, мы проторчим тут до полуночи», – подумала Кэтрин, подхватив один ящик и направляясь с ним к

столу с поделками.

Увы, Белинда смогла раздобыть всего лишь одну служанку и поспешила скрыться за дверьми зала прежде, чем Кэтрин или Мег успели заставить ее присоединиться к ним.

Прошло не меньше чем полчаса, прежде чем все изделия, включая кособокую чернильницу, были кое-как засунуты в ящики и небрежно переложены соломой.

– Ох, я умираю от усталости, – причитала Мег, всовывая в свой ящик последнюю пепельницу в виде утки с ущербными крылышками, кое-как расписанными под коричневые перья.

– Никто еще не умирал во время благотворительной ярмарки, – назидательно заявила Кэтрин. – Как только кто-нибудь пригласит тебя на первый танец, ты тотчас забудешь об усталости, как наша Дженни!

Эти свои слова Кэтрин вряд ли когда-нибудь позабудет. Собственно, ее воспоминания обо всем, что происходило на балу до того, как она их произнесла, оказались самыми безобидными. Как жаль, что эти пустяковые события – танец с доктором Голдблюмом, улыбка младшего Райдинга, подмигивающий мистер Блантвилл – со временем, скорее всего, покроются пылью и усохнут в ее памяти, подобно букетику на старой шляпке. А нелепые слова о смерти, сказанные наполовину в шутку, наполовину с досадой, останутся с ней и будут сопровождать всю жизнь. Как будто кто-то вышил их и повесил напротив ее кровати, как вешают назидательные отрывки из Писания!

Глава 11

Кэтрин пришлось самой приготовить чай для миссис Дримлейн – на кухне творилось что-то невообразимое перед ужином, которым должен был закончиться бал. Перед тем как спуститься за чаем, Кэти постучала к своей старшей подруге. Получив разрешение войти, она приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Старая леди, по обыкновению, читала книгу, полулежа на узком диванчике.

– Я едва не задремала, но этот шум внизу разбудил бы и покойного Райдинга, который оглох от воплей своих внуков лет двадцать назад, – сообщила старушка, с улыбкой глядя на Кэтрин поверх книги. – Ты очень хорошенькая в этом платье, дорогая моя. На твоём месте я бы не тратила время на ворчливую старуху, а вернулась потанцевать, пока бал ещё продолжается.

Кэтрин заверила миссис Дримлейн, что уже пресытилась танцами и ярмаркой и больше всего на свете мечтает спокойно выпить чая в «Зале фей».

– Что ж, уверена, тебе есть о чём рассказать, – пронизательный взгляд миссис Дримлейн не упустил ни одной мелочи: усталый взгляд девушки, соломинки, прилипшие к рукаву платья, вспотевший от усилий лоб. – Ты позаботишься о чае? Я могла бы спуститься вниз, но, должна признаться, мне не хочется видеть ни своего сына, ни кого-либо из бывших соседей.

Кэтрин понимающе закивала и пообещала через четверть часа принести чай в любимую ими обеими комнату.

По дороге на кухню она не могла миновать бальную залу. Там все ещё танцевали несколько пар, остальные гости болтали, собравшись группками сообразно возрасту и положению.

Кэти заметила младшего мистера Блантвилла в компании молоденьких девушек из города, слушающих его веселую болтовню почти с тем же восхищением, с каким барышни из лучших семей внимали историям Гарри Райдинга. Старшего Блантвилла не было видно, как и сына миссис Дримлейн с супругой – должно быть, они уже уехали домой, не дожидаясь ужина.

Мистер и миссис Лофтли примкнули к кружку викария и дам из попечительского комитета. Мистер Лофтли казался усталым и задерганным, но старался держаться уверенно и радушно. Во взгляде миссис Лофтли даже издали были заметны гордость и тревога – только

бы праздник закончился так же хорошо, как проходил до сих пор. Ее надеждам не суждено было сбыться, но блаженное неведение еще несколько минут будет скрывать от нее ужасную истину.

Кэтрин искала глазами Дженни, но не успела разглядеть в толпе подругу, не желая заставлять миссис Дримлейн ждать чай слишком долго. На обратном пути ей и без того пришлось обойти бальную залу по узкому заднему коридору, чтобы не показываться гостям с тяжелым подносом.

По лестнице девушка поднималась медленно, ее руки дрожали от веса чайных приборов и тарелочек, которые она щедро наполнила пирожками и пирожными, так что каждый ее шаг сопровождался звоном подпрыгивающих на блюдцах ложечек. Пришла пора как следует подкрепиться перед тем, как она поведает миссис Дримлейн о событиях сегодняшнего вечера.

В коридоре наверху никого не было, лампы светили тускло, мистер Лофтли старался экономить на освещении по ночам. Те из постояльцев, кто по разным причинам не собирался на бал, должно быть, ждали его окончания в своих комнатах, ворча и жалуясь на шум. Впрочем, не совсем так – Кэтрин уже подходила к «Залу фей», когда дальше по коридору быстро промелькнула чья-то фигура и захлопнулась какая-то дверь. Кто-то из гостей слишком устал и не дождался ужина.

Кэтрин же думала только о том, как бы побыстрее усесться в уютное кресло и взять с подноса пирожное с воздушным розовым кремом. Ей пришлось перехватить поднос одной рукой и прижать его к стене, чтобы открыть дверь в «Зал фей».

– Вот и я, надеюсь, я не задержалась дольше, чем обещала! – преувеличенно бодрым голосом заявила она, чтобы замаскировать усталость.

Миссис Дримлейн уже сидела в кресле перед незажженным камином, и Кэтрин сделала целых три шага вглубь комнаты, прежде чем поняла, что откинувшаяся на спинку фигура не принадлежит старой даме.

Лампы в комнате горели ярче, чем в коридоре, но кресло миссис Дримлейн стояло так, чтобы свет не падал на лицо старушке – вольная или невольная дань быломu кокетству.

– Дженни? – Кэти почти приблизилась к креслу, когда узнала подругу. – Как ты здесь оказалась? Просыпайся, дорогая, сейчас сюда придет миссис Дримлейн. Ей не понравится, что ты уселась в ее кресло! Но ты можешь выпить с нами чая, здесь есть другие...

Она еще продолжала говорить, когда грохот выпавшего из дрожащих рук подноса заглушил ее слова. О, да, это Дженни Морвейн сидела в

старом полосатом кресле, но ее головка неестественно запрокинулась, лицо исказилось и полиловело, а глаза закатились, что в целом представляло собой неопишимо ужасное зрелище. Во всяком случае, для Кэтрин, разум которой не мог тотчас же дать объяснение этой картине. Случилось что-то страшное, вот что Кэти пока смогла осознать. И тогда она завизжала, не замечая, что горячий чай намочил ее подол, а пирожки и пирожные разлетелись во все стороны, запачкав кремом ковер, столик и нарядное розовое платье сидящей в кресле девушки. Мертвой девушки.

– Ах, дитя, что случилось? Ты опрокинула поднос? – неуверенные торопливые шаги за спиной заставили Кэтрин прервать отчаянный визг и резко обернуться. Миссис Дримлейн спешила к ней, недоуменно щуря глаза за стеклами очков.

– Милостивый боже! – старческий разум, который принято считать медлительным, осмыслил случившееся куда быстрее, чем растерянно заматававшееся сознание семнадцатилетней девушки. – Бедняжку убили! Это ведь твоя подружка, не так ли?

– Да, это Дженни, – слабый голосок Кэтрин был едва слышен теперь, после оглушительного визга. – Она... умерла?

– В этом нет никаких сомнений, – с грустью и быстро растущей яростью в голосе откликнулась миссис Дримлейн. – Какой-то негодяй, настоящее чудовище, задушил несчастную девушку. И мы не должны терять время, стоя тут в оцепенении, когда его необходимо поскорее отыскать. Ступай вниз, наверняка судья Хоуксли и констебль Грейтон еще не отправились по домам. Зови их сюда, да поживее! Но не кричи так, ради бога, иначе ты переполошишь весь город. Беги, девочка, беги!

От этого окрика Кэти немного пришла в себя. В самом деле, требовательный тон и понятные указания – именно то, что нужно, чтобы молодая девушка не впала в истерику. Подхватив мокрые юбки, она развернулась и уже было ринулась к двери, но тотчас снова обернулась.

– А... как же вы? Может быть, я провожу вас в вашу комнату? – Кэтрин внезапно подумалось, что старушка должна испытывать еще больший ужас, нежели она сама.

– Меня не напугаешь видом покойницы, – мрачно покачала головой миссис Дримлейн. – Ступай же, а я побуду здесь и прогоню всякого, кто войдет в эту комнату прежде судьи и констебля.

В уверенности миссис Дримлейн в том, что она знает, что делает, Кэтрин почерпнула силы и для себя. Во всяком случае, она не скатилась с лестницы и не споткнулась о порог бальной залы.

Не обращая внимания на удивленные взгляды тех из дам, кто успел

заметить ее мокрое платье в пятнах заварного крема, Кэтрин успела схватить за рукав судью Хоуксли до того, как он перешагнул порог «Зала герцогини», где уже успели убрать следы ярмарочной суеты и накрыть столы к ужину.

– Сэр! – дрожащий голосок девушки судья едва бы расслышал, но ощутил, как что-то удерживает его руку.

– Что такое, мисс?.. – Кэтрин частенько видела судью в ресторане «Охотников и свиньи», но он совсем не обязан был помнить, как зовут племянницу миссис Лофтли.

– Сэр, случилось убийство! – она не попыталась сообщить свою кошмарную новость в более подходящих выражениях. – Мою подругу, Дженни Морвейн, убили там, наверху...

Едва она сама произнесла эти слова вслух, реальность надавила на нее всей своей массой, заставив Кэтрин подавиться.

– Что-о? – судья уже готов был возмутиться нелепой шуткой, до каких такая охотница нынешняя молодежь, если бы не неподдельный ужас, ясно читающийся на лице девушки, и глаза, быстро наполняющиеся слезами. Судья Хоуксли быстро огляделся и громко позвал: – Грейтон, подойдите-ка сюда, у этой молодой леди есть сообщение для вас!

Гости, уже вошедшие в зал, обернулись на этот возглас, а двигавшиеся позади судьи замедлили шаг, исполненные любопытства. Неужели у кого-то из дам на балу украли драгоценности? Или похищены сборы от продажи ярмарочных безделушек?

Судья и сам понял, что допустил оплошность. Несмотря на почтенный возраст, теперь уже он ловко ухватил Кэти под локоть и отвел в сторону, вглубь холла. Главный констебль Грейтон, высокий мужчина лет пятидесяти с загорелым лицом рыбака, уже спешил к ним сквозь толпу.

– Что произошло, мисс Хаддон? – в отличие от судьи, он знал, кто такая Кэтрин, – супруга Грейтона состояла в благотворительном комитете, и Кэти вместе со своей тетушкой несколько раз бывала в его доме.

– Дженни... мою подругу... задушили в комнате наверху, – задыхаясь от невыплаканных еще слез, сумела выговорить Кэтрин.

– Задушили? – резко переспросил Грейтон. – Идемте!

Он быстро направился к лестнице, не заботясь, успевают ли за ним мисс Хаддон и судья Хоуксли. Кэтрин пришлось вновь неприлично подобрать юбки, чтобы догнать констебля с его широким шагом. Судья не отставал, демонстрируя отменное здоровье спортсмена-охотника даже во время подъема по лестнице.

Миссис Дримлейн все так же стояла возле кресла, оберегающего покой

мертвой девушки. На шум у дверей она обернулась и кивнула вошедшим джентльменам, как старым знакомым. Да они и были старыми знакомыми.

– Еще одна убитая девушка, – произнесла старая леди и посмотрела на судью.

– Еще одна? – одними губами прошептала Кэтрин, а главный констебль Грейтон произнес эти слова вслух.

– Вы ведь не забыли про бедную мисс Грин? – довольно язвительно ответила миссис Дримлейн. – По моему мнению, эту несчастную убили точно так же, как и мисс Грин. Что, если убийца обеих – один и тот же?

– Вам понадобилось всего несколько минут, чтобы сделать подобный вывод? – Грейтон недовольно поморщился и жестом предложил старушке отойти в сторону, чтобы он мог осмотреть тело.

– Две задушенные девушки за три месяца – не многовато ли для одного Кромберри? – Миссис Дримлейн послушно уступила место главному констеблю и приблизилась к судье, остановившемуся в трех ярдах от стоящих у камина кресел и сейчас оглядывавшемуся по сторонам.

– Друг мой, не стоит так спешить, – мягкий тон судьи удивил Кэтрин. Неужели Хоуксли – один из тех, кто не осуждает миссис Дримлейн за смерть ее первой невестки? – Но, безусловно, это ужасное и странное происшествие. Совершить убийство во время бала, когда вокруг множество людей... Такое мог совершить только безумец!

– Или настоящее чудовище, которому было что терять, если б эта девушка осталась жива! – прибавил Грейтон и обратился к миссис Дримлейн неприязненным тоном: – Вы нашли тело?

– Бедняжку нашла мисс Хаддон, они с мисс Морвейн были подругами. – Старая леди смотрела на Грейтона с тем же выражением, что и он на нее. – Мы с мисс Хаддон собирались выпить здесь чаю и поговорить о сегодняшнем бале, но я вошла в «Зал фей» на минуту или две позднее, когда бедная Кэтрин уже сделала свою ужасную находку.

– Так вот откуда все эти осколки, – сообразил Грейтон. – Значит, это не покойная мисс Морвейн разбила посуду?

– Нет, сэр. – Кэтрин осторожно взглянула на искаженное лицо Дженни и судорожно всхлипнула. – Я сперва подумала, что это миссис Дримлейн уже пришла и ждет меня, но потом поняла, что ошиблась...

Больше она не смогла произнести ни слова, в ее душе место страха и непонимания постепенно занимало горе. Слезы полились нескончаемым потоком, и Кэтрин принялась вытирать их ладонями, чтобы хоть что-то разглядеть сквозь мутную соленую плену.

– Отведите девушку в свою комнату и побудьте с ней там, пока мы все

здесь не осмотрим, – судья Хоуксли обращался к миссис Дримлейн. – И позвоните прислуге, мне понадобятся все, кто занят сейчас в гостинице. На разговоры с вами и мисс Хаддон у нас еще будет время, сейчас же надо дать полиции хотя бы крошечный шанс поймать убийцу до того, как он покинет эти стены.

Старая дама кивнула без дальнейших споров, слегка обняла Кэти за талию и потянула за собой.

– Идем, милая, я дам тебе несколько платков. Боюсь, их не хватит, чтобы осушить твои слезы, но тебе нужно совладать с ними прежде, чем ты сляжешь в нервной лихорадке.

Через три часа Кэтрин заснула на диванчике в комнате миссис Дримлейн, после того как выпила теплого чая с молоком. Возвратиться в свою комнату и лечь в собственную кровать казалось ей невыполнимой задачей, и миссис Дримлейн, точно так же не желавшая оставаться одна этой ночью, только рада была приютить девушку. После разговора с судьей Хоуксли, который зашел к ним позже, и миссис Дримлейн, и ее юная подруга долго плакали, сожалея о столь ранней и ужасной гибели бедняжки Джен. Слезы изнурили обеих, но не принесли облегчения, как и беспокойный сон – в «Охотниках и свинье» до самого утра оставались гости, слуги и констебли, пытающиеся в кратчайшие сроки расспросить всех. Встревоженные и возмущенные голоса то сливались в неясный гул, то дробились на отдельные ноты, истерические вскрики дам и ругательства мужчин.

Если бы Кэти не устала так на ярмарке, она бы не смогла заснуть. Миссис Дримлейн опасалась, что потрясение, перенесенное девушкой, приведет к истерике и болезни нервов, но дочь доктора Хаддона была крепче изнеженных юных леди, стенающих сейчас внизу в гостиной вместе со своими маменьками. Кэтрин заснула, пусть и не сразу, а ее старшая подруга так и не сомкнула глаз до самого утра, полулежа в кровати и размышляя о случившемся. И чем дольше она думала, тем меньше нравились ей ее мысли, но прогнать их никак не удавалось.

Глава 12

Тяжелая ночь для всех, кто был в «Охотниках и свинье», сменилась не менее тягостным днем. А ведь это был рождественский сочельник! Дамы и джентльмены из окрестных поместий после разговора с констеблем Грейтоном и судьей Хоуксли были отпущены домой вместе с сыновьями, дочерьми, кучерами и лакеями. Горожан расспрашивали, вернее сказать, без особых церемоний допрашивали два констебля, вызвав своим грубоватым обращением негодование у дам из попечительского комитета и недовольное ворчание викария, мечтавшего поскорее оказаться у собственного очага.

«Какое отношение я могу иметь к смерти учительницы?» – вот вопрос, который задавался констеблям вперед всякого другого. Дальше следовало справедливое возмущение, так как полицейские не скрывали, что подозревают всех и каждого. А уж затем подозреваемые давали волю своему любопытству, пытаясь рассказать как можно меньше, а узнать как можно больше.

Были и те, кто искренне хотел помочь поймать коварного преступника, но они либо едва знали Дженни Морвейн в лицо, либо не помнили, когда она покинула бальную залу, чтобы направиться навстречу своей гибели в «Зал фей». Зачем она поднялась вверх? Договорилась с кем-то о свидании? Пыталась шантажировать кого-то? Родители Дженни и ее брат не могли ответить ни на один из этих вопросов, каждый из них развлекался на балу согласно собственным склонностям, не обращая внимания на остальных. Стиви танцевал и пытался флиртовать с молоденькими девушками, миссис Морвейн вдохновенно сплетничала, а ее супруг удалился с приятелями в кабинет дядюшки Томаса, временно превращенный в курительную.

Главный констебль Грейтон был уверен, что убийца – мужчина, хотя задушить шарфом или платком сидящую в кресле девушку могла и женщина, на что резонно указал ему судья Хоуксли. Как и в случае с убийством мисс Грин, эти двое не пришли к согласию в данном вопросе. Но оба они не могли отмахнуться от слов миссис Дримлейн и не сравнивать эти два убийства.

Дика Харта в «Охотниках и свинье» не было, как и его брата, – они собирались встретить невеселое Рождество на ферме своего дяди, находящейся в тридцати милях от Кромберри, и захватили с собой двоих

работников, бывших родом из тех же мест. Их отъезд видело множество народа, но Грейтон все же телеграфировал в ближайший к ферме городок с просьбой местному констеблю навестить семью Хартов и убедиться, что они находятся именно там, куда собирались. Сведения были подтверждены, и судья Хоуксли не мог не заметить в разговоре с главным констеблем, что обеих девушек мог задушить один и тот же человек. И это не Дик Харт, в чьей вине судья и прежде сомневался, полагаясь лишь на свою интуицию и знание людей, пришедшее с годами.

К десяти часам утра главный констебль Грейтон с судьей Хоуксли и оба констебля, не сговариваясь, сдались. Похоже было, что тайна этого убийства останется нераскрытой, а негодяй – безнаказанным.

Никто не видел, как уходила Дженни из бальной залы, никто не помнил, с кем она танцевала последний свой танец, хотя, по общему мнению, она танцевала довольно много. Никто не заметил, чтобы кто-то вел себя подозрительно или же был взволнован сильнее, чем подобает на благотворительном балу. Словом, к огорчению полиции, ни один из находящихся в гостинице не сознался в убийстве, и надежды на то, что он сделает это в дальнейшем, не было ни малейшей.

Все, с кем полицейские и судья еще не успели поговорить, были переписаны и отпущены по домам с наказом явиться позднее в полицейский участок. Засыпающие на ходу люди потянулись из «Охотников и свињи», вслед за ними отбыли не менее сонные констебли, а Грейтон и судья ушли последними, благо их дома находились не так уж далеко от гостиницы мистера Лофтли.

И вот тут-то в «Охотниках и свинье» разверзся ад. Постояльцы не желали отправляться в свои комнаты прежде, чем их хорошенько осмотрит прислуга, – что, если убийца притаился под кроватью или за портьерой? Особенно впечатлительные дамы даже осмотрели свой багаж, как будто преступник мог спрятаться в чемодане или шляпной коробке. И все они мечтали только об одном – поскорее уехать из «Охотников и свињи», бросив свои дела неоконченными, домой или хотя бы в дешевые меблированные комнаты.

Недвусмысленный запрет главного констебля покидать гостиницу никому не пришелся по нраву, и весь этот день и следующий мистер Лофтли потратил на увещевания. «Ах, нет, что вы, мадам, еда не отравлена, ее уже пробовали два лакея и помощник кухарки. Помилуйте, сэр, судья Хоуксли вовсе не считает вас виновным, нет же, он не смотрел на вас излишне сурово, такой уж взгляд у старика. Прошу вас, мисс, успокойтесь, завтра вас ждет настоящий рождественский ужин!» И все в таком духе.

Миссис Лофтли, в отличие от племянницы, не проявила твердость духа и слегла, но горевала она о погибшей Дженни или о потере постояльцев – об этом Кэтрин предпочла не рассуждать. В отсутствие тетушки Мэриан Кэтрин пришлось заботиться о том, чтобы навести в «Охотниках и свинье» хоть какое-то подобие порядка, и к вечеру она вновь чувствовала себя усталой и разбитой. У нее даже не хватило сил на то, чтобы посидеть с миссис Дримлейн у камина в комнате старушки – сама мысль о том, чтобы зайти в «Зал фей», пугала ее. Как и Сару и других горничных, хоть тела Дженни и не было уже в этой комнате, его давно увезли.

Следующий день прошел, подобно предыдущему, в тоске и унынии, но отнюдь не в тишине благодаря бунтующим постояльцам.

И вот теперь Кэтрин обнимает дядюшку Томаса на лестничной площадке, страдая от головной боли и отсутствия сухого носового платка. Она хочет сказать ему еще что-нибудь утешительное, когда внизу в холле громко хлопает входная дверь, и дядя и племянница вздрагивают с одинаково испуганным выражением на круглых лицах.

Мистер Лофтли первым заглядывает вниз и видит судью Хоуксли. Как и обещал, он зашел, чтобы сообщить новости – уж хотя бы это дядюшка Томас заслужил за свои страдания.

После положенных приветствий судья соглашается выпить кофе в маленькой гостиной и неожиданно просит Кэтрин привести миссис Дримлейн.

– Я поговорил с вами обеими слишком коротко, – объясняет он, когда старушка спускается вниз, тяжело опираясь на плечо мисс Хаддон. – Возможно, одна из вас вспомнила или готова вспомнить что-то важное, ведь, кроме вас, наверху никого не было...

– Ох, нет, там кто-то был! – Кэтрин с изумлением понимает, что слова судьи и в самом деле помогли ей припомнить кое-что.

– Кто же это был, мисс? – Судья Хоуксли весь подался вперед, и Кэтрин порадовалась про себя, что с вопросами к ним пришел именно он, а не главный констебль Грейтон. Тот-то уж наверняка сурово выговорил бы ей за забывчивость. Судья же не произнес ни слова упрека, похоже, он нарочно выждал два дня, прежде чем задавать свои вопросы, чтобы леди смогли успокоиться и привести в порядок свои мысли.

– Я не знаю, сэр, – с сожалением ответила Кэти. – Я заметила только, что кто-то вошел в один из дальних от меня номеров, но он двигался так быстро, а в коридоре было довольно темно...

Мистер Лофтли заерзал на своем стуле, словно бы сожалея о

стремлении сэкономить на освещении своей гостиницы.

– В какой номер он зашел? – быстро спросил судья. – Вы говорите «он», это был мужчина?

– Не спеши с ответом, дитя, – дала совет миссис Дримлейн. – Не думай о том, что ты находишься здесь, с нами, а попробуй представить себе тот момент, когда ты увидела этого человека. Твой взгляд художника должен помочь тебе вспомнить.

Если судья Хоуксли и удивился словам о художнике, он не подал виду, с завидным терпением ожидая ответа. Кэтрин послушно закрыла глаза и попыталась вспомнить, как она шла с подносом по коридору. Только бы не зайти в своих воспоминаниях слишком далеко, не переступить порог «Зала фэй»! Тогда она уже не сможет увидеть мысленным взором ничего, кроме фигуры и лица своей дорогой Дженни!

– Мне кажется, это был мужчина, одетый в темный плащ, – неуверенно сообщила она, наконец. – Позже я попробую зарисовать всю картину, коридор, двери и ту фигуру. Возможно, так у меня лучше получится все вспомнить...

– Кто проживает в номерах, в один из которых мог зайти этот человек? – судья Хоуксли одобрительно кивнул Кэти и повернулся к мистеру Лофтли.

Дядюшка Томас ответил сразу же, он всегда помнил, кто из постояльцев поселился в каком номере.

– В дальнем конце коридора комната с незабудками, в ней живет моя племянница, рядом с ней лавандовая комната, там мы всегда размещаем миссис Тафт, а чуть ближе напротив нее – дубовая спальня, ее занимает мистер Тауб... – размеренная речь мистера Лофтли прервалась, а Кэтрин и миссис Дримлейн изумленно переглянулись.

– Мистер Тауб! – старушка произнесла это имя первая. – Я не видела его ни вчера, ни сегодня. Он не заглянул справиться о моем здоровье, как делал ежедневно!

– Я тоже, миссис Дримлейн, я тоже не видел его! – Мистер Лофтли вскочил на ноги, за ним быстро поднялся судья. – Он не собирался идти на бал, но был приглашен на ужин...

– Идемте к нему в номер, сейчас же, и возьмите с собой кого-нибудь из лакеев, – дядюшка Томас еще продолжал говорить, а судья Хоуксли уже шел к двери.

– Помилуйте, друг мой, мистер Тауб едва ли не старше меня, он не мог задушить мисс Морвейн! – с горьким смешком остановила их миссис Дримлейн. – Безобидный старик, он мог сам стать жертвой убийцы, если, к

несчастьем, оказался у него на пути!

– Боюсь, это вполне возможно, – согласился судья, невольно останавливаясь. – Убийца мог слышать шаги мисс Хаддон и звон посуды на подносе. Спрятаться в коридоре ему было негде, и он перебирал двери номеров, пока не нашел открытую.

– И этой дверью вполне могла оказаться дверь номера мистера Тауба! – подхватил дядюшка Томас, его лицо побледнело. – Что, если негодяй убивал бедного старика в то самое время, когда Кэтрин и миссис Дримлейн нашли бедняжку мисс Морвейн!

Кэтрин шумно выдохнула, а миссис Дримлейн с глубокой грустью посмотрела на судью.

– Идите же и выясните, куда делся мой бедный друг, – попросила она.

Мужчины вышли, более не медля, а Кэтрин обернулась к старой леди.

– Вы думаете, они найдут мертвого мистера Тауба? – от страха ее голос дрожал и прерывался. – Ведь его и вправду никто не видел, он не ужинал вчера с другими постояльцами и не спускался к завтраку сегодня, я в этом уверена! Но как мы все могли забыть про него?

– Я не знаю, моя милая, но надеюсь, что мистер Тауб отыщется живым и здоровым. – Миссис Дримлейн не стала говорить о том, что случилось бы с Кэтрин, появившись она в коридоре чуть раньше или оказавшись дверь в номер мистера Тауба или кого-то еще запертой.

– За что же он убил Дженни? – Мысли Кэти в очередной раз устремились к тому, о чем она теперь старалась не думать так же усердно, как за несколько недель до этого дня старалась не думать о Фрэнклине Филморе.

– Боюсь, мы можем так никогда и не узнать это, – печально ответила миссис Дримлейн. – Убийца слишком дерзок и хитер, чтобы Грейтон мог надеяться скоро поймать его...

– По словам миссис Тафт, все в городе считают, что убийца – сумасшедший, случайно пробравшийся в гостиницу. И что он убил также и мисс Грин, – сообщила Кэтрин новость, которую еще не успела пересказать миссис Дримлейн.

– Такие случаи порой бывают, – согласилась старушка. – Но я ни за что не поверю, что какой-то безумец проник в этот дом извне. В холле наверняка постоянно толпились гости, и сумасшедший, если он выглядит так, как мы себе представляем, не смог бы войти незамеченным.

– Но тогда... Остается только предположить... – Кэти не решалась произнести вслух то, о чем думали сейчас едва ли не в каждом доме Кромберри.

– Да, дорогая, нам придется поверить в то, что убийца, сумасшедший он или нет, находился среди гостей и слуг на балу, – миссис Дримлейн без страха признала этот факт.

Кэтрин дернулась, невольно оглянулась. Необъяснимый страх, который одолевал ее полчаса назад, когда она сидела одна в пустом холле, не слыша даже тиканья часов, обрел причину. Теперь она понимала, чего боится. Что она видела убийцу, говорила с ним и, быть может, даже танцевала! И этот человек снова может прийти в «Охотников и свинью», да что там, в любой дом Кромберри, и выбрать себе жертву!

– Если мы никогда не узнаем, кто он, как мы будем жить? – прошептала она.

Вопрос прозвучал невнятно, но миссис Дримлейн, кажется, поняла ее.

– Наша жизнь будет отравлена страхом и подозрением, дорогая моя. И те из нас, кто даст волю слабости и страху, погибнут.

Шум в коридоре прервал их разговор. Дядюшка Томас едва ли не вбежал в комнату, пыхтя, как натруженный паровоз после долгого подъема на холм.

– Мистер Тауб исчез! И все его вещи тоже! – у него хватило чуткости не томить дам длительными вступлениями.

– Выходит, он и есть убийца? – воскликнули одновременно обе его собеседницы и тут же умолкли, ошеломленные этой новостью.

Старый мистер Тауб, с его сединой и неуверенной походкой, задушил Дженни Морвейн, молодую сильную девушку?

– Поверить не могу! – первой опомнилась миссис Дримлейн. – Мы с ним множество раз пили вместе чай в «Зале фей», и у меня ни разу не возникло мысли, что он безумен. Разве что он убил бедную девочку по какой-то другой причине...

– Возможно, она знала что-то о его делах, что-то неприглядное! – подхватил мистер Лофтли. – Боже мой, в моей гостинице не только совершено убийство, так еще и убийца множество раз гостил здесь, сидел за моим столом, беседовал с другими постояльцами... Теперь я уж наверняка потеряю их всех!

– Полно, друг мой! – Миссис Дримлейн решительно сжала своими высохшими пальцами ладонь мистера Лофтли. – Неприятности случаются со всяким, но непреодолима одна только смерть. Мне ли не знать... Важно, как вы с ними справитесь.

– Кто захочет приехать к нам теперь, когда железная дорога не требует обязательной остановки в Кромберри? Я и без того опасался, что в ближайшие несколько лет постояльцев станет вдвое меньше... – начал свои

обычные жалобы дядюшка Томас, но Кэтрин прервала его:

– Ах, дядя, мы что-нибудь придумаем, обязательно, но после! А сейчас расскажите, что еще вы увидели в комнате мистера Тауба? И где судья Хоуксли? Он считает мистера Тауба убийцей?

– Судья послал слугу за Грейтоном, а сам сейчас смотрит книгу, куда мы записываем имена наших гостей. Он хочет знать, был ли мистер Тауб в Кромберри в то время, когда погибла мисс Грин. – Мистер Лофтли смущенно посмотрел на племянницу, сообразив, насколько неуместна его забота о собственном процветании сейчас, когда самое главное – найти убийцу невинной девушки, а возможно, и двух.

– Я рада, что судья Хоуксли сам занялся этим расследованием, – сказала миссис Дримлейн. – Грейтон умен, но склонен делать поспешные выводы. Если кто-то ему не понравится, сразу будет считаться виновным, а потом главного констебля очень трудно переубедить.

– Если бы судья не оказался здесь во время убийства, он бы не стал, наверное... – дядюшка Томас не закончил фразу.

А Кэтрин подумала, уж не имеет ли миссис Дримлейн в виду историю своей семьи. Возможно, ее неприязнь к Грейтону объясняется тем, что он безоговорочно уверился в ее вине, когда узнал о гибели Алисии. Не был ли и главный констебль поклонником ветреной невестки миссис Дримлейн? В это мгновение еще одна мысль поразила ее, и девушка поспешила высказать ее вслух, пока страх собственной дерзости не загнал эту мысль в глубины ее мозга.

– Но ведь получается, что и мистер Грейтон, и судья Хоуксли тоже могли убить Дженни! Они же были среди гостей...

– Господь милостивый, девочка моя, что такое ты говоришь! – ахнул мистер Лофтли. – Возможно ли подозревать самых уважаемых жителей Кромберри? Ты еще скажи, что убийцей может оказаться викарий Фриддел!

– Мисс Хаддон сделала совершенно справедливое замечание, – раздался от дверей голос судьи Хоуксли.

Кэтрин ойкнула, ее щеки опалило жаром. Как она могла сболтнуть такое? Будь здесь миссис Хаддон, она велела бы дочери извиниться перед судьей и выйти вон. К счастью, матушка Кэти не слышала этого безрассудного высказывания, а судья был склонен к всепрощению после того, как Кэтрин рассказала ему о фигуре незнакомца в коридоре.

– Ни викария Фриддела, ни нас с Грейтоном нельзя тотчас же обелить от подозрений. Так же как и представителей десятка благородных семей, проживающих вокруг Кромберри. И более известные и благородные личности совершали жестокие, непростительные проступки, история

может привести немало подобных примеров. – Несмотря на назидательный тон, видно было, что судья взволнован. – Все гости постоянно перемещались по залу, выходили в холл и другие помещения, подняться наверх и незаметно вернуться мог любой. Так что нам с Грейтоном остается лишь поверить друг другу на слово в том, что мы не убивали мисс Морвейн. И сосредоточиться на поиске мистера Тауба. Он пока представляет для нас самую любопытную персону.

– Тауб был здесь во время убийства мисс Грин? – Миссис Дримлейн обернулась к судье, и Хоуксли укоризненно поглядел на мистера Лофтли, не одобряя его болтливость.

– Я ожидал увидеть в книге вырванную страницу, но, как ни странно, все записи на месте. И Тауб был здесь в сентябре, что прибавляет его нынешнему исчезновению подозрительности.

– Куда же он делся? – пробормотал мистер Лофтли. – Никто ведь не видел, чтобы у наших дверей стоял экипаж или что мистер Тауб выходил из гостиницы со своим саквояжем!

– Мы задавали людям самые разные вопросы о событиях той ночи, но не конкретный вопрос – не видел ли кто-нибудь, как из гостиницы вышел почтенный седовласый джентльмен, – возразил судья. – Если кто-то и заметил мистера Тауба, то мог и не придать этому значения. В представлениях людей благородные седины могут служить поводом для уверенности в невиновности их обладателя.

– Вы правы, друг мой, – согласилась с ним миссис Дримлейн. – Даже нам, знающим, что мистер Тауб без всяких объяснений и, вероятно, без оплаты покинувший гостиницу, трудно вообразить, что он мог задушить молоденькую девушку, с которой, быть может, и вовсе не был знаком.

– Я однажды видела, как мистер Тауб остановил Дженни на улице, – возразила Кэтрин.

– Сегодня вы не перестаете удивлять нас своими наблюдениями, мисс Хаддон! – воскликнул судья. – Когда это было? Вы слышали, о чем они беседовали?

– Я не помню точно. – Кэти смутилась и от этой похвалы, и от того, что не может в полной мере заслужить ее. – Вскоре после того, как я приехала в Кромберри. Мы с Бетси тогда относили в приют пожертвование тетюшки Мэриан, а затем я возвращалась домой одна. На улице мне встретился мистер Тауб и пошел рядом со мной. По дороге мне нужно было зайти в магазин миссис Грин, и возле него мистер Тауб, наконец, отстал от меня. Уже на крыльце лавки я обернулась и увидела, как он заговорил с учительницей, тогда я еще не была знакома с Дженни, но

заметила, как она вышла из школы.

– Это очень, очень любопытно. – Судья потер сухие ладони. – Нужно будет расспросить миссис Грин и ее продавщицу, не видели ли они мистера Тауба рядом с мисс Грин. Подумать только, сколько новых вопросов придется нам задать... Сколько новых волнений и страхов посеять в людских сердцах...

– Если он убил обеих девушек только потому, что безумен, и его жертвы были случайными, то кто был отцом ребенка мисс Грин? – неожиданно спросила миссис Дримлейн.

Судья бросил озадаченный взгляд на Кэтрин – даже будучи погруженным в расследование, почтенный джентльмен помнил, что некоторые темы не подобает обсуждать при юных леди. Хотя, если уж мисс Хаддон принимает участие в разговоре о двух убийствах...

– Я не был знаком с мистером Таубом, но, судя по вашему описанию, мистер Лофтли, он навряд ли походит на сердцееда, способного настолько вскружить девушке голову, – нехотя согласился Хоуксли. – Возможно, отцом все же является Дик Харт, и ее интересное положение никак не связано с ее смертью...

– Или же он вообразил себя ангелом возмездия. Карающим мечом, искореняющим грех. Вы помните, как много писали в газетах об убийце из Бристоля. Он убивал бессердечных матерей, отдававших своих детей в работные дома, – заметил мистер Лофтли, проявив неожиданно хорошую память.

– Да, я прекрасно помню ту жуткую историю, – мрачно кивнул судья. – Убийца зарезал семь женщин, прежде чем его поймали. Ваша версия заслуживает внимания. Мистер Тауб или кто-то другой, ведь мы еще не уверены в его виновности, вполне может оказаться сумасшедшим, выбирающим свою жертву неслучайно...

Хоуксли замолчал, погружившись в размышления, мистер Лофтли приосанился, польщенный вниманием судьи, а Кэтрин подумала, что рассуждать об убийцах и их мотивах было бы очень интересно, будь все это игрой, разгадкой какой-нибудь старой тайны. Но эта тайна была связана с большой бедой, постигшей маленький городок.

Внезапно все трое вздрогнули, потревоженные громким замечанием миссис Дримлейн:

– Но если эта версия соответствует действительности, мисс Морвейн тоже должна была быть беременна!

– Как, черт возьми, вы об этом узнали? – голос главного констебля Грейтона напоминал рев, даже судья Хоуксли едва не подпрыгнул на своем

стуле, а Кэти вскрикнула и прижала ладонь к губам.

– Не хотите ли вы сказать, что это правда, Грейтон? – Судье понадобилась вся выдержка, чтобы не вскочить на ноги и не броситься навстречу главному констеблю, так эффектно появившемуся в комнате.

– Доктор Макферсон сообщил мне о результатах вскрытия как раз перед тем, как я получил вашу записку. – Грейтон нехотя отвел сердитый взгляд от нахмурившейся миссис Дримлейн. – Мисс Морвейн ждала ребенка, но продолжительность беременности была еще совсем невелика...

– Поразительно! – выдохнул судья, его лицо стало еще более мрачным. – Неужели мы имеем дело с безумцем, маньяком, охотящимся на девушек, не устоявших перед соблазном? И как нам теперь его найти?

– Все эти вопросы мы обсудим после, наедине, – резко ответил Грейтон, недовольно оглядев собравшихся в комнате. – Сейчас я хотел бы снова задать вопрос миссис Дримлейн. Как вы узнали, мадам? Доктор Макферсон пообещал мне, что не станет на этот раз посвящать в подробности полицейского расследования свою семью, а за ней и весь город, как это было в случае с беременностью мисс Грин.

– Это было лишь предположение, – неожиданно кротко ответила старая дама. – Мы говорили о возможности того, что преступления совершает сумасшедший, помешанный на какой-то одной идее. И мистер Лофтли предложил в качестве этой идеи греховную связь погибшей девушки и какого-то мужчины, который может оказаться невиновным в ее гибели.

– Он виновен в том, что совращенная им девушка оказалась в интересном положении и, помимо всего прочего, привлекла внимание этого чудовища! – Главный констебль некоторое время сердито смотрел в безмятежные глаза миссис Дримлейн, затем отвел взгляд. – Идемте, Хоуксли, я хочу сам взглянуть на комнату этого Тауба и узнать о нем все, что только возможно. Мистер Лофтли, соберите в холле прислугу, я сам поговорю с каждым! Кто-нибудь должен был что-нибудь видеть или слышать!

Судья пожал плечами, но не стал спорить. Мистер Лофтли вышел вслед за джентльменами, виновато посмотрев на прощанье на свою гостью и племянницу, – Грейтон ясно дал понять, что не желает больше говорить о преступлении и поисках убийцы в присутствии дам.

– Пойдем-ка попросим кого-нибудь приготовить нам чай, – миссис Дримлейн, конечно, заметила разочарование Кэтрин. – Мне кажется, я должна подумать о чем-то важном, но никак не могу вспомнить, о чем именно. Чай должен помочь.

Глава 13

День подарков, хоть и не доставил никому в Кромберри радости, принес немало поразительных новостей.

Только Кэтрин и миссис Дримлейн уселись в малой столовой за чайный стол, как появилась Бет Вортекс. Она выглядела еще более высокой и худой, чем обычно, и то и дело принималась кашлять, но нежелание оставаться дома с вечно пьяным отцом сперва привело ее в приют для стариков, где она провела четыре часа, ухаживая за его обитателями, а затем в «Охотников и свинью». Бетси хотелось из первых рук узнать подробности случившегося в гостинице, но и у нее самой была припасена поразительная новость.

После того как миссис Дримлейн любезно пригласила мисс Вортекс составить им компанию за чаем, Бет без церемоний уселась рядом с Кэтрин, ведь за угощение платила старая дама.

– Экономка в богадельне рассказала мне, о чем сегодня говорят в каждом доме! – заявила мисс Вортекс после того, как съела небольшой сэндвич.

– О бедной Дженни, я полагаю, – с кислым видом ответила ей Кэтрин. Что бы там ни говорил главный констебль Грейтон, доктор Макферсон уже наверняка проболтался своей жене об особом положении мисс Морвейн. И скоро бедные родители Джен и весельчак Стиви будут вызывать у соседей и друзей не сочувствие, а презрительную жалость, как несколько месяцев назад произошло с миссис Грин.

– О, разумеется, убийство надолго останется главной темой для послеобеденной болтовни, – легко согласилась Бетси, но тотчас прибавила: – И все же сегодняшняя новость ничуть не менее важна, нежели убийство!

– Что может быть важнее убийства? – возразила Кэти. – Разве только полиция уже нашла того, кто убил бедняжку...

– Говорите же, мисс Вортекс, – проворчала миссис Дримлейн, недовольная тем, что злоязычная девица не торопится сообщить свою новость.

– Исчезла миссис Грин! – Бет неприязненно взглянула на старушку и повернулась к Кэти. – Вот так взяла и исчезла! И никто в Кромберри не знает, где она!

– Как такое может быть? – Кэтрин изумленно подалась вперед, да и

миссис Дримлейн положила ложечку на край блюда с пирожным.

– Ее кузина и племянница Аннабель зашли к ней с подарком в надежде немного ободрить ее, – принялась рассказывать Бет, удовлетворенная реакцией своей аудитории. – Ее домик оказался заперт, в окнах не горел свет... Эти дамы сперва долго стучали в дверь, затем осмелились побеспокоить соседей. Одна из служанок сообщила то, что узнала накануне от прислуги миссис Грин, проливавшей слезы на ее пороге. Как оказалось, миссис Грин отпустила служанку встретить Рождество с матерью, а когда девушка вернулась утром, в доме никого не было. Все вещи лежали на своих местах, исчезла только хозяйка. Ее магазин тоже заперт, и продавщице миссис Грин не давала никаких указаний.

– Не могла ли она остаться погостить у каких-нибудь друзей? – поинтересовалась миссис Дримлейн.

– Кузина обошла всех, кого могла навестить миссис Грин. Никто ее не видел!

– Тогда, я полагаю, ей надо немедленно обратиться в полицию, – заметила старая дама.

– Она так и сделала, но сейчас все, похоже, заняты только тем, что задают людям вопросы о мисс Морвейн. – Бетси поморщилась, как будто и ее не миновала чаша сия, хотя ее не было на благотворительной ярмарке.

– Думаю, пройдет еще несколько дней, прежде чем кто-нибудь будет ее искать, – озабоченно нахмурилась Кэти. – Что, если мы попросим главного констебля Грейтона о помощи?

– Ты хочешь попросить *главного констебля*? – на этот раз Кэтрин удалось поразить Бет.

– Мистер Грейтон сейчас здесь, наверху, в комнате мистера Тауба, – объяснила миссис Дримлейн.

Бетси, разумеется, должна была услышать всю историю, и обе дамы поочередно рассказывали ей об исчезновении мистера Тауба, стремительно исчезнувшей фигуре, замеченной Кэтрин в коридоре, и подозрениях, возникших из-за странного поведения старика. Только о том, что увидела Кэтрин в «Зале фей», она говорить не захотела. Жалость и страх при всяком удобном случае норовили выпустить на волю потоки слез, но Кэти смутно понимала, что горевать еще будет время, а вот избавиться от страха надо как можно скорее. И если она может помочь найти убийцу, надо приложить все усилия и ни в коем случае не чахнуть и не стенать, как это делала тетушка Мэриан.

Миссис Дримлейн сама коротко рассказала Бет, как в ее любимом кресле обнаружилось тело Дженни Морвейн. А также и о том, что никто из

присутствовавших на балу не обратил внимания, когда и с кем ушла Дженни из танцевальной залы. Кому есть дело до скромной учительницы, если на долгожданный бал приехали настоящие леди и джентльмены?

– Кому-то до нее все же было дело! – хмуро возразила Бет. – Раз уж оказалось, что она ждала ребенка, был кто-то, с кем она тайно встречалась.

– Она так хотела удачно выйти замуж... – Кэтрин не удержалась от всхлипа.

– Вы с ней успели подружиться, – заметила миссис Дримлейн. – Девушки обычно делятся сердечными тайнами друг с другом. Неужели мисс Морвейн ни разу не намекнула, кто ее избранник? Пойми, дорогая, сейчас не время хранить тайны, даже если ты хочешь сохранить добрую память о подруге, известие о ее бесчестье все разрушит!

– Я не знаю, в самом деле не знаю! – воскликнула Кэти. – Дженни намекала, что иногда происходят чудеса, необыкновенные встречи и удачные стечения обстоятельств, и только. Мне кажется, она встречалась с каким-то джентльменом или была в него влюблена и мечтала о взаимности...

– Взаимности! – Бет недобро усмехнулась. – Тайный роман – вот на что может рассчитывать девушка нашего круга, если будет строить глазки джентльмену! И ничем хорошим это не закончится! В лучшем случае – слезами и разбитым сердцем, а в худшем – нежеланным ребенком, позором и гибелью, как это и случилось с твоей Дженни!

– Ты так жестока! – возмущение Кэтрин было столь сильным, что ей захотелось швырнуть в Бетси чашкой, блюдцем и даже тарелкой с пирожками. – Ты хоть когда-нибудь кому-нибудь сочувствуешь, кроме стариков из приюта?

– Они на самом деле заслуживают сочувствия! – Кажется, Бет не ожидала отпора от Кэти, до сих пор проявлявшей по отношению к ней доброжелательность и едва ли не робость. – Они прожили жизнь, полную лишений, тяжело работали, а в старости не смогли обрести даже своего угла и вынуждены делить убогие комнаты с такими же несчастными!

– Они тоже были молоды, мечтали, любили, грешили и ошибались! – Кэтрин сжала кулаки, чтоб не схватить нечаянно блюдце или молочник. – И если бы ты знала их тогда, то точно так же осуждала бы, как сейчас осуждаешь ошибившуюся Дженни?

– Я не осуждаю мисс Морвейн! – пошла на попятную мисс Вортекс. – Подобная история может случиться с любой девушкой. Или почти с любой, если она недостаточно умна, чтобы не отдавать себе отчет в том, что может с ней случиться, если она проявит слабость.

– По-вашему, мисс Морвейн была глупой девушкой? – Миссис Дримлейн слушала спор Кэти и Бет с явным интересом, не пытаясь примирить их.

– Да, если позволила какому-то лживому мужчине обмануть себя!

– Уж ты-то, должно быть, никогда и никому не позволишь себя обмануть! – Кэтрин покраснела от злости, и только присутствие старой леди мешало ей сотворить что-нибудь ужасное, неподобающее приличной девушке.

Бетси открыла рот, чтобы ответить что-нибудь резкое, но не произнесла ни слова. Миссис Дримлейн приподняла седую бровь, но также промолчала. Кэти удивленно смотрела на мисс Вортекс, она-то ожидала от Бет какого-нибудь нового резкого замечания.

– Что ж, мы можем попробовать предположить, с кем встречалась мисс Морвейн. В конце концов, здешнее общество не так уж велико, – миссис Дримлейн сочла необходимым вернуться к самому важному, словно бы не заметила смятения Бет и подозрительного взгляда Кэтрин, наверняка уже раздумывавшей, что такое могло приключиться в прошлом с мисс Вортекс. – Мистер Тауб может оказаться невиновным в смерти бедняжки, это лишь одна из гипотез. Что, если ее убил отец ее ребенка? Человек, который может позволить себе необременительный роман с молоденькой городской девушкой, но никогда на ней не женится? Влюбленную девушку можно обманывать довольно долго, но когда она ждет ребенка, ей нужно нечто большее, чем пылкие обещания.

– Мне кажется, ей мог понравиться Гарри Райдинг, – заметила Кэтрин. – Правда, мне трудно судить, я видела всех этих людей впервые. Но мистер Райдинг молод и хорош собой...

– И ни за что не женится на бедной девушке! – неожиданно поддержала ее Бет. – По слухам, его мать подбирает ему блестящую партию, а эта дама из тех, кто настоит на своем! Вот только, боюсь, Дженни Морвейн не была настолько красива, чтобы он рискнул навлечь на себя гнев миссис Райдинг.

Кэтрин, еще не остывшая, вновь сердито взглянула на мисс Вортекс, но на этот раз она промолчала. Пожалуй, Бетси права. Дженни была миленькой девушкой, но Кэти видела своими глазами, какие очаровательные леди окружали молодого Райдинга. Конечно, он мог счесть мисс Морвейн доступной добычей, подходящей для короткого романа, но разве кто-нибудь в Кромберри мог не заметить этого блестящего юношу?

– Как ее матушка могла не знать о том, что у Дженни есть возлюбленный? – вслух выразила свои сомнения Кэтрин. – Кто бы он ни

был, ему приходилось приезжать в город и где-то встречаться с ней... А миссис Морвейн знает все обо всех.

– Может быть, она все же встречалась с кем-то из городских парней. – Бетси всерьез задумалась, мысленно перебирая в памяти известных ей молодых мужчин.

– Господи, что, если это Дик Харт? После гибели мисс Грин прошло уже несколько месяцев, он мог забыть свою невесту и увлечься Дженни! – Кэти прижала ладони к щекам. – Мог ли он пробраться в «Охотников и свинью» тайно и подстеречь бедняжку?

– Насколько мне известно, Дик все еще скорбит о мисс Грин! – мисс Вортекс решительно, даже с некоторой горячностью отмела это подозрение. – И, что бы про него ни говорили, он – добрый и хороший парень!

Похоже, мисс Вортекс сама равнодушна к Дику Харту – вот что подумали одновременно и миссис Дримлейн, и ее юная подруга.

– Конечно, предположить, что Дик завел новую интрижку, а после убил еще одну девушку, вполне возможно, – задумчиво произнесла старушка. – Он точно так же может оказаться безумцем, как и мистер Тауб, мы не знаем наверняка ничего, что бы опровергло или подтверждало наши теории...

Мисс Вортекс недовольно поглядела на старую даму, но не стала снова защищать младшего Харта.

– Вот только, если Кэтрин все правильно поняла, мисс Морвейн не стала бы интересоваться простым возчиком, – продолжила миссис Дримлейн. – Что касается места для тайных свиданий, школа вполне подойдет. Туда наверняка приезжают попечители и просто состоятельные леди и джентльмены, желающие удовлетворить свою потребность в благотворительности.

– О, разумеется! – Кэтрин почувствовала легкую зависть – как может женщина в годах миссис Дримлейн так запросто придумывать объяснения самым сложным, на взгляд молодой девушки, загадкам! – Никто не заподозрит, если мистер Райдинг или другой джентльмен отвезет в школу несколько альбомов для рисования или корзину фруктов для бедных девочек.

Мисс Вортекс только кивнула. Кажется, несмотря на ее постоянное недовольство, ей начинало нравиться, как они втроем блуждают в тумане, пытаясь любыми способами, ползком или на ощупь, выбраться на свет далекой истины. Жаль, что судья Хоуксли не слышал их беседу, он мог бы почерпнуть немало интересного. Впрочем, ни Бет, ни Кэти не знали, что

миссис Дримлейн позже отправит ему письмо с подробным описанием самых важных моментов их беседы.

– Что ж, если предположить, что соблазнителем мисс Морвейн был джентльмен, который мог запросто приезжать в школу для девочек, я бы сказала, что это – мистер Блантвилл. – Почтенная дама нахмурилась, припоминая что-то.

– О, я знаю, о ком вы говорите! – встрепелась Кэтрин. – Я видела, как он купил на ярмарке все, что нам с Дженни не удалось распродать! Мистер Лоренс Блантвилл!

– Его зовут Чарльз Блантвилл, а Лоренс – его сын, – улыбнулась миссис Дримлейн. – В их семействе лавры сердцееда уже много лет принадлежат старшему из джентльменов.

Кэтрин тотчас вспомнила, как именно старший мистер Блантвилл пригласил Дженни на танец, как и то, насколько восторженно смотрела ее подруга на этого галантного джентльмена.

– Как странно, что до ярмарки я ни разу не слышала ни от кого упоминания о Блантвиллах, – поделилась Кэти своим недоумением. – Ни мои тетя и дядя, ни дамы из попечительского комитета ничего не говорили о них, а ведь они принесли такую пользу, купив все эти безделушки! И, как я поняла, не в первый раз! И вы тоже, миссис Дримлейн, не упоминали о них, когда говорили со мной о тех, кто живет в поместьях неподалеку.

– У этой семьи особая история, дорогая, – помедлив, ответила старушка. – Мисс Вортекс, должно быть, знает ее, да и разговор у нас уже давно свернул с общепринятых тем, так что я вкратце расскажу тебе, почему о них не принято говорить.

Кэтрин молча кивнула. За время своего пребывания в «Охотниках и свинье» она уже почти привыкла к тому, что при ней говорится прямо о том, что даже намеками не могли позволить себе высказать дамы в Стоунфолле. Убийства, тайные романы, незамужние девушки, ожидающие рождения внебрачного ребенка, – поистине Кромберри должен был казаться Кэти настоящим очагом пороков. И тем не менее она видела здесь и славных, мудрых и добрых людей, а что казалось ей самым важным, чувствовала, что в этом городе куда больше жизни, чем в ее родном городке. А ведь Кромберри всего в два или три раза больше Стоунфолла! Что же тогда творится в больших городах, скрытое от глаз и ушей молоденьких девушек? Кэтрин мельком подумала о Брайтоне, Лондоне или, упаси боже ей когда-нибудь оказаться там, Париже! Но долго раздумывать о том, как ограничен был ее мирок во время путешествий с отцом и матерью, ей не пришлось – миссис Дримлейн начала свой рассказ.

– Блантвиллы были старым и уважаемым семейством на протяжении последних двухсот лет, не меньше. Но нынешний хозяин поместья прославился неодолимой страстью к женщинам. Его супруга, мать Лоренса, была очень красивой и молодой, когда приехала в Блантвилл-холл в свадебной фате. Родители Чарльза и друзья семьи уверились, что уж теперь-то он остепенится. Тогда у Блантвиллов было еще много друзей. И мой сын был дружен с Чарльзом в молодости, но после его женитьбы на Алисии их отношения охладели. Как я подозреваю, Чарльз, быстро остывший к своей прелестной супруге, пытался поухаживать за женой моего сына, но Алисия отвергла его, или же Ричард что-то заподозрил и постарался свести встречи с бывшим другом только к самым необходимым.

Кэтрин слушала с удивлением – да что же это за леди и джентльмены живут вокруг? Как будто измены своим женам или мужьям – единственное, что занимает их! Бетси же не переставала есть, должно быть, она нередко испытывала чувство голода и старалась при каждом удобном случае поест впрок.

– Несмотря на то что некоторые семейства осуждали Блантвилла, его продолжали принимать почти везде, – своими словами миссис Дримлейн невольно улучшила отношение Кэти к своим бывшим соседям – все-таки среди них есть и порядочные люди! – А вот миссис Блантвилл не смогла долго терпеть легкомысленное поведение мужа, ведь он не пытался скрывать от нее свои романы с гувернантками Лоренса, привлекательными вдовушками из окрестных городков или даже с фермерскими дочерьми, не слишком стойкими в своих добродетелях. В один прекрасный день она внезапно исчезла!

– Как и миссис Грин? – Бетси напряженно вытянула шею – мистер Блантвилл уже казался ей, как и Кэтрин, воплощением зла.

– О нет, о судьбе миссис Грин нам еще ничего не известно, а молодая миссис Блантвилл пренебрегла своими заботами о сыне и сбежала с учителем рисования своего сына Лоренса, влюбившимся в нее с самого первого дня пребывания в Блантвилл-холле.

Кэтрин ахнула, а Бет, без сомнения знакомая с этой историей, как ни в чем не бывало надкусила третий пирожок.

– Блантвилл получил развод, а уже через полгода женился на гувернантке Лоренса. Не прошло и нескольких месяцев, как новая миссис Блантвилл родила ему дочь, маленькую Дафну. Если развод ему еще могли простить, то вкупе со всем остальным это было уже слишком для нашего провинциального общества. Мать Блантвилла заболела и вскоре умерла, а его отец пережил жену совсем ненадолго. В смерти родителей, разумеется,

обвинили Чарльза. Почти все двери закрылись перед ним и его женой, Лоренс вырос без друзей, а малышке Даффи навряд ли удастся сделать хорошую партию, несмотря на все богатства ее отца.

– Но они же были на ярмарке и, как мне показалось, выглядели вполне благополучными! – Кэтрин не могла даже вообразить себе, как после всего случившегося оба Блантвилла могут быть такими беззаботными, смеяться и флиртовать с городскими девушками.

– Несколько лет спустя после женитьбы вторая миссис Блантвилл умерла во время родов, ее ребенок также не выжил, и Чарльз с обоими детьми уехал из этих мест. Большую часть времени они живут в Лондоне или путешествуют, но Рождество и пару летних месяцев непременно проводят в своем поместье. Дела требуют внимания хозяина, да и Лоренсу пора уже начать разбираться в тонкостях управления состоянием, которое он со временем унаследует. Соседи по-прежнему не приглашают их на балы и пикники, но попечительский совет не может пренебречь щедростью старшего Блантвилла. Отец и сын приезжают на все балы и ярмарки в округе, не только в Кромберри, но и в другие городки, как будто нарочно, чтоб позлить соседей.

– И мистер Блантвилл продолжает... – Кэтрин замешкалась, не зная, как правильно выразиться.

– Вести себя легкомысленно? – фыркнула Бетси. – О, да. Сестра говорила мне, что во время своего летнего пребывания в своем поместье он постоянно навещал ее хозяйку. Патронесса Люси не отличается благонравным поведением, однако же их роман удалось сохранить в тайне от всех, так что репутации вдовы не был нанесен урон.

– А его сын и дочь? – Кэтрин невольно пожалела Лоренса и его младшую сестру – сама она после смерти миссис Фолбрайт успела прочувствовать, как тяжело быть тем, кого осуждают решительно все.

– Мне не известно ничего дурного о детях Блантвилла, но я сама покинула здешнее общество еще до рождения Дафны, – ответила миссис Дримлейн.

– По слухам, Лоренс любезен с девушками, но ни одна из них не проболталась подругам, что у нее был роман с ним, – заявила Бетси. – А про мисс Блантвилл говорят, что она выросла бойкой и сообразительной, но очень скучает здесь, ведь у нее совсем нет подруг. В Лондоне на репутацию ее отца, возможно, смотрят по-другому, так у нее может быть подходящий круг общения, но наверняка ничего не известно. Слуги Блантвиллов неболтливы.

– Судя по вашему рассказу, – обратилась Кэти к миссис Дримлейн, –

мистер Блантвилл мог очаровать Дженни и даже пообещать жениться на ней!

– Как и его сын, – заметила в ответ старая дама. – И если ни один из них не признается в том, что у него был роман с мисс Морвейн, никто никогда не узнает правду.

– Но судья Хоуксли и главный констебль Грейтон должны подозревать Блантвилла, им ведь известна его дурная слава! – Бет неприязненно поморщилась.

– Полагаю, так и будет, мисс Вортекс, – согласилась миссис Дримлейн. – О том, что бедняжка находилась в интересном положении, стало известно лишь пару часов назад. Думаю, это новое обстоятельство заставит полицию еще раз опросить всех, кто был вчера здесь. По крайней мере мужчин. И, кстати, Грейтону и Хоуксли уже давно пора вернуться, не могут же они провести в комнате мистера Тауба весь день!

Сара, будто нарочно появившаяся со свежесваренным чаем и замешкавшаяся у дверей, чтобы послушать, о чем говорят дамы, без приглашения вступила в беседу:

– О, так судья и главный констебль уже давно уехали! Мистер Лофтли проводил их и сам запер дверь в комнату мистера Тауба!

– Вот как! – миссис Дримлейн недовольно нахмурилась. – Могли бы и зайти к нам, попрощаться и рассказать, удалось ли им что-нибудь обнаружить!

Кэтрин была с ней полностью согласна, а Бетси лишь поджала губы. Ясно было, о чем она думает: с какой стати Грейтон станет докладывать о своих делах старухе, которую весь город уже много лет считает убийцей собственной невестки! Другое дело судья, сохранивший добрые отношения с миссис Дримлейн. Но его могли отвлечь важные дела.

– Что ж, полагаю, юные леди, и нам с вами пора заканчивать чаепитие. Кэтрин, ты сможешь мне добраться до моей комнаты? – Миссис Дримлейн тяжело поднялась на ноги. – Мне нужно вздремнуть пару часов, а потом хорошенько подумать обо всем этом. Не могу избавиться от мысли, что я должна вспомнить что-то еще, что-то, имеющее отношение к этим убийствам. Но моя старая память почти так же слаба, как мои руки и ноги, и подводит меня раз за разом...

Кэти тут же выразила желание оказать своей старшей подруге любую помощь, а Бетси захотела навестить миссис Лофтли, ведь бедняжка до сих пор не знает, что миссис Грин пропала, не оставив ни единой весточки.

Глава 14

Вечером в своей комнате Кэтрин извела два десятка листов из своего альбома, пытаясь как можно точнее изобразить таинственную фигуру, нырнувшую в комнату мистера Тауба. Она, как и миссис Дримлейн, чувствовала, что упускает какую-то важную деталь, как будто в ее рисунке чего-то не хватает.

Девушка закрывала глаза, стараясь представить сцену в коридоре, несколько раз опасно выходила в коридор и доходила до того места, откуда увидела незнакомца, а затем снова возвращалась в свою комнату и делала набросок за наброском.

Отчаявшись уловить то, что невидимым мотыльком порхало вокруг ее головы и никак не хотело опуститься на лист бумаги, Кэтрин забралась в постель. Как только она перестала заниматься делом, горе снова нахлынуло на нее, и она долго плакала о Дженни, не заботясь, как наутро будет выглядеть ее лицо.

Утром, впрочем, никому в «Охотниках и свинье» не было дела до опухших глаз мисс Хаддон. Известие о загадочных убийствах в Кромберри дошло до Лондона, и оттуда прибыли сразу трое журналистов, стремящихся опередить друг друга в наиболее точном описании событий.

Мистер Лофтли был доволен новыми постояльцами, и не думающими избегать его гостиницы из-за того, что в ней совершилось тяжкое преступление. Напротив, они осматривали все, что только могли осмотреть, с жадным любопытством, вызывавшим у Кэтрин тошноту, а у дядюшки Томаса – радость, которой он заметно стыдился. Ради новых гостей миссис Лофтли поднялась с постели, чтобы проследить за качеством уборки комнат, белизной скатертей и свежестью купленной кухаркой рыбы.

И только явившаяся с утра Бет, за которой отправили мальчишку-посыльного, была недовольна суетой. Кэтрин, разделявшая на этот раз неприязнь мисс Вортекс к гостям, слышала, как Бетси холодно отказала каждому из журналистов, просивших ее рассказать об убийстве мисс Морвейн. Сама Кэти старалась держаться подальше от столичных наглецов, скрываясь в нужный момент или в кабинете дядюшки Томаса, или в кухне, или где-нибудь еще, куда еще не добрались или откуда только что ушли настырные писаки.

Назавтра были назначены похороны мисс Морвейн, и Кэтрин с ужасом думала о том, что эти бесцеремонные мужчины с модными усиками и

бегающими взглядами явятся на кладбище вместо друзей, которые должны были разделить горе несчастной семьи, но останутся дома. Иначе тень позора, поселившегося в доме Морвейнов, заденет и их.

– Не думай обо всем этом, – посоветовала ей Бетси. – Просто не думай, и все. Пусть проводить мисс Морвейн придет лишь несколько человек, но это будут самые близкие ей люди. А о других и сожалеть нечего, поверь мне!

Кэтрин поверила. От Вортексов точно так же отвернулись друзья, стоило лишь отцу Бет привести семью к разорению. И все же мистер Вортекс сам выбрал свою долю, а Дженни погибла от чьей-то преступной руки. Какой бы грех она ни совершила, несчастная девушка не заслужила ни ужасной смерти, ни дурной памяти.

Миссис Дримлейн шла в малолюдной похоронной процессии вместе с Кэтрин и мисс Вортекс. Сырой липкий снег не напугал журналистов, все трое явились посмотреть, как будут хоронить жертву убийства, как и предполагала Кэти.

Миссис Морвейн едва держалась на ногах, Стиви с заплаканным лицом поддерживал ее под руку, а мистер Морвейн, кажется, с трудом осознавал происходящее. Викарий Фриддел выглядел сконфуженным и неискренним, за что Кэтрин возненавидела его всей душой.

– Пойдемте поскорее отсюда, пока эти стервятники не пристали к нам со своими блокнотами, – услышала Кэти слова сестрицы викария, толстой мисс Фриддел, обращенные к ее подруге, дальней родственнице Морвейнов. Та, похоже, уже пожалела о своем желании прийти поддержать семью Дженни и поспешно согласилась уйти, не дожидаясь окончания похорон.

«Как они отвратительны! – думала Кэтрин, не осознавая, что сейчас любые мысли, не связанные напрямую с Дженни, помогают ей удержаться от рыданий. – Даже судья Хоуксли пришел выразить сочувствие мистеру и миссис Морвейн, а эти сплетницы явились сюда из любопытства, которое ничуть не отличается от того, что испытывают эти журналисты. Разница лишь в том, что злобные ведьмы не напечатают свои измышления в газетах, которые читает вся Англия!»

– Посмотрите-ка, эти две старые вороны торопятся так, будто за ними гонится вся королевская конница! – за спиной Кэтрин раздался насмешливый, гнусавый голос одного из журналистов.

– И в самом деле, для их возраста они двигаются с поразительной скоростью! – хихикнул второй.

– Вам не мешало бы проявить уважение к осиротевшей семье, если уж

у вас достало наглости явиться сюда! – Миссис Дримлейн резко развернулась, ее глаза гневно оглядели всех троих.

Кэтрин, на чью руку опиралась старушка, тоже пришлось повернуться, но дальнейших слов она не слышала. Кажется, один из мужчин, наименее зачерстневший сердцем, извинился, а другие двое с дерзким хмыканьем отошли подальше от миссис Дримлейн. Бет вполголоса ругалась им в спину. Но это все было сейчас не так важно. Кэти поняла, что за мотылька не могла она поймать в ладонь вчера вечером. И помог ей в этом гнусавый, противный голос вечно простуженного лондонца.

– Я никак не могла понять, что кажется мне несообразным, – говорила она миссис Дримлейн во время вечернего чаепития, после того как сперва долго плакала в своей комнате, а затем снова разглядывала вчерашние неудачные рисунки. – Человек, скрывшийся от меня в коридоре, не мистер Тауб!

– Почему же? – Миссис Дримлейн чувствовала себя неважно после утренней печальной церемонии, но ее куда больше заботило здоровье Кэтрин, нежели свое собственное. Изнуренная слезами, Кэти выглядела ужасно, она дурно спала и вздрагивала при каждом резком звуке.

– Мистер Тауб ходил с трудом, как и полагается джентльмену его возраста, – объяснила Кэтрин. – А тот человек двигался так стремительно, что его силуэт буквально скользнул по воздуху и как будто расплылся у меня перед глазами. Нет, это был кто-то значительно моложе мистера Тауба. Поэтому у меня и не получился рисунок! Его фигура промелькнула и исчезла в номере слишком быстро, чтобы я смогла четко разглядеть ее контуры! И, кажется, она была выше сгорбленного мистера Тауба.

– Но ведь в коридоре было довольно темно, – возразила старая дама. – Вокруг него собрались тени от слабых ламп, и ты могла ошибиться, приняв тень от его плаща за продолжение его фигуры.

– Ах, нет же! – Кэти чувствовала, что, если не убедит старушку, судью Хоуксли и главного констебля ей и вовсе не удастся убедить в своей правоте. – Вы так часто виделись с мистером Таубом, что должны были заметить особенности его походки! Он как будто переваливался с боку на бок, подобно тому толстому селезню, что не пожелал улетать на зиму и бродит туда-сюда возле моста через Кром.

– Что ж, ты права, я не могла этого не заметить, как и все в гостинице, мистер Тауб довольно часто попадался на глаза твоему дяде и тете, тебе, прислуге и другим постояльцам. Но всякий раз он не торопился, останавливался поболтать с кем-нибудь... – Миссис Дримлейн невольно поежилась, представив, должно быть, сколько времени она сама провела в

«Зале фей» за чаепитием с этим ужасным человеком. – А в тот вечер, если он совершил это ужасное действие, ему нужно было спешить! Должно быть, он очень встревожился, когда услышал шум с лестницы, возвещающий о появлении кого-то с полным подносом посуды. В ситуации, когда от скорости зависит его жизнь и свобода, человек проявляет порой удивительные способности. Уверена, после того как он скрылся от тебя в своем номере, он не сразу смог отдышаться, а ведь ему нужно было уносить ноги прочь, да поскорее! Жаль, что ты не сразу вспомнила о нем, ведь Тауб мог еще находиться в своей комнате, когда Хоуксли и Грейтон поднялись взглянуть на место его преступления!

Кэтрин молча проглотила этот упрек. Что толку спорить, если миссис Дримлейн не верит ей! И старушка совершенно права, стоило Кэти только заикнуться о том, что кто-то заперся в комнате мистера Тауба, как Грейтон тотчас направился бы туда вместе с констеблем и уж не упустил бы преступника!

– Я знаю, я виновата, очень виновата! – жалобно сказала она после паузы. – Но в тот момент я не могла ни о чем думать, только о том, как ужасно выглядит Дженни и как непоправимо то, что с ней случилось!

– Ни я и никто другой не стану обвинять тебя, дорогая! – поспешно возразила миссис Дримлейн, ее старое лицо светилось сочувствием к измученной девушке. – Даже более взрослый человек, мужчина, и тот не смог бы проявить все мужество и собранность при виде того, что обнаружила ты в зеленой гостиной! Хорошо, что ты вспомнила о том человеке позже, кто знает, когда твой дядя или кто-то другой хватился бы мистера Тауба! Несмотря на свою навязчивость, он был каким-то... неприметным, что ли. Стоило ему покинуть комнату, как я тотчас забывала о нем, это поистине удивительное свойство!

– Потому, что нам хотелось забыть! Было в нем что-то такое... противное! – Кэтрин понимала, что ее слова звучат по-детски, но мистер Тауб и вправду казался ей одним из самых неприятных людей, встреченных ею в Кромберри. Как если увидишь на лесной тропинке змею. От нее хочется не только убежать поскорее, но и не позволять воспоминаниям возвращаться к скользкому черному телу, свившемуся кольцами.

– Возможно, твоя неприязнь к нему была обусловлена чем-то большим, нежели его болтливостью и низкопробными шутками, – заметила миссис Дримлейн. – Художественные натуры наделены даром видеть больше, чем все остальные, и ты могла ощущать его безумие и опасаться его, даже не понимая, чего именно боишься!

Кэтрин, хоть и была польщена словами о ее натуре, все же не могла

избавиться от сомнений.

– А если я ошиблась и человек вошел вовсе не в номер мистера Тауба, а в соседний?

– Это не могла быть ни твоя комната, ни номер миссис Тафт, он ведь вошел в дверь, находящуюся слева от тебя, как ты сама говорила, – терпеливо возразила старая леди. – Комната мистера Тауба – последняя по левой стороне, а номер перед ним занимает гувернантка Эфтонов и их сынок. Я сама слышала, как они возвращались к себе, мальчик был недоволен тем, что не получил вторую порцию пирога с абрикосовым джемом. Своими воплями он перекрыл даже шум снизу. И потом, мистер Тауб не оставил бы свою дверь открытой в такой час и в такой момент, чтоб туда мог зайти кто угодно.

Кэтрин оставалось только согласиться, что незнакомец мог найти убежище лишь в комнате мистера Тауба. Но она еще не сдалась.

– Пусть так, миссис Дримлейн, вот только мистер Тауб к этому часу мог уже уехать из гостиницы по своим делам, пусть таинственным и незаконным, но не связанным с убийством Дженни. Тогда он должен был бы оставить дверь незапертой, чтоб горничные могли начать уборку. Может быть, он просто не захотел заплатить дядюшке Томасу!

– Навряд ли мистер Тауб в таком случае подумал бы об удобстве горничных! – упрямо стояла на своем миссис Дримлейн. – Ты ошибаешься, дитя мое, это мог быть только мистер Тауб. И он исчез из «Охотников и свиньи» в то самое время, когда здесь обнаружилось тело убитой девушки. Разве это не повод для подозрений?

– Миссис Грин тоже исчезла! – уже с меньшим пылом возразила Кэти. – Она тоже связана с убийством Дженни?

– Вот об этом Грейтону стоит хорошенько подумать, – признала миссис Дримлейн. – Одну девушку находят убитой, а мать другой исчезает в ту же ночь – неужели это может быть совпадением?

– Не могла ли она заподозрить в чем-то мистера Тауба? – Кэтрин нехотя отказалась от своей идеи и присоединилась к рассуждениям старой дамы. – Мог он заманить ее куда-то и убить после того, как убил Дженни? Или пробраться ночью к ней в дом? Боже, что, если полицейские найдут ее мертвой где-нибудь в погребе?

– Ты говоришь жуткие вещи, но они могут оказаться правдой, – вздохнула старушка. – Если Грейтон еще не догадался хорошенько осмотреть домик миссис Грин, нужно навести его на эту мысль.

Главный констебль Грейтон проявил свойственную ему хватку и выполнил все необходимые действия без подсказок любопытной старухи и

молодой девушки, вообразившей себя художницей. В доме миссис Грин был осмотрен каждый закоулок, но ни следа хозяйки не удалось обнаружить. Впрочем, ее кухня заметила, что исчезли недорогие украшения и несколько памятных безделушек. Перекрашенные в черный платья и шляпки миссис Грин остались в доме, но Грейтон и судья Хоуксли после недолгих споров сошлись во мнении, что миссис Грин все же уехала куда-то сама. А вот что побудило ее так внезапно покинуть свой дом и магазин, оставалось для них загадкой. Если, конечно, не считать того, что в родном городе она чувствовала себя чужой, опозоренной и одинокой. Разве этого недостаточно?

– Она не могла знать об убийстве мисс Морвейн. – Судья Хоуксли появился в «Охотниках и свинье» спустя пару дней и не возражал против того, что мисс Хаддон присутствует во время его чаепития с миссис Дримлейн. – А могла ли она поделиться с мисс Морвейн какими-то своими страхами или даже обвинить в смерти своей дочери какого-то человека? И, испугавшись собственной болтливости, сбежать прежде, чем мисс Морвейн поделится ее откровением с матерью, а та уж разнесет новости по всему Кромберри?

Кэтрин молча пожала плечами. Насколько ей было известно от самой Дженни, та никогда не дружила с мисс Грин и ее матушкой, хотя они и были знакомы, ведь школа находилась совсем недалеко от магазина миссис Грин.

– Или же Дженни видела кого-то, случайно, через окно своего класса, и захотела поговорить с этим человеком... – пробормотала она, силясь вспомнить, намекала ли ей подруга на какую-то страшную тайну, которую ей удалось случайно раскрыть. Пожалуй, ничего подобного не было. Дженни была слишком увлечена собственными делами и планами, чтобы размышлять о судьбе мисс Грин, после смерти которой прошло уже больше трех месяцев.

– Вы полагаете, ваша подруга была способна на шантаж? – оживился судья.

– Я не хотела бы так думать, но мы познакомились с Дженни всего лишь за несколько недель до ярмарки. – Кэтрин не знала, что и сказать. Защищать мисс Морвейн только потому, что они были подругами, может быть, и правильно, но Кэти и сама хранила недостойный секрет, а еще прекрасно помнила о вероломстве Фрэнка и Бартоломью. Люди способны на что угодно – пожалуй, это высказывание она когда-нибудь вышьет и повесит у себя над камином. И отправит по одному экземпляру Фолбрайту и Филмору.

– За всю мою жизнь мне еще не приходилось сталкиваться с такой запутанной и мрачной историей, – признался судья Хоуксли. – Да и Грейтон, пожалуй, не сможет припомнить что-нибудь подобное за все двадцать пять лет его службы... Мисс Хаддон, вы могли бы нарисовать портрет мистера Тауба? Собственно, ради этого я и зашел к вам сегодня. Искать его в Кромберри, увы, не имеет смысла, а в городке, который он записал как место своего жительства в книге вашего дядюшки, о нем никто никогда не слышал.

Кэтрин почувствовала себя польщенной и испуганной – вдруг она не оправдает доверия судьи? А миссис Дримлейн принялась упрекать Хоуксли в том, что он не сразу поделился очередной сногшибательной новостью.

– Выходит, Тауб вовсе не тот, за кого себя выдавал! – воскликнула она.

– Если он и вправду маньяк, помешанный на убийствах согрешивших девушек, то неудивительно, что он скрывает свое имя, – хладнокровно пожал плечами судья. – Боюсь даже предположить, сколько несчастных он уже мог убить и сколько еще убьет, если его не остановить. Грейтон послал запросы куда только можно, чтобы узнать, были ли где-то еще подобные случаи.

– Боже, как это ужасно! – Миссис Дримлейн посмотрела на Кэти. – Сходи-ка за своим альбомом, дорогая, и попробуй сделать набросок, а я стану поправлять тебя. Я хорошо изучила его черты за последние месяцы, жаль только, моя рука слаба, да я никогда и не проявляла способностей к рисованию.

Кэтрин послушно отправилась за альбомом, оставив судью Хоуксли и миссис Дримлейн на некоторое время вдвоем. Она не знала, о чем говорили старые друзья, но по возвращении ей показалось, что оба выглядят еще более осунувшимися и уставшими. Может быть, миссис Дримлейн вспомнила о смерти своей первой невестки, ожидавшей дитя, как и жертвы мистера Тауба или как там его зовут на самом деле. А может быть, судья Хоуксли поделился своими опасениями никогда не поймать убийцу.

В номере мистера Тауба не нашли никаких забытых вещей, бумаг или билетов на поезд, по которым можно было бы предположить, откуда он на самом деле приехал в Кромберри, чем зарабатывает себе на жизнь и как выбирает места, где остановится для совершения своих страшных деяний. Главный констебль Грейтон предполагал сперва, что Тауб покинул свой номер через окно, выходящее на задний двор гостиницы, но, даже если старик и справился бы с таким трюком, окно оказалось плотно закрытым. Скорее всего, пока Кэти и миссис Дримлейн в ужасе смотрели на застывшее в кресле тело Дженни Морвейн, ее убийца тихо спустился по

задней лестнице и вышел через вход для слуг и поставщиков продуктов. Ему необыкновенно повезло, что он не попался на глаза кучерам и лакеям, ожидавшим своих благородных хозяев в особом помещении, пристроенном к конюшне. Хотя, возможно, увлеченные беседой и небольшим угощением, предоставленным мистером Лофтли, эти люди не заметили бы и самого духа Рождества.

В следующие полтора часа Кэтрин рисовала и перерисовывала портрет мистера Тауба с его пышными бровями и бородой, снова и снова, до тех пор, пока миссис Дримлейн и присоединившийся к ним дядюшка Томас не остались довольны увиденным.

Судья Хоуксли некоторое время задумчиво смотрел на получившийся рисунок, потом повернулся к Кэтрин.

– Мисс Хаддон, вы уверены, что глаза мистера Тауба и его взгляд переданы верно?

Кэтрин несмело кивнула, озадаченная этим вопросом, а мистер Лофтли и миссис Дримлейн в один голос подтвердили, что именно это выражение, настороженное, с какой-то неприятной хитрецей, и свойственно было мистеру Таубу. Впрочем, когда он был постоянным гостем «Охотников и свиньи», никаких неприятных качеств мистер Лофтли за ним не замечал, да и миссис Дримлейн считала его своим приятелем.

– Вы считаете, что его взгляд не похож на взгляд безумца? – спросила миссис Дримлейн судью. – Но все, что мне удавалось когда-либо читать в газетах о маньяках, говорит о том, что лишь одна какая-то мысль или стремление сводят их с ума и заставляют совершать ужасные поступки. Во всем остальном же они ведут себя, как обычные люди, и очень умело скрывают особенности своей личности, темные тайны своей души...

– Дело совсем не в этом, – мягко, но уверенно ответил Хоуксли. – Конечно, глаза обыкновенного сумасшедшего выдадут его тотчас же, а взгляд маньяка, вы совершенно правы, может быть безмятежным или даже добродушным, пока он не думает о своей навязчивой идее. Нет-нет, я вижу на этом портрете совсем другое, и мне кажется удивительным, что этого не замечаете все вы, в первую очередь, конечно же, мисс Хаддон, чье мастерство художника отныне для меня несомненно.

Польщенная Кэтрин покраснела и склонилась над своим рисунком, в равной степени озадаченная словами судьи. Что же такого выдающегося она нарисовала? Чем отличается от других людей мистер Тауб?

Дядюшка Томас и миссис Дримлейн поочередно тоже посмотрели на портрет и вернули его судье, так и не высказав ни одного разумного предположения. Хоуксли покачал головой.

– Сколько, по-вашему, лет мистеру Таубу? – спросил он всех собеседников разом.

– Я думаю, семьдесят или немного больше, – ответила миссис Дримлейн. – Определенно он не может быть существенно моложе меня.

– А вы что скажете, мистер Лофтли?

– Я согласен с миссис Дримлейн, – подтвердил дядя Томас. – Мы с женой не раз жалели старика, которому самому приходится до сих пор вести дела, связанные с долгими поездками...

Кэтрин ничего не могла добавить, мистер Тауб казался ей ровесником миссис Дримлейн, которой, как она знала, весной исполнилось семьдесят четыре года.

– Что ж, я, конечно, покажу этот рисунок Грейтону и доктору Макферсону, но и без их авторитетного мнения я с уверенностью могу сказать, что эти глаза принадлежат куда более молодому человеку.

Судья подождал, пока удивленные возгласы утихнут, ему в силу занимаемой должности было не привыкать к театральным паузам. Затем он взял два неудачных наброска Кэтрин и закрыл ими окладистую бороду и разлохмаченные брови на портрете.

– Посмотрите теперь, друзья мои, и дайте волю своему воображению. Если бы вы никогда не встречались с этим человеком прежде, сколько бы лет вы дали ему, судя по этому фрагменту.

Кэтрин в изумлении прижала ладонь ко рту. Боже мой, какая же она дурочка! Как она могла не замечать того, о чем сейчас говорил судья Хоуксли?

– Так вот почему меня смущали его взгляды! – пробормотала она, припомнив, как неловко чувствовала себя, когда мистер Тауб поглядывал на нее, встречая в коридоре или прогуливаясь в праздности по холлу «Охотников и свиньи».

В самом деле, какой-то липкий, скользкий взгляд его не мог принадлежать почтенному, убеленному сединами старцу. Скорее, человеку низких помыслов, вульгарному и грубому, но отнюдь не старику.

– Господь милостивый, он ведь мог выбрать своей жертвой и тебя! – охнул мистер Лофтли, простирая к племяннице руки, будто тотчас же хотел защитить ее от неизвестного зла.

– Не думаю, дядюшка, он ведь убивал девушек, находящихся в особом положении! – Кэтрин покраснела еще сильнее, отнюдь не благодарная дядюшке за эту внезапную заботу. – А я...

Как сказать, что у нее никогда не было романа, который следовало скрывать, она не знала и сконфуженно умолкла. Судья сдержал улыбку, а

миссис Дримлейн осуждающе покачала головой, поглядев на мистера Лофтли с укором и сочувствием одновременно. Дядя Томас тотчас осознал свою ошибку, но со свойственным ему порой упрямством счел нужным настоять на своем:

– Мы понятия не имеем, на кого еще он мог напасть! Может быть, ему не нравились все молодые хорошенькие девушки, а не только те, кто попал в беду из-за своего легкомыслия!

– Этого нельзя исключать, – вмешался судья, не желая тратить время на бесполезные споры, ему давно уже пора было отправиться к Грейтону с рисунком мисс Хаддон. – Но сейчас нам нужно подумать о другом – как на самом деле выглядит этот человек? Теперь понятно, что седые брови и борода – лишь маскировка, скрывающая его лицо. Он мог отклеить их, протереть лицо, должно быть, покрытое гримом, и выйти из гостиницы другим человеком.

– Поэтому никто и не заметил, как он ушел, даже если он вышел через парадный вход! – воскликнула Кэтрин, позабыв о своем смущении. – На ярмарке было столько народа, и далеко не все знакомы друг с другом!

– Именно так, мисс Хаддон. И это делает наши попытки найти его еще более безнадежными. – Огорчение проступило на лице судьи и почти тут же сменилось гневом на бессилие полиции. – Найти экипаж, в котором он уехал, вот чем занят Грейтон и его люди, и это его единственная надежда – проследить передвижения Тауба, но теперь констеблям надо дать указание опросить всех заново. Пусть спрашивают о любых мужчинах, покинувших Кромберри в ту ночь!

– Но он ведь мог и вовсе не покидать Кромберри, – неожиданно заметила миссис Дримлейн.

В наступившей тишине было слышно только взволнованное дыхание мистера Лофтли, все еще переживавшего из-за того, что в его гостинице, рядом с его семьей, слугами и постояльцами, жил такой человек, настоящее чудовище.

– Черт возьми, вы правы! Никто не знает, как он выглядит! Что мешало ему снять комнату в каком-нибудь недорогом пансионе и оставаться в Кромберри до тех пор, пока не подвернется удобный случай незаметно уехать?!

Судья был так обеспокоен, что даже не подумал извиниться за свое неподобающее высказывание, а леди не сделали ему замечание, поглощенные теми же мыслями. Что, если мистер Тауб по-прежнему ходит по улицам Кромберри, шпионит за молодыми девушками и присматривает себе новую жертву? Может быть, у него десятки масок, сотни обликов,

которые он меняет так же легко, как горничная – увядшие букеты в вазах.

Мрачные и подавленные, сидели собеседники за столом до тех пор, пока судья Хоуксли не пришел немного в себя.

– Что ж, это не значит, что мы сдадимся и позволим ему и дальше безнаказанно творить зло! – решительно заявил он. – Констебли обойдут все улицы, если понадобится, зайдут в каждый дом Кромберри и будут расспрашивать о высоком мужчине с карими глазами, который мог остановиться где-нибудь по соседству. Этих примет достаточно, чтобы здешние сплетницы назвали десяток имен каждая. И пусть даже среди этих людей будут голубоглазые коротышки, мы проверим всех!

На этом судья откланялся, мистер Лофтли поспешил к супруге, чтобы сообщить о сделанном Хоуксли удивительном открытии, а Кэтрин решила, что надо сообщить обо всем Бет. Мисс Вортекс часто посещала приют для стариков, куда их родственники и знакомые приносили все новости и сплетни, чтобы хоть как-то развлечь немощных и одиноких. Кто знает, может быть, кто-нибудь сообщил и о незнакомце, появившемся на их улице...

– Прости меня, дорогая, – неожиданно сказала миссис Дримлейн. – Я была к тебе несправедлива.

– О чем вы говорите? – Кэтрин удивленно посмотрела на старшую подругу.

– Я не поверила тебе, когда ты усомнилась, что такой старик, как мистер Тауб, может двигаться столь быстро, что его силуэт в мгновение ока исчез из коридора. Теперь мы понимаем, что ты все это время была права, а он – вовсе не старик.

– Я должна была догадаться сразу же, – покаялась, в свою очередь, Кэтрин. – То, как он смотрел и ухмылялся... Я видела такие взгляды у мужчин в Брайтоне, но они, к счастью, были обращены не ко мне, а к другим дамам.

– Откуда тебе было знать, малиновка! – Миссис Дримлейн прекрасно поняла, о чем говорит девушка, ее слова становились все более насыщенными гневом. – Мы все были обмануты его неуверенной походкой и седой бородой. Уж если кто и должен был раскрыть его тайну, так это я! Он проводил немало времени за чаепитием со мной и сидел довольно близко, как будто вовсе не опасался! Это весьма серьезное оскорбление моей проницательности, но увы, мои глаза подводят меня, и я не раз говорила об этом вслух, так что он мог не бояться разоблачения с моей стороны! Будь он проклят!

Глава 15

Опасениям судьи Хоуксли суждено было сбыться. Спустя две недели констебли уже без прежнего пыла расспрашивали горожан о незнакомце, притворявшемся мистером Таубом. Возчики Джона Харта не оказывали услуг неизвестному мужчине в ночь бала, хозяйки нескольких пансионатов и меблированных комнат поделились сведениями обо всех своих постояльцах, но и это не помогло. Подозреваемый исчез, а страх остался в городе, поселившись в неосвещенных подворотнях, в маленьких домиках, где вечерами ждали работающих дочерей, и в особняках, где горничные и гувернантки денно и нощно следили за своими юными подопечными.

Ибо никто не знал, откуда сумасшедшему убийце, как все называли мнимого Тауба, становилось известно о падении своих будущих жертв. Этим вопросом задавался Грейтон, об этом судья Хоуксли размышлял в тишине своего кабинета, а Бет Вортекс – сидя на кровати полубезумной старухи в богадельне.

Кэтрин и миссис Дримлейн, перебравшиеся со своим чайным подносом в холл, где ничего не напоминало о смерти Дженни Морвейн, тоже говорили об этом. Осведомленность преступника поражала, но не приносила никаких догадок. Был ли он знаком с семьями убитых им девушек? Морвейны не могли припомнить никого, подходящего под портрет руки Кэтрин, а миссис Грин исчезла. Дик Харт решительно отрицал всякое знакомство с похожим на мистера Тауба человеком.

– Молодой Харт выглядит таким несчастным, – сокрушалась миссис Лофтли, встретившая Дика по пути на рынок. – Кажется, теперь почти никто не думает, что он убил мисс Грин, но половина горожан по-прежнему уверена, что он – отец ее ребенка, а это значит, что он и привел ее к гибели.

– Дик собирался жениться на ней, он относился к своей невесте, как к порядочной девушке, и никогда бы не осквернил их семейный очаг добрачной связью! – горячо воскликнула находящаяся рядом мисс Вортекс.

Бет снова защищала Дика Харта, и находящаяся тут же Кэтрин подумала: «Неужели Бетси в самом деле влюблена в Дика? Как Бет вчера грубо держалась с Джоном Хартом! Как будто старший брат виновен в том, что младший не желает забыть свою погибшую невесту! Несчастливая любовь сделает ее еще более желчной и язвительной, и тетушка Мэриан в конце концов уволит ее!»

Дела в «Охотниках и свинье» шли не лучшим образом, как и следовало

ожидать после случая насильственной смерти, и миссис Лофтли подумывала о том, чтоб отказаться от услуг Бет Вортекс. Принять решение ей мешала жалость к девушке, которая останется почти без средств, и робкая надежда на то, что с началом весенних поездок в Бат путешественники все же будут останавливаться в их гостинице, как и прежде. Об «Охотниках и свинье» теперь знала вся Англия – лондонские журналисты, хоть и убрались восвояси, не забыли узнать историю гостиницы дядюшки Томаса, и в их статьях романтическое прошлое старого здания переплеталось с ужасным настоящим.

Самой Кэти тоже пришлось пережить несколько дней мучительного ожидания писем от родителей. Миссис Хаддон не должна была оставить без внимания трагедию в «Охотниках и свинье», и Кэтрин боялась, что мать решительно потребует ее возвращения в Стоунфолл.

К счастью или несчастью, этого не произошло. Миссис Хаддон собиралась погостить несколько недель у Маргарет, ожидавшей появления второго ребенка, а доктор Хаддон в своем письме к дочери ограничился предостережениями – не ходить вечерами одной по улицам, крепко запирает на ночь дверь и тщательно следить за тем, как ведут себя постояльцы гостиницы. И выражал надежду, что Кэтрин на самом деле нужна своим дядюшке и тетушке в эти дни печали.

Мистер Лофтли и сам принял необходимые меры, невзирая на лишние траты. Все двери в «Охотниках и свинье» были заменены на новые, крепкие, с надежными замками, по ночам в холле дежурил кто-нибудь из лакеев, время от времени обходя коридоры, гостиные и кухню и проверяя, заперты ли окна.

Время шло, зима медленно, тревожно отступала, но приближение весны не несло с собой привычного радостного возбуждения, предвкушения волшебных открытий и будущего тягучего, томного лета.

Кэтрин особенно явственно ощущала, что не ждет в этом году появления робких первоцветов, липких скрученных листочков и всех тех мелочей, так свойственных природе и так жадно просящихся в ее альбом. Она почти не рисовала, накрытый тканью неоконченный портрет Дженни Морвейн был повернут к стене, Кэти боялась даже взглянуть на него. Хотя не раз давала себе слово закончить портрет и подарить мистеру и миссис Морвейн.

– Ты измучилась за эту зиму, как и все мы. – Миссис Дримлейн впервые за долгое время вышла на крыльцо гостиницы и вдыхала холодный еще, пахнувший свежей землей и влагой воздух.

Кэтрин стояла рядом, послушно раскланиваясь с людьми,

проходящими мимо по Мэйн-стрит. Многие теперь были ей известны, и даже братья Уорренби проехали мимо на своих высокомерных лошадях, как это было в первый день ее пребывания в Кромберри. На этот раз оба брата кивнули, адресуя это небрежное приветствие обеим дамам, но миссис Дримлейн будто бы не заметила этой любезности без уважения, а Кэти слегка наклонила голову, невольно передразнивая их. О чем ни тот, ни другой, конечно, ни за что бы не догадались.

– Мне так жаль их всех, – продолжила она прерванный разговор. – И миссис Грин, и Морвейнов, и жителей города, боящихся за своих дочек больше, чем прежде. Они перестали быть открытыми и добрыми, подозрения и страх губят их, как вы и говорили тогда, после гибели Дженни...

– В таких маленьких городках, как Кромберри, редко случаются по-настоящему важные события, способные изменить историю города и его обитателей. Но если уж они происходят, перемены порой бывают ошеломительными. И редко, очень редко это чудесные перемены... – Миссис Дримлейн прищурилась на солнце, оглядывая улицу.

Мисс Фриддел неспешно вышагивала куда-то по своим приходским делам и тщательно делала вид, что не замечает идущего ей навстречу Стиви Морвейна, разносящего почту. Если б Морвейны занимались чем-то другим, они со своим горем и позором куда меньше раздражали бы горожан, но не пользоваться услугами почты жители Кромберри не могли. А потому постоянно должны были вспоминать о несчастной Дженни Морвейн и о своем отношении к ее греховной жизни и мучительной смерти.

Вслед за братьями Уорренби проехала карета миссис Райдинг, в которой сидела она сама и две ее дочери. Хорошенькие девушки брезгливо наморщили одинаковые носики, стараясь не глядеть на грязь на мостовой, а их матушка отвернулась, завидев вывеску с охотниками и свиньей.

– Смотрите, это Бет спешит к нам так, как будто за ней гонится экономка из богадельни! – Кэтрин указала рукой в ту сторону, откуда к ним приближалась мисс Вортекс – черные пряди выбились из-под дешевой шляпки, выцветшая пелерина сбилась набок. – Должно быть, у нее для нас какое-то известие, ведь сегодня она не должна была приходиться.

– Ох, боюсь, с таким видом не приносят хороших новостей! – Миссис Дримлейн выпрямилась и крепче сжала ладонью перила крыльца.

На этот раз, однако, старушка ошиблась.

– Миссис Грин нашлась! – крикнула Бетси издалека, заметив, наверное, встревоженное выражение на лицах поджидавших ее дам.

– Она жива? – одновременно выкрикнули ей в ответ Кэтрин и миссис Дримлейн, так, что мисс Фриддел дернулась и, неприлично приподняв юбки, заторопилась подальше от этого притона, как она теперь называла «Охотников и свинью», стараясь при этом как можно реже приглашать миссис Лофтли на заседания попечительского комитета.

– О, да, с ней все в порядке, если можно так сказать. – Запыхавшаяся Бет остановилась рядом с Кэтрин, в руках она держала какой-то сверток.

Миссис Дримлейн и Кэти постарались терпеливо дождаться, пока мисс Вортекс успокоит дыхание и расскажет им все подробности, но ожидание далось им нелегко.

– Викарий рассказал во время своего визита в богадельню, что магазин миссис Грин снова открыт! Когда я шла сюда, я своими глазами увидела новую вывеску, ее только-только приколотили двое рабочих!

– Она вернулась? – Кэтрин подумала, что возвращение миссис Грин выглядит не менее удивительным, чем ее исчезновение.

– Ах, нет, в Кромберри приехали две женщины, сестры, миссис Трилл и мисс Степлз. Миссис Грин, оказывается, продала им свой дом и магазин, а сама решила навсегда уехать подальше от нашего городка! – выложила Бет свою новость. Растрепанная и покрасневшая, она выглядела сейчас моложе и красивее, и шагавший по другой стороне улицы Джон Харт замедлил шаг, чтобы посмотреть на трех собеседниц. Наверное, он подумал, что три дамы, по обыкновению, сплетничают, но не осмелился подойти, чтобы узнать новости, так взволновавшие всех троих.

– Это очень разумно с ее стороны, – первой вернулась к здравым рассуждениям большая их любительница миссис Дримлейн. – В чужом городе она может рассказать свою историю так, как захочет, без излишних подробностей. Вдова, потерявшая единственную дочь, вызовет сочувствие, и миссис Грин сможет даже найти новых друзей. Вот только что помешало ей уехать открыто, без тайн и загадок?

– Викарий ничего об этом не знает, но он сказал, что судья Хоуксли сам проверил бумаги, которые подписали эти дамы и миссис Грин. Кажется, с ними все в порядке, они не убили и не обокрали миссис Грин, – эти слова заставили Кэтрин и старую даму вздохнуть с облегчением.

– Я думаю, у них в магазине вскоре побывает весь город, – усмехнулась миссис Дримлейн. – Мало того что к новому сезону половина наших дам остались без новых шляп и перчаток, так им еще любопытно будет взглянуть на новых хозяек.

– Им никак не отвертеться от благотворительного комитета, – завистливо произнесла миссис Лофтли, вернувшаяся откуда-то с

небольшой корзинкой. Она слышала часть рассказа мисс Вортекс и теперь хотела узнать все подробности.

Бетси повторила все то, что ей удалось узнать в богадельне, и прибавила, что миссис Трилл – вдова, ее сын учится в университете, а мисс Степлз не выходила замуж и прежде содержала маленький магазинчик в крошечном городке, миль за пятьдесят от Кромберри.

– И как же миссис Грин нашла покупательниц так далеко? – удивилась миссис Лофтли. – Она сначала уехала из Кромберри, а потом познакомилась с ними или же договоренность о продаже всего ее имущества была достигнута заранее?

На этот вопрос часом позже смог ответить сам судья Хоуксли, сохранивший привычку пить чай в «Охотниках и свинье» с миссис Дримлейн и ее друзьями.

– Эти дамы рассказали, что познакомилась с миссис Грин случайно, когда и она, и обе сестры возвращались домой после визита к дальним родственникам. Узнав, что их объединяет общее дело, дамы с приятностью провели время в гостинице, ожидая прибытия своих дилижансов. Это было прошлой весной, а в самом начале декабря миссис Грин написала им и предложила купить ее дом и магазин – миссис Трилл упоминала, что по окончании траура по мужу хотела бы заняться делом вместе с сестрой и, возможно даже, переехать в город побольше. Обе стороны быстро достигли согласия, сделка была оформлена надлежащим образом, я сам тщательно все проверил, и вот у нас новые владелицы шляпного магазина!

– И все же странно, что она уехала вот так, не поделившись своими планами с кузиной... – Кэтрин подумала о миссис Грин, сумевшей сбежать от осуждения соседей, и о ее кузине и племяннице Аннабель, которым навряд ли удастся так же изменить свою жизнь.

– К сожалению, мисс Хаддон, миссис Грин не оставила этим дамам своего адреса, и мы не сможем спросить ее, уехала ли она, как собиралась, или бежала в спешке, испугавшись чего-то или кого-то. – Судья Хоуксли, конечно, уже обдумывал то, что волновало его юную собеседницу, но, как и она, не мог ни в чем быть уверен. – Одно нам известно наверняка – она задумала продать дом и лавку и уехать за несколько недель до гибели мисс Морвейн.

– Жаль, Морвейны не смогут так легко избавиться от своей почты, – Бетси вслух озвучила мысль Кэтрин. – Какая девушка теперь согласится выйти замуж за Стиви?

– Ах, бедная, бедная Дженни! – Кэти полезла в карман за платочком, она все еще не умела сдержать слезы, когда думала о несбывшихся мечтах

подруги. – Она рассказывала мне про свою учительницу, мисс Пристон, чья тетушка была убита грабителем. Такое ужасное горе для семьи, но эта недавно овдовевшая тетушка ждала ребенка, и все друзья отвернулись от семьи мисс Пристон, а ей пришлось пойти в учительницы, когда она отчаялась найти себе жениха. Дженни тогда жалела кузину мисс Грин, Аннабель, попавшую в такую же ситуацию, что и мисс Пристон, но могла ли она предположить, что через несколько недель ее семья окажется в такой же беде...

– Не растравляй себе душу такими мыслями! – Резкий тон Бетси, как ни странно, в последнее время помогал Кэти удержаться от рыданий. – Что случилось, то случилось, и Морвейнам придется испытать до дна...

Она не закончила фразу, так как ее неожиданно перебила миссис Дримлейн:

– Мисс Пристон, так ты сказала? И у ее тетушки тоже была фамилия Пристон? – Старушка вытянула вперед морщинистую шею и приподняла пальцами очки, чтобы лучше видеть Кэтрин.

Судья Хоуксли и обе девушки недоумевающе повернулись к старой даме.

– Да, я почти уверена, что Дженни называла учительницу мисс Пристон, – Кэтрин подумала, что в очередной раз нарушила приличия, упомянув о незамужней женщине, ожидавшей ребенка, но вроде бы до сих пор миссис Дримлейн и не думала ругать ее за это, как сделала бы мать.

– Господи! – На лице миссис Дримлейн отразился недавний ужас, как тогда, когда она стояла перед телом Дженни Морвейн.

– Да что случилось, объясните же нам, наконец! – это не выдержал судья Хоуксли.

– Все это время я каждый вечер, оставшись одна, пыталась вспомнить, какое событие прошлого не дает мне покоя. – Миссис Дримлейн взволнованно перебирала руками, как будто пытаясь что-то поймать. – Что-то, связанное с убийствами этих бедняжек. И в то же время не совсем... А сейчас фамилия Пристон внезапно откинула этот туманный полог с моей слабой памяти.

– Что же это за событие? – Хоуксли наклонился вперед, его профессиональное чутье подсказывало, что сейчас он услышит нечто важное. Или это было лишь отчаянное желание докопаться до правды, которое сопровождало его всю жизнь... Какой бы жуткой ни оказалась эта правда.

– Старый Пристон служил дворецким в семье моего мужа. Помню, первое время я очень боялась этого сурового старика. – Бетси нахмурилась,

предчувствуя долгую историю, а Кэтрин попыталась представить себе, какой была миссис Дримлейн в годы своей молодости. – Его старший сын унаследовал его профессию, он довольно долго служил в особняке наших соседей, а младший женился на девушке из расположенного неподалеку городка, ее отец был компаньоном в торговой компании.

Судья Хоуксли не проявлял нетерпения, свойственного молодежи, но его напряженный взгляд и плотно сжатые тонкие губы говорили о том, что и он вот-вот начнет подгонять миссис Дримлейн, углубившуюся далеко в свое прошлое.

– Брак оказался несчастлив, Пристон часто выпивал и не спешил заняться каким-нибудь делом, что раздражало его тестя и заставляло молодую жену проливать слезы. – Миссис Дримлейн, несмотря на свой обеспокоенный вид, явно получала удовольствие от того, что вокруг нее собралось столько внимательных слушателей. – Через несколько лет после свадьбы Пристон насмерть расшиб себе голову, выходя из паба. Горевал о нем, как говорили в городке, только старый отец. Миссис Пристон осталась вдовой, и я хорошо помню ее, ведь она часто приезжала в наш дом навестить свекра. Милая и славная женщина, она взяла на себя заботы о племяннице, дочери своего деверя, той самой мисс Пристон, которая стала впоследствии учительницей в пансионе, где училась мисс Морвейн. Когда грабитель убил вдову из-за нескольких монет, бывших в ее сумочке, весь городок готов был скорбеть о ней, и многие возмущались слабостью полиции, неспособной беречь покой почтенных горожан. Увы, это сочувствие к ее родным продлилось недолго. Как только кто-то проболтался о ее беременности, ее семья превратилась в изгоев.

Миссис Дримлейн отпила остывшего чая. Никто из собеседников не прерывал ее, только за окном было слышно шуршание дождя по мостовой, смывавшего грязь с булыжников, но не способного очистить черствые души тех, кто шел по мокрой улице и презрительно кривился, проходя мимо почты или бывшего магазина миссис Грин.

– Почему я вспомнила об этом сейчас, спросите вы меня, – миссис Дримлейн грустно улыбнулась. – Потому что у меня возникло неприятное чувство, будто история повторяется. Убита женщина, ожидающая незаконного ребенка, отец так и остался неизвестным, как и убийца. Один это человек или разные люди, ни тогда, ни теперь так и не удалось выяснить. Но к чему подталкивает меня какое-то странное чувство... или предчувствие... у этих трагедий есть что-то общее!

– Друг мой, – осторожно начал судья Хоуксли, пока девушки молчали, неспособные сразу представить, как далеко отстоит от сегодняшнего дня

несчастье с миссис Пристон. – Вы говорили, эту женщину убил случайный грабитель, а в наших нынешних случаях смерть девушек явно не случайна. К тому же, если уж мы думаем, что преступления совершил мистер Тауб, он не мог напасть на миссис Пристон. Для этого он слишком молод! Поверьте, та смерть была из разряда повседневных трагедий, которые случаются, увы, в каждом городе, а особенное положение этой женщины – лишь случайность. И она была одна...

– Все не одна! – перебила судью миссис Дримлейн. – Миссис Пристон была первой, к тому же я знала семью ее мужа. Имена же остальных девушек я не могу припомнить, но их было еще две или три, в разных городках, но всегда неподалеку.

– Вы полагаете, уже тогда в округе появился маньяк, появляющийся то там, то тут и дерзко осуществляющий свои ужасные деяния, не боясь быть пойманным? – скептическое выражение лица Хоуксли не стал маскировать вежливостью, сейчас было не до приличий. – Я должен был об этом слышать! Несколько похожих смертей должны были заинтересовать тогдашних стражей закона!

Бетси и Кэтрин были согласны с судьей, но история миссис Дримлейн напугала их сильнее, чем они хотели показать, прежде всего друг другу. Поэтому обе молчали, но Кэтрин вся как-то съежилась на своем стуле, будто стремясь стать менее заметной, а Бет, напротив, выпрямила спину и сжала лежащие на коленях ладони в кулаки, готовая дать отпор любому злу. Она уже пробовала противостоять ему и побеждала. Вот только, знать бы, какую форму примет это зло на этот раз...

– Вы должны понять, как это выглядит через подзорную трубу прожитых лет и как воспринимается людьми, участвующими в истории прямо сейчас, – терпеливо возразила миссис Дримлейн. – Девушки жили в разных городах, не были знакомы, а их беда, какой бы ужасной она ни казалась нам с вами, встречается куда чаще, чем мы о ней задумываемся. Один лишь старший сын мистера Пристона, узнавший от поставщиков вина и продовольствия обо всех этих случаях, пытался связать истории воедино. Конечно же, ему почти никто не поверил...

– Кроме вас, – неожиданно закончила мисс Вортекс.

Судья Хоуксли, судя по его поджатым губам и морщинам на лбу, пытался побороть скепсис и постараться увидеть в рассказе миссис Дримлейн то зерно истины, которое она выдавала за давно созревший плод.

– О, нет, тогда я была занята совсем другими заботами, – старушка улыбнулась, но так грустно, что Кэтрин захотелось обнять ее. – Ричард только родился, мой муж считал, что я воспитываю его неправильно, я

пыталась спорить с ним, но поначалу слишком робко, чтобы он обращал внимание на мои слова... Нет-нет, Пристон нашел поддержку у старого мистера Райдинга, покойного свекра нынешней миссис Райдинг. Его камердинер был дружен с Пристоном и скрупулезно пересказывал все слухи и новости своему хозяину.

Кэтрин вспомнила, что миссис Дримлейн совсем недавно упоминала старого Райдинга и его глухоту. Пожалуй, от такой помощи наблюдательному мистеру Пристону не было никакой пользы.

– И что же сделал покойный Райдинг? – Хоуксли не чувствовал, как зерно, оброненное миссис Дримлейн, постепенно прорастает в его сознании, незаметно пускает тонкие полупрозрачные корешки, вытесняющие сорняки его сомнений.

– Старик потребовал у тогдашнего главного констебля выделить людей на поиск убийц тех девушек, исходя из предположения, что это один и тот же человек, не желавший жениться на обманутых им девушках.

– Тогда он должен был принадлежать к высшему обществу, – неожиданно заметила Кэтрин.

– Почему? – Бетси выставила вперед свой острый подбородок, удивленная этим предположением.

– Небогатый человек может переезжать из городка в городок так часто, как ему хочется. Мой отец – врач, и он должен навещать своих больных, но его лошади, хоть и меняются через каждые семь или десять лет, всегда знавали лучшие времена. К тому же у простого горожанина недостаточно времени на то, чтобы скрывать свой роман с какой-нибудь девушкой... – Кэти умолкла, не находя достаточно слов, чтобы выразить свою мысль полностью, – она не привыкла говорить о таких вещах, ее язык слово придавливался к небу, как только она представляла ошеломленное, негодующее лицо миссис Хаддон.

– Скорее уж, у него не хватило бы средств, – продолжил за нее судья Хоуксли. – Найти место для встреч, возможно, оплачивать молчание прислуги... Я думаю, в ваших словах есть доля правды, мисс Хаддон. Хотя, возможно, этот человек был возчиком, вроде тех, что служат у Хартов, тогда ему ничего не стоило бы переезжать из городка в городок и заводить необременительные романы в каждом из них.

– Возчики, как правило, стремятся поскорее вернуться домой, чтобы тут же отправиться в новую поездку! – Бет, по обыкновению, готова была защищать Дика Харта и все, с ним связанное, хотя сейчас речь шла о событиях, случившихся за пятнадцать лет до его рождения.

– Тогда нам остается только принять, что негодяй или безумец, если

это и вправду был один и тот же человек, в чем я лично сомневаюсь, был весьма состоятелен и мог позволить себе свободу действий, – подытожил судья. – Так что же было дальше? Простите меня и этих юных леди, дорогая миссис Дримлейн, и расскажите нам, чем закончились поиски старого мистера Райдинга. Я плохо помню его, так как был еще слишком молод в те годы, но, как мне помнится, старик был на редкость упрям, порой не желал слушать собеседника.

– Это как раз неудивительно, – усмехнулась почтенная дама. – К старости он почти совсем оглох и предпочитал не обращать внимания на тех, кто пытался выразить ему свое несогласие. Он замечал только тех, кто кивал и улыбался ему, в этом случае для понимания не нужны слова.

– И все же? Удалось ли ему убедить главного констебля? – Хоуксли взглянул на часы и едва заметно поморщился – чаепитие затягивается, а он все еще не узнал ничего существенного.

– Увы, нет. Сестра главного констебля подняла старика на смех в присутствии гостей, – сокрушенно опустила плечи миссис Дримлейн. – Старый Райдинг не придумал ничего лучшего, как заговорить об этом у них на обеде, надеясь призвать в свидетели их дворецкого.

– И что же случилось потом? – судья не мог скрыть своего разочарования за маской дружелюбного внимания.

– Главный констебль был в то время озабочен ограблением дилижанса и не принял всерьез слова старика, а его сестра велела мужу уволить Пристона за то, что тот находит время сплетничать с камердинером Райдинга, только и всего. Если бы мы с мужем не были на том обеде, я и вовсе ничего бы не узнала, – старушка покачала головой, дивясь особенностям своей памяти. – Поразительно, что я до сих пор все это помню!

– Что стало с бедным мистером Пристоном? – Кэтрин готова была сочувствовать всем, чья судьба, как ей казалась, походила на ее собственную.

– Он куда-то уехал с женой и сыном, я не знаю или не могу вспомнить куда, а его дочь, не дождавшись замужества, осталась преподавать в школе для девочек. Тогдашняя директриса была очень прогрессивной женщиной, иначе ни за что не взяла бы на работу девушку из семьи с такой репутацией.

– Что ж, ваша история может быть равно загадочной и банальной, – судья покосился на девушек, но продолжил: – В определенных слоях случаются подобные трагедии, никак не связанные друг с другом. И виной тому легкомыслие, чрезмерное доверие или распущенность, а не безумный

убийца или джентльмен-соблазнитель, опасющийся шантажа и разоблачения. По крайней мере, не один и тот же джентльмен. Но может быть, подозрения этого Пристона и старого мистера Райдинга имели основания. Нам не суждено узнать об этом.

– Вы сейчас спросите, к чему я завела этот долгий рассказ, неподходящий для легкой беседы за чаем. – Миссис Дримлейн пристально глянула на Хоуксли сквозь свои очки, хотя обычно она смотрела поверх них. – Ведь Тауб никак не мог убивать тех девушек, он мог даже еще не родиться в те годы.

Судья спокойно кивнул. Он чувствовал, что потерял много времени, беседуя с дамами о делах минувших, когда его ждут дела нынешние. Но он понимал, насколько одинока миссис Дримлейн, и испытывал угрызения совести от того, что так редко навещает ее в последние годы.

– Что, если безумие передается по наследству? Вот о чем я хотела поговорить с вами. – Миссис Дримлейн выглядела уставшей, долгая беседа утомила ее, но она не собиралась отпускать судью, не закончив. – Вы могли бы спросить доктора Макферсона? Что, если мистер Тауб – сын кого-то из жителей нашего графства, унаследовавший безумие отца? Нет ли в округе семьи, чей сын уехал или исчез сколько-то лет назад?

– Если бы отец Чарльза Блантвилла хоть сколько-нибудь проявлял странности, я был бы склонен думать, что это его сын. – Судья, как видно, всерьез решил подумать о словах старой леди. – Но, увы, покойный Блантвилл был самым скучным из всех известных мне людей. Его наследник идеально подходит на роль соблазнителя девушек, бросавшего их в определенный момент, как бы Блантвилл ни отрицал свое более близкое, чем положено школьному попечителю, знакомство с мисс Морвейн.

– К тому же он был на балу в собственном облике, а не в виде мистера Тауба, – вмешалась Бетси.

– Что ж из того? – Миссис Дримлейн с интересом вертела в руках чашку, как будто рассматривала в ярком свете ламп череп мистера Блантвилла, надеясь прочесть в его мозгу истину. – Никто не видел Тауба в тот вечер, и никто не видел Блантвилла в наших краях до ярмарки. По меньшей мере несколько месяцев. Он мог приезжать в Кромберри и другие городки, оставаясь неузнанным. И уж денег-то у него хватит на то, чтобы сохранять инкогнито.

– У них разный цвет глаз, – вмешалась Кэтрин. – Эту черту невозможно подделать, так что мистер Тауб и мистер Блантвилл не могут быть одним и тем же лицом.

– Ах да, дорогая моя, я все время забываю, что ты со своим взглядом художника должна замечать больше, чем все остальные, – миссис Дримлейн произнесла эти слова даже с некоторой досадой, явно разочарованная, что ее теория не выдерживает пристального взгляда.

– Что ж, мне пора откланяться, – судья Хоуксли поднялся на ноги. – Как бы там ни было, наша сегодняшняя беседа кажется мне очень полезной. У меня возникло несколько идей, которые, да простят меня дамы, я сперва должен обсудить с Грейтоном.

– Надеюсь, он не отмахнется от них так же пренебрежительно, как прежний главный констебль от подозрений мистера Райдинга! – старая дама довольно улыбнулась – все же ее рассказ заинтересовал судью, а это уже немало.

– Судя по вашим словам, на его отношение к доводам старика повлияла его сестра, – откликнулся Хоуксли. – К счастью, у Грейтона нет сестры, а его супруга не вмешивается в его дела.

Миссис Дримлейн кивнула:

– О да, в моем окружении не было другой такой решительной женщины, как покойная миссис Уорренби.

– Миссис Уорренби? – переспросила удивленная Кэтрин.

– Разве я не сказала, она...

Глухой звук прервал старушку – это Бет, поднявшаяся вслед за судьей, чтобы занять свое место за конторкой, уронила сверток, который принесла с собой и положила на пустой стул.

– Простите. – Мисс Вортекс поспешно подобрала сверток и оглянулась на дверь – миссис Лофтли уже несколько раз заглядывала в маленькую гостиную, показывая всем своим видом, что ее служащей не следует распивать чай с гостями. Бетси ведь не племянница хозяев.

– Так что вы говорили о миссис Уорренби? – судья Хоуксли вернулся к прерванной фразе.

– Разве я не сказала сразу? – миссис Дримлейн недоумевающе оглядела всех троих. – Покойный главный констебль Палметт приходился родным братом миссис Уорренби, матери Тео и Годфри. Младшим братом, привыкшим слушать мнение старшей сестры.

– Насколько я помню со слов своей собственной матери, миссис Уорренби помыкала своим мужем и сыновьями, друзьями и слугами, но о ее родстве с Палметтом я как-то позабыл, – признал судья. – Палметт умер довольно рано, и, когда я стал судьей, мне пришлось работать с его предшественником, он был главным констеблем до Грейтона.

– Именно так, друг мой, – согласилась миссис Дримлейн. – Что ж, нам

остается только ждать, что вы с Грейтоном придумаете для поисков и разоблачения убийцы бедняжек.

– Или убийц, мы все еще не можем быть уверены, что это один и тот же человек, – скорее для порядка, нежели из желания поспорить, добавил судья. – Я нарушаю все правила, раскрывая вам следственные тайны, но, надеюсь, польза от наших разговоров перекрывает ущерб, который может быть нанесен.

Судья строго посмотрел на обеих девушек, его слова явно были обращены к ним. Кэтрин почувствовала, что ее щеки розовеют от смущения, а Бет оставалась такой же бледной и нахмуренной, как обычно.

Заглянувший в комнату мистер Лофтли поставил окончательную точку в затянувшемся чаепитии.

Глава 16

Пронзительный визг донесся со второго этажа, и карандаш Кэтрин резко дернулся, разрывая бумагу.

– Господи, что же еще у нас случилось? – Миссис Лофтли, сидевшая в кресле в холле с салфеткой, которую надо было аккуратно заштопать, вскочила на ноги и бросилась к лестнице, но остановилась у конторки Кэтрин. – Позови кого-нибудь из лакеев, я боюсь подниматься туда!

Жалобный тон тетушки расстроил Кэти едва ли не больше, чем крик. Неужели «Охотников и свинью» постигла новая беда? Плохо кому-то из немногих постояльцев? Что-то пропало?

Только вчера миссис Лофтли говорила, что ей придется уволить одну из горничных и мисс Вортекс. Как бы ни жаль ей было Бетси с ее тяжелой судьбой, потери, которые нес дядюшка Томас из-за уменьшения количества гостей, требовали принятия мер.

Нового трагического происшествия гостиница мистера Лофтли уже не перенесет.

Эндрю, лакей, появился из бокового коридора, и вся троица уже готова была подняться на второй этаж, когда наверху лестницы появилась дрожащая Сара с метелочкой для пыли в руках. Этой метелочкой она махнула в сторону коридора и пробормотала, так тихо, что стоящая за спиной у тетушки Кэтрин едва расслышала:

– Там... там привидение!

– Господи! – миссис Лофтли прижала руку к груди, но вздох ее был полон облегчения. – Что за ерунду ты выдумала? Всем известно, что у нас никогда не водилось привидений, несмотря на почтенную историю «Охотников и свиньи»!

Сара медленно, словно колени ее отказывались сгибаться, спустилась в холл. Миссис Лофтли обошла ее и решительно принялась подниматься наверх, чтобы успокоить двоих или троих постояльцев, чьи шаги и голоса уже слышались из коридора.

– Что тебя испугало? – спросила Кэтрин после того, как усадила Сару на свой стул, а Эндрю подал горничной стакан воды.

– Я прибиралась в «Зале фей», – дрожащий голосок Сары прерывался всхлипами, Кэтрин и Эндрю пришлось нагнуться, чтобы разобрать слова. – Несмотря на то что там никто не бывает, миссис Лофтли не позволяет пыли копиться на мебели...

Кэти кивнула. Ее дядя и тетя еще не решили, что им делать с этой комнатой. Если бы позволяли средства, они бы ее переделали, заменили обстановку и название, чтобы ни у кого не возникало воспоминания об убийстве, случившемся в «Зале фей». Пока же комната стояла запертая, и сама Кэтрин каждый раз вздрагивала и ежилась, проходя мимо дверей.

– Я протерла столик у дивана, взбила подушки, но никак не решалась подойти к камину...

Кресло, в котором сидела Дженни Морвейн в последние минуты перед смертью, мистер Лофтли собственноручно разломал и сжег на заднем дворе, вместо него к камину подвинули другое. Но Сара все равно боялась проходить в дальнюю от двери часть комнаты.

– Я раздвинула шторы, чтобы было больше света, солнце как раз скрылось за облаками, и эти зеленые сумерки беспокоили меня... – видно было, что Сара набирается сил, чтобы сообщить главное. – Все это время я не поворачивалась к камину лицом, но нужно было все же подойти туда и сделать свою работу. И в тот самый момент, когда я уже собралась повернуться, я увидела в зеркале над диваном какую-то тень, мелькнувшую у чайного столика. Я даже не сразу поняла, что это такое, и не могла уже остановиться... Обернулась...

Дрожащими руками Сара поднесла к губам стакан с водой, сжимая его обеими ладонями. Эндрю нетерпеливо подался вперед, а Кэтрин вспомнила, как в ее первый день в гостинице Сара рассказывала ей об убийстве мисс Грин, делая точно такие же нарочитые паузы.

– Ну, так что же это была за тень? – не выдержал Эндрю.

– Словно какая-то неясная фигура наклонилась над креслом и исчезла, как будто спряталась за него или проникла внутрь... – на последних словах горничная задрожала, как будто ее внезапно одолела лихорадка. Вода пролилась на фартук, и Сара вскрикнула.

– Ты думаешь, это был призрак бедной мисс Морвейн? – Эндрю в радостном испуге поднял белесые брови.

– А кто же это мог быть еще? – Сара даже как будто рассердилась. – Ясное дело, бедняжка искала кресло, в котором нашла свою погибель, а вместо него теперь стоит другое, из «Яблоневого спальни». Теперь привидение не успокоится, ведь его кресло мистер Лофтли успел сжечь...

– Я думаю, тебе что-то показалось, – попыталась Кэтрин урезонить горничную. – Должно быть, это из-за того, что ты шире распахнула шторы. Солнце скользило между тучками, и в комнате зашевелились тени. Я тоже это заметила, когда в холле стало темнее...

– Ничего подобного! – возмущение горничной было таким сильным,

что Кэтрин отпрянула. – Как будто я не отличу тени от призрака! Да я сотню раз прибиралась в той комнате, когда вас, мисс, здесь еще и вовсе не было! И прекрасно знаю, каков там свет утром, днем или вечером. Какие бы тени ни бродили там из-за зеленой обстановки, сегодняшний призрак походил на них так же, как сами вы ходите на тощую мисс Вортекс!

Кэтрин оторопела от этого выговора. Да еще и намек на ее полноту заставил ее потерять дар речи. Простодушный лакей, судя по всему, тотчас поверил этому рассказу и уже готов был бежать на кухню, чтобы сообщить новость кухарке и ее помощникам.

Явившийся на шум дядюшка Томас, должно быть, дремавший до этого в своем кабинете так сладко, что не расслышал визга Сары, спросил, в чем дело. Горничная охотно пересказала свою историю, уже не так трясаясь от ужаса, а затем еще и еще раз для мало-помалу наполнявшей холл прислуги.

Конец собранию положила недовольная миссис Лофтли, которой пришлось на ходу придумывать объяснение для встревоженных постояльцев. «Конечно же, мадам, ничего не случилось. Неловкая горничная опрокинула ведро с углем, и оно упало ей на ногу», – примерно так миссис Лофтли сообщила гостям, нарочно не замечая выразительного взгляда покинувшей свою комнату миссис Дримлейн.

Позже, вечером, Кэтрин рассказала своей старшей подруге о причинах переполоха, и старушка удивила ее жизнерадостным отношением к случившемуся.

– Это очень кстати, дитя мое! «Охотникам и свинье» как раз и требовалось что-то подобное, чтобы вернуть себе былую славу! Дом с привидениями – лучшего и желать нельзя! Теперь твоему дядюшке нужно только правильно преподнести эту историю, чтобы постояльцы потекли к нему рекой, желая собственными глазами увидеть призрак. Хорошо бы еще, чтоб ваша горничная почаще встречалась с привидением в самых разных уголках гостиницы и добавила каких-нибудь подробностей относительно ее облика. Похож ли призрак на мисс Морвейн? Во что он одет? Есть ли на шее следы шарфа, которым задушили бедняжку?

– О, как вы можете! – Кэтрин пораженно смотрела на довольно усмехающуюся миссис Дримлейн. – Конечно же, все это Саре только показалось! И если ей поверят, мы потеряем последних постояльцев!

– Ты ошибаешься, поверь мне. Многие люди, пресытившиеся повседневной рутинной, ищут в жизни острые моменты, о которые можно нарочно уколоться и, главное, о которых можно потом долго рассказывать. Намного дороже стоят особняки, в которых завелись фамильные привидения. И заведению твоего дядюшки давно стоило позаботиться о

том, чтобы пустить слух о призраке. Может быть, того самого первого охотника, который остановился здесь и женился на дочери хозяина. Или побывавшей тут когда-то герцогини... Только, конечно же, не призрак знаменитой свиньи!

Кэти против воли фыркнула, не сдержав смех.

– Вы думаете, Сара на самом деле что-то видела? Непохоже, чтобы тетушка Мэриан обрадовалась такой возможности улучшить свои дела. Она очень строго отчитала горничную за поднятый шум, но Сара не сдалась и не согласилась признать, что тень ей привиделась.

– Кто знает, милая моя, – старушка пожала плечами, прикрытыми старой коричневой шалью. – Может быть, что-то там и вправду было. Но это не должно пугать тех, кто относился к мисс Морвейн благожелательно. В любом случае твоему дяде нужно подумать, как правильно воспользоваться подвернувшимся шансом. Попроси его зайти после завтрака ко мне, и мы поговорим. А тебе лучше сделать вид, что ты поверила Саре. Она милая девушка, но довольно обидчивая для ее положения. Не стоит наживать себе врага.

– А что скажут родители Дженни, когда узнают об этом? Мне так жаль их... – Кэтрин за прошедшие недели несколько раз бывала на почте и каждый раз замечала, как стареет и как будто усыхает дородная миссис Морвейн, как сильнее косят глаза Стиви от невыплаканных слез, как увеличивается плешь на затылке мистера Морвейна.

– Им придется пережить и это, – мрачно кивнула миссис Дримлейн. – Не думаю, что появление призрака нанесет еще какой-либо ущерб их памяти о дочери. Репутация мисс Морвейн погублена раз и навсегда.

– Лучше бы им уехать из Кромберри, как это сделала миссис Грин. – Кэтрин вспомнила, как преобразился магазин с появлением новых хозяек. Теперь он выглядел куда шикарнее, и любопытные покупательницы слетались туда, как осы на сливовый пирог, выставленный на окне кухни. О миссис Грин и ее дочери к весне уже все забыли бы, не случись накануне Рождества убийства мисс Морвейн.

– Они не могут или не хотят этого делать, и хорошо, если они откладывают средства на старость, чтобы не пришлось закончить свои дни в приюте. Их сын навряд ли сможет жениться на девушке с хорошим приданым...

Кэтрин вспомнила о новостях, принесенных Бет из богадельни. Умерла тетушка Мардж, кормилица покойной Алисии Дримлейн. Старушка так и не оправилась от болезни легких, и Бетси считала смерть облегчением, избавившим заблудший разум от бесплодного ожидания

Алисии, которая никогда бы не вошла в дверь богадельни.

Кэти не хотела расстраивать миссис Дримлейн и не говорила ей о смерти тетушки Мардж. Бетси, по-прежнему недолголюбивавшая старую даму, нарочно хотела сообщить об этом вместе с новостью о миссис Грин, но позабыла. Разговор с судьей Хоуксли о миссис Пристон и других погибших девушках отвлек мисс Вортекс, и Бет рассказала Кэти о кончине тетушки Мардж только на следующее утро.

Должно быть, каждая история о погибшей девушке, которая ждала ребенка, напоминала миссис Дримлейн о трагедии в ее собственной семье, и Кэтрин решила, что смерть старой кормилицы Алисии еще сильнее огорчит миссис Дримлейн.

Кэтрин даже не представляла, что ей не только не удастся скрыть от своей старшей подруги смерть тетушки Мардж, но, напротив, эта смерть окажется самым значительным событием за последние недели, влекущим за собой раскрытие старых и новых тайн.

Дядюшка Томас, в отличие от своей жены, охотно прислушался к советам миссис Дримлейн и решительно отказался менять обстановку в «Зале фей». Чтобы развеять страхи горничных, миссис Дримлейн согласилась вернуться к чаепитиям у камина и пообещала рассказывать о каждом случае появления призрака другим постояльцам.

Кэтрин не знала, смеяться ей или плакать. Мистер Лофтли надеялся улучшить свои дела, опираясь на историю о жестоком убийстве ее подруги, но Кэти искренне хотела, чтобы ее дядюшка был счастлив. Миссис Лофтли пришлось смириться с энтузиазмом супруга, несколько дней подряд проводившего вечера в собственном пабе и рассказывавшего о привидении каждому, кто готов был его слушать. Включая возчиков и кучеров дилижансов, которые могли разнести эту историю по другим городкам и деревенькам. К тому же дядя Томас решил повременить с увольнением своих служащих, и благодарная мисс Вортекс едва ли не каждый день забегала в богадельню, чтобы поболтать со стариками о таинственном явлении в «Зале фей». Через три дня о привидении знал каждый ребенок в Кромберри, да и на окружавших городок фермах судачили о неуспокоенной душе, пытавшейся ухватить за горло своего убийцу, стоит ему только сесть в кресло у камина.

От судьи Хоуксли и главного констебля Грейтона ничего не было слышно, и Кэтрин пыталась отвлечься от мыслей о переживаниях этой зимы, прогуливаясь по Кромберри со своим альбомом. Она, наконец, взялась за весенний пейзаж, который хотела подарить отцу, и вид на старый мост над Кромом с причаленной под ним лодкой старого браконьера Плама

показался ей вполне подходящим сюжетом.

Здесь ее и застала в погожий день Бет Вортекс. Кэтрин присела на широкие каменные перила в начале моста и пыталась как можно точнее изобразить, как закручиваются водные струи около двух его опор, позеленевших от времени и плесени.

– Я так и думала, что ты рисуешь этот горбатый мост! – Бетси не одобряла занятий Кэтрин живописью, как будто могла видеть, в каком несимпатичном виде изобразила ее мисс Хаддон пару раз после их особенно резких перепалок. – Даже здесь я чувствую запах нестираной одежды Плама!

– Моему отцу картина понравится, – коротко ответила Кэти, не желая отвлекаться от работы, пока солнце светило так, как ей надо.

– Что ж, он, должно быть, видел кое-что и пострашнее нашего Подрика, – фыркнула Бет. – И все же тебе придется отложить это бесполезное занятие, я должна поговорить с тобой и миссис Дримлейн немедленно! Твоя тетушка отпустила меня в приют, но я не собираюсь идти туда сегодня.

– Что-то произошло? – Кэти живо подняла глаза от бумаги и прищурилась, пытаясь разглядеть лицо стоявшей против солнца Бетси.

– Что-то произошло довольно давно, но мне стало известно об этом лишь вчера, когда я дочитала дневник Алисии Дримлейн!

– О чем ты говоришь? – Кэтрин неловко спрыгнула с парапета, опрокинув в Кром едва ли не половину своих красок, разложенных тут же. – Ты нашла дневник Алисии и никому ничего не сказала?! Осмелилась прочесть его?!

Бет хмыкнула.

– Ты, конечно, сейчас начнешь притворяться благодетельной леди, но на моем месте ты поступила бы так же! Неужели ты отказалась бы от возможности узнать о том, что случилось с Алисией Дримлейн на самом деле?

– На самом деле? – переспросила Кэтрин. – Ты хочешь сказать...

– Да-да, в дневнике содержатся тайны, которые могли бы быть навсегда похоронены с тетушкой Мардж, если бы ее соседка, старая Розамунд, не отдала его мне! В приюте заведено, что вещи умерших стариков достаются их соседям в наследство, если только их можно использовать. Розамунд почти не умеет читать, она сочла дневник книгой, но догадалась, что это не Библия, а потому отдала его мне! – Бет выглядела непривычно взбудораженной, слова лились из нее неровным потоком и наскакивали друг на друга подобно водяным струям, пересекающимся

вокруг опор моста. – Что, по-твоему, я должна была с ним сделать?

– Сжечь! – решительно заявила Кэти, но внутри она не чувствовала этой решимости. Одолело бы ее любопытство, будь она на месте Бет? Хорошо, что не ей пришлось сражаться с этим искушением!

– Я хотела отдать его твоей дражайшей подруге, – заявила Бетси. – А та могла бы прочесть его сама и наверняка нашла бы в нем нелестные отзывы о себе самой!

– Ты хотела огорчить старую даму, которая тебе ничего не сделала? – Кэтрин покачала головой. Так плохо о Бет, как в эту минуту, она до сих пор еще не думала.

– Она погубила свою невестку и живет как ни в чем не бывало! – воскликнула Бетси. – И не заслуживает таких друзей, как твой дядюшка и судья Хоуксли!

– Весь город и все соседи осуждают ее, ты забыла? Она одинока, как никто другой на свете! – Кэтрин едва не плакала от досады на Бет и на себя саму из-за того, что не может победить в этом споре.

– До вчерашнего дня я думала именно так, как только что говорила! – Мисс Вортекс вытащила из нарядной маленькой сумочки сверток, который Кэтрин несколько дней назад уже видела у нее в руках. – Но теперь у меня в руках то, что изменит это впечатление, если только миссис Дримлейн захочет показать этот дневник другим.

– Если это так, чего же мы болтаем здесь, когда уже могли пройти полпути до гостиницы? – Кэтрин кое-как собрала в свою сумку приспособления для рисования, небрежно скатала не просохшую еще акварель, не заботясь о том, что подарок доктору Хаддону, скорее всего, погиб. – Идем скорее!

Глава 17

Через полчаса запыхавшиеся девушки буквально ворвались в комнатку миссис Дримлейн, которая то ли читала газету, то ли дремала на своем маленьком диванчике.

– Что произошло, юные леди? Вам посчастливилось увидеть призрак? – старушка доброжелательно улыбнулась, но явно была удивлена, что девушки явились к ней вместе, они ведь не были подругами и не собирались ими становиться.

– Пожалуй, это можно назвать и так, – отрывисто сказал Бет, пока Кэтрин пыталась отдышаться. – Вот, возьмите это.

Миссис Дримлейн послушно протянула руку за свертком, но отдернула ее, едва только Бет произнесла:

– Это дневник Алисии Дримлейн, вашей первой невестки.

– Что? Как?.. Ты принесла его *мне*? – голос старушки зазвучал скрипуче, как будто у нее пересохло во рту.

– Тетушка Мардж, кормилица Алисии, умерла в приюте четыре дня назад, – мисс Вортекс заговорила с не свойственной ей мягкостью. – Ее соседка забрала то небольшое, что у нее было: старую шаль, вышитую подушечку... А это отдала мне, так как не смогла прочесть, что тут написано.

– Но... зачем ты хочешь отдать мне *ее* дневник? – Старая женщина все еще держала перед собой сжатую ладонь, не замечая этого. – Может быть, его стоило бы отдать моему сыну, но я не думаю, что он будет рад воспоминаниям, которые принесет с собой эта вещь. Лучше всего сжечь его вместе с его секретами.

– Я тоже так думала, но теперь понимаю, что это было бы огромной ошибкой! Дневник хранит ужасные тайны, но, если не вынести их на свет божий, может случиться нечто еще более ужасное! – торжественный тон Бетси встревожил и Кэтрин, и миссис Дримлейн.

– Не хочешь же ты сказать, что прочла его? – недоверчиво переспросила старушка. – Разве можно...

– О, я не собиралась делать это, – Бет перебила прежде, чем миссис Дримлейн сказала что-то нелицеприятное в ее адрес. – Я хотела отдать его вам, чтоб вы сами решили, что с ним сделать. И, признаюсь, чтоб задеть вас, напомнить о вашей жестокости к своей невестке теперь, когда вы так сочувствуете семьям погибших девушек, которые тоже были беременны.

– Навряд ли тебе удалось бы ранить меня сильнее, чем раню я сама, – при желании миссис Дримлейн не уступала Бет в желчности.

– Я не стану просить прощения, – торопливо ответила мисс Вортекс. – Не это сейчас главное. Я принесла этот дневник из богадельни в тот день, когда нашлась миссис Грин. Потом мы с вами и с судьей Хоуксли пили чай, и я сперва забыла о дневнике... А позже, когда вы сказали, что миссис Уорренби была сестрой покойного главного констебля Палметта, я решила прочесть дневник сама.

– Но почему? При чем здесь миссис Уорренби? – Кэтрин не могла промолчать, очень уж странным и волнующим казался ей разговор между Бет и миссис Дримлейн.

– Я подумала, что в дневнике могут быть упоминания о семье Уорренби и других людях, живших по соседству. Что в нем можно найти описания джентльменов, с которыми, как говорили, часто встречалась ваша невестка. И мы сможем догадаться, кто из них соблазнял и убивал тех девушек...

– И что же, ты догадалась? – Сердце Кэтрин замерло, когда она увидела помрачневшее лицо Бет.

Та молча кивнула. Миссис Дримлейн прижала ладонь к груди, чувствуя то же, что и ее юная подруга.

– Ты... скажешь нам? – Кэтрин поерзала на диванчике, страх и нетерпение охватили ее.

Бетси развернула ткань, остаток красивой некогда шали, должно быть, принадлежавшей Алисии. Старая кормилица берегла шаль, но от частого держания ее в скрюченных пальцах толстая ткань изнасилась, расплзлась на нити мало-помалу. Остался лишь небольшой кусочек, в который и был завернут дневник. Кэтрин поняла вдруг, что уже видела этот сверток в руках тетушки Мардж в свой первый визит в богадельню. В ткань была завернута небольшая книга в золотистом сафьяновом переплете, лишь слегка потертом. Дневник выглядел куда лучше остатков ткани, должно быть, тетушка Мардж никогда не открывала его, но берегла, надеясь, что однажды Алисия войдет к ней и заберет свои секреты назад.

– Я думаю, вам лучше прочесть это, – она показала на тонкие полоски бумаги, торчащие из дневника. – Я сделала несколько закладок.

– Даже ради раскрытия преступления я не хочу читать дневник Алисии, – миссис Дримлейн брезгливо поморщилась. – Могу представить себе, как она отзывается обо мне. И как перечисляет мужчин, которым ей удалось вскружить голову... Бедный мой сын...

– Все это есть в дневнике, вы правы. – Бет нетерпеливо протянула

дневник Кэтрин. – Читай тогда ты. Вам необходимо узнать обо всем, а затем показать хотя бы некоторые страницы судье Хоуксли, иначе еще одна девушка окажется в опасности!

– Как могут события пятнадцатилетней давности помочь какой-то девушке? – Миссис Дримлейн с подозрением глядела на Бетси – уж не издевается ли над ней эта сварливая девица? – Кто она?

– Это я.

Кэтрин, смотревшая на обложку дневника в своих руках, вскинула на Бетси удивленный взгляд. Мрачное и напуганное выражение лица мисс Вортекс говорило само за себя.

– Что ж, думаю, придется прочесть, – извиняющимся тоном произнесла Кэти, повернувшись к миссис Дримлейн, и открыла страницу с первой закладкой.

Старушка сложила руки на коленях, сцепив пальцы, и с покорным видом принялась слушать.

«Годфри сперва нравился мне больше своего брата, он более остроумный и не щадит никого, если ему пришла охота поупражняться в остроумии. Но теперь Годфри пугает меня, он по-настоящему злой, и все его жестокие слова – вовсе не шутка, как мы привыкли думать. Он ненавидел своего отца и ненавидит брата за то, что родился вторым. И еще больше ненавидит ребенка, который может родиться у Тео и отнять у него то, что он привык считать своим будущим достоянием. Как жена Тео не боится его? Годфри вполне способен отравить своего племянника или столкнуть ее с лестницы на последних месяцах беременности!»

– Довольно, – прервала чтение Бет. – Дальше идет описание бала и охоты, не стоит тратить на это время.

– Какой же он отвратительный! – Кэтрин поспешно перехватила за кончик другую закладку.

– Мне никогда не нравился Годфри, но я не думала, что он настолько переполнен злобой. – Миссис Дримлейн явно тяжело давалось чтение дневника, но она не пыталась прекратить эту пытку.

– Продолжай, – потребовала Бет.

– Почему бы тебе самой не прочесть дальше? – удивленно спросила Кэти.

– Я уже прочла это и теперь хочу услышать. Может быть, я не так все поняла... – Бетси выглядела сейчас довольно жалко, и Кэтрин послушно вернулась к дневнику.

«Что ж, поделом Ричарду! Ему не стоило так часто оставлять меня одну! Не знаю, смогу ли я радоваться этому ребенку так, как полагается»

любящей матери. Моя вездесущая свекровь сразу почувствует неискренность, она так привыкла подозревать меня, что видит даже больше, чем есть на самом деле, в каждом моем шаге, каждом слове! Мне не нужно пока встречаться с Тео, неосторожный взгляд может выдать нас. Позже я скажу ему о ребенке. Или нет? Что, если он захочет развестись с Делией и жениться на мне, чтобы его наследник носил его имя? Я не хочу такого скандала. Хотя стоило бы сделать это только ради того, чтобы увидеть лицо моей свекрови! Ричард радуется моей беременностью с пылом, которого я и представить себе не могла, а вот старуха смотрит на меня с отвращением, как будто подозревает, что мой ребенок не будет ее внуком!»

Кэтрин сконфуженно замолчала. Миссис Дримлейн тихо ахнула, но не казалась потрясенной, она ведь и прежде подозревала, что отцом ребенка Алисии был не мистер Дримлейн.

– Бедный Ричард, – пробормотала она скорее по привычке, нежели из подлинного чувства.

– Теперь пролистай дальше. – Бетси, кажется, тоже почувствовала себя неловко, но была решительно настроена дойти до конца в этом неприятном для всех чтении.

Кэтрин со вздохом открыла страницу возле третьей закладки. Она не чувствовала в себе любопытства, желания открыть истину. Ей хотелось, чтоб эта неприятная процедура поскорее закончилась, чтобы судья Хоуксли и главный констебль Грейтон поскорее взяли на себя все обязанности по поиску негодяя или негодяев, а их мирок в «Охотниках и свинье» вновь стал простым и приятным. И безопасным. Этого не хватало ей больше всего в последние два месяца – чувства защищенности. Но можно ли его вернуть?..

«Я поссорилась со свекровью, накричала на мою бедную Мардж, а все потому, что я напугана. Так отчаянно напугана! Мое кокетство завело меня в эту чащу, заставило заглянуть в самую бездну, и я не знаю, как выбраться. Годфри... Он просто чудовище! Сегодня он приехал ко мне, пока Ричард и Тео обедали у Райдингов, чтобы излить свою желчь. Он уверен, что я влюблена в него, и если раньше меня это забавляло, сейчас я просто боюсь его разочаровать. И его чувство ко мне, конечно же, нельзя назвать любовью, как бы он ни пытался меня в этом убедить. Такие люди любят только себя, это я знаю наверняка, ведь и я не способна испытывать любовь. Ну, разве что я на свой лад люблю свою старую Мардж. Как Годфри любил свою покойную мать. Она умерла четыре года назад, а он все еще не может успокоиться. Он заговорил о том, какой подарок хотел бы сделать мне на день рождения – бриллиантовую диадему, принадлежащую

его матери. Но, увы, все драгоценности миссис Уорренби забрала жена Тео. Если бы Годфри был женат, они поделили бы украшения, а пока Теобальд просто отдал шкатулку Делии. Годфри был взбешен, он считает, что эта скучная корова не заслуживает ни единой, самой дешевой, вещицы из шкатулки. И теперь он еще больше ненавидит Делию, мне даже жаль ее, бедняжку. Если она вдруг забеременеет, ей несдобровать. Годфри почти открыто признался, что не позволит своему брату занять наследника! Ни в собственном доме, ни где-то еще! Его слова так напугали меня, что я могла только кивать и улыбаться на каждую его фразу. Но это еще не все... выпью капли и продолжу писать в дневнике, мне надо увидеть все это на бумаге, тогда, быть может, я смогу успокоиться...»

Кэтрин сделала паузу. Что-то ужасное ждало ее на следующей странице, и съездившаяся в уголке дивана миссис Дримлейн не заслуживала этого ужаса. Может быть, не продолжать? Отдать дневник судьбе? Но яростный взгляд Бетси требовал от нее продолжать, и Кэти не осмелилась противостоять ему.

«Годфри выпил больше, чем подобает джентльмену в присутствии леди, но я надеялась, что он уедет поскорее, если от виски его начнет клонить в сон. Ничего подобного! Он стал еще больше сетовать на злую судьбу, сделавшую его вторым сыном, и заявил, наконец, что возьмет ее в свои руки, как это сделала его мать. Я не поняла, что он хочет сказать, и спросила. Лучше бы я этого не делала! Тогда мне не пришлось бы узнать эту кошмарную правду о миссис Уорренби!

После ее смерти Годфри занял ее комнаты, как до этого Тео поселился в покоях их отца. Первое время Годфри не хотел ничего переделывать, храня память о матери, и только недавно решил заменить часть мебели и избавиться от старых вещей. В каком потайном ящике нашел он дневник матери, я не поняла. Важно то, что он прочел дневник миссис Уорренби. Так и мой дневник однажды сможет прочесть кто-то, кому он вовсе не был предназначен! Эта мысль завладела мной, и я просидела над дневником не меньше часа, придумывая тайники, один лучше другого. Но так и не смогла придумать ничего надежнее, чем руки моей Мардж. Я буду отдавать ей дневник на хранение каждый день, после того как сделаю очередную запись. Мардж почти не умеет читать, да она и не стала бы совать нос в мои тайны, ей и без того известно почти все. В отличие от горничных, ее верность мне не надо ни покупать, ни захватывать угрозами. Мардж просто любит меня. Любит куда сильнее, чем моя холодная, жестокая мать...»

Кэтрин снова вздохнула. Слова Алисии были ужасными, но за ними ей почудилась печаль. Почему эта женщина стала такой бессердечной? Какие

горести она пережила в родительском доме, до замужества с Ричардом Дримлейном? Что побудило ее флиртовать со всеми знакомыми мужчинами? Скорее всего, ее дневник, точнее, та его часть, что Кэти собиралась прочесть, не даст ответа на все вопросы, но они и не были сейчас самыми важными. Кажется, Алисия подобралась к разгадке какой-то жуткой тайны, связанной с миссис Уорренби, и собеседницы ждали, когда Кэтрин раскроет им эту тайну. Девушка еще раз вздохнула и продолжила читать.

«Так вот, Годфри прочел в дневнике матери то, о чем знал и прежде, – старый мистер Уорренби не пропускал ни одной хорошенькой горожанки, его романы были известны всей округе. Оскорбленные лавочники, чьих дочерей он соблазнял, молчали, получив от него достаточно денег, чтобы дать дочери приданое или открыть еще одну лавку. Но в дневнике было написано и о том, чего Годфри не знал. Его мать опасалась, что кто-нибудь из этих девиц родит ее мужу незаконного ребенка, которого мистер Уорренби признает своим. Ее приводили в ярость его похождения, но еще больше она бесновалась из-за того, что он отбирает деньги у собственных детей, чтобы содержать городских шлюх! А если у него появится сын или дочь, он, должно быть, подарит матери своего ребенка целую ферму или что-то подобное! Боже, боже, какой ужасающей силой духа должна была обладать миссис Уорренби, чтобы совершить то, что она сделала! Если я правильно поняла из бессвязных речей Годфри, его мать заплатила немало денег одному браконьеру, бесчестному человеку, чтобы он избавлялся от беременных пассий ее супруга. Годфри так и сказал: «избавлялся», и я поняла, что он имел в виду убийство этих несчастных глупышек, оказавшихся падкими до денег и подарков мистера Уорренби. С каждым его словом мне становилось все страшнее и страшнее, и я уже только кивала с самым бестолковым видом, как будто не вполне понимала, о чем идет речь. Если он завтра вспомнит о нашем разговоре, мне не миновать беды. Такие секреты уносят с собой в могилу! Господи, помоги мне!»

Голос Кэтрин прервался. В маленькой комнате надолго воцарилась тишина. Каждая из них просматривала записи своей памяти, недавнее чаепитие в обществе судьи Хоуксли и рассказ миссис Дримлейн о таинственных смертях и подозрении дворецкого старого Уорренби. Неужели он догадался, что миссис Уорренби следит за своим мужем и принимает меры, чтоб его однодневные возлюбленные не вырастили еще один плод на их семейном древе? Такое вполне могло быть, если дворецкий видел, как в их дом приходил этот браконьер или миссис Уорренби куда-то уезжала, не взяв с собой слуг...

Или же Пристон просто понял, что погибают девушки, с которыми встречался его хозяин, но не знал, чья злая воля лишает их жизни? Его смелости не хватило, чтобы открыто выступить против миссис Уорренби, зато ей достало присутствия духа, чтобы прилюдно высмеять подозрения старого мистера Райдинга и заручиться поддержкой своего брата, главного констебля!

– Поверить не могу, – дрожащими губами прошептала миссис Дримлейн. – Она была тогда такой молодой! Двое маленьких детей, большой дом, столько забот... А она находила время, чтоб следить за мужем и вынашивать планы убийств!

– Как это страшно, – согласилась Кэтрин, пытаясь хоть как-то вообразить себе, что испытывала эта женщина, творя такие злодеяния. Ненависть к мужу? Любовь к детям? Стремление во что бы то ни стало уберечь их состояние? Коварные, злые мысли посещают порой каждого, но что нужно почувствовать, чтобы перейти от мыслей к их осуществлению?

– Что ж, теперь мы, кажется, знаем, кто повинен в тех смертях, – миссис Дримлейн говорила с трудом, и Кэтрин подумала, не придется ли позвать к ней доктора Макферсона. Кто знает, как повлияют на здоровье старушки откровения ее покойной невестки?

– В такое невозможно поверить, – пробормотала Кэти. – Но разве можем мы показать этот дневник судье Хоуксли и мистеру Грейтону?

– Почему же не можем? – тут же возразила ей Бет. – Разве они поверят нам, если мы им просто расскажем о прочитанном? Ты сама только что сказала, верить в это невозможно. Убийцей оказался не безумец и не джентльмен, отказывающийся жениться на девушке не своего круга, а молодая очаровательная леди!

– Потому, что эта леди уже почти двадцать лет, как мертва! – воскликнула Кэтрин, не понимая, как Бет может быть такой черствой и недогадливой. – Ее уже не смогут наказать за те преступления, но ее сыновья могут пострадать из-за этой истории. На них будут смотреть как на отпрысков чудовища какой-нибудь гидры!

– Они и есть чудовища, по крайней мере один из них! Разве ты еще не поняла? – Бетси резко отодвинула свой стул и заходила по комнатке, едва не натыкаясь на мебель.

Кэтрин непонимающе заморгала, а миссис Дримлейн прижала ладони к щекам, ставшим разом желтовато-бледными.

– Боже, боже, – прошептала она. – Я поняла. Мисс Грин и мисс Морвейн убил один и тот же человек, и человек этот – Годфри Уорренби.

Бетси остановилась напротив старушки и несколько раз энергично

кивнула. Кэтрин задрожала, не в силах контролировать свой страх. Она попыталась что-то сказать, но перед ее глазами надежно разместилась картина: два всадника медленно проезжают мимо окна, в которое она зачарованно смотрит на улицу. Они так похожи...

– Вы думаете, что мистер Теобальд тайком встречался с мисс Грин, а затем с Дженни? – Кэти даже затрясла головой, отгоняя видение.

– Я в этом уверена. И обе они ждали детей, его долгожданных детей! – Миссис Дримлейн посмотрела на Бет. – А какое отношение к этой истории имеете вы, мисс Вортекс?

Бетси отвела взгляд и тихо села на свой стул. Кэтрин на этот раз догадалась вовремя.

– Ты... тоже ждешь ребенка от мистера Уорренби? – Она не узнала свой собственный голос, да она отца родного не узнала бы сейчас, потрясенная тем, что ей открылось в последние минуты.

– Ох, нет, но... мы встречаемся с Теобальдом, уже два месяца. – Кто бы мог подумать, что Бетси умеет краснеть!

– Ты... влюблена в него? – Кэтрин едва сумела выговорить это слово, настолько неподходящим на роль чьего бы то ни было возлюбленного казался ей Теобальд Уорренби.

– Не будь же ты, наконец, такой глупой! – с досадой ответила Бет. – Конечно, я его не люблю! Но я устала жить так, как жила последние семь лет! Прятать от отца последнюю шаль, лишь бы он не продал ее старьевщику! Постоянно чувствовать себя голодной, чтоб хотя бы выглядеть прилично!

На худых щеках Бетси появились слезы, и она опустила голову.

– Полагаю, вы заключили сделку, выгодную для вас обоих, – хладнокровно заметила миссис Дримлейн, в ее тоне не было осуждения, да и изумления тоже почти не было. – Вы родите ему ребенка, наследника, которого он, должно быть, признает своим или каким-то обманом выдаст за сына своей супруги, например, по возвращении из долгого путешествия. А он обеспечивает вам комфортную жизнь, не так ли?

Бетси молча кивнула, вернее, еще ниже наклонила голову. Кэтрин молчала, не зная, что сказать. Любое ее замечание Бет, похоже, восприняла бы с раздражением. А мудрость и опыт миссис Дримлейн помогли ей подбирать нужные слова без особого труда.

– Теобальд говорил вам о других девушках? Он обещал каждой из них то же самое? – старая дама решительно была настроена продолжать бестактные расспросы: оттягивать выяснение всей правды, тратить время на намеки и благопристойные замечания они не могли себе позволить.

– Я... не спрашивала. – Мисс Вортекс достала платок, вытерла лицо и, наконец, взглянула в глаза миссис Дримлейн. – Сперва я была слишком озабочена собственными переживаниями, не очень-то приятно чувствовать себя падшей женщиной! Если бы не угроза миссис Лофтли уволить меня, я никогда бы не пошла на это! Позже я, конечно, подумала о том, что Уорренби, в его-то годы, делает не первую попытку обзавестись наследником. И о том, что раньше он, должно быть, выбирал более молодых и красивых девушек...

– А от этой мысли вы не могли не перейти к историям мисс Морвейн и мисс Грин, – закончила за нее миссис Дримлейн. – Почему же вы молчали все эти долгие недели, пока мы подозревали мистера Тауба, пока судья Хоуксли так и этак пытался вытянуть из каждого крупницы того, что нам может быть известно?

– Как я могла признаться в этом судье? Или кому-то еще? Весь город тотчас узнал бы о моем падении! Репутацию моей семьи погубил отец, но я еще могла прибавить несколько футов к глубине той бездны, куда нас погрузило его пьянство!

– Вы могли не говорить о себе, – строго возразила миссис Дримлейн, не склонная, к удивлению Кэти, выражать сочувствие тягостному положению Бет. – Достаточно было намекнуть, что Теобальд Уорренби встречался тайно с девушками из города с определенной целью – заполучить наследника, и Хоуксли и Грейтон нашли бы доказательства, нашли тех, кто видел обоих братьев возле школы и у магазина миссис Грин, нашли бы что-то еще...

– Даже после того, как они обо всем узнают, я не верю, что им удастся доказать вину Годфри! – запальчиво воскликнула Бет. – Он – настоящий дьявол, вы же только что могли убедиться в этом, слушая отрывки из дневника вашей невестки!

– О, здесь есть еще одна закладка! – возникшую паузу поторопилась заполнить Кэти, боявшаяся, что миссис Дримлейн и Бетси наговорят друг другу слишком много резкостей, что сделает их дальнейшую беседу невозможной.

– Я совсем забыла... – пробормотала мисс Вортекс. – Ты ведь не дочитала самое ужасное!

– Разве там есть что-то ужаснее того, что мы уже знаем? – Миссис Дримлейн ссутулилась, предчувствуя горечь нового открытия.

– Надо ли нам читать это? – Кэтрин жалела старушку, жалела Бет и не знала, как ей утешить обеих, слишком сложно все это было для ее семнадцатилетнего разума и незащищенного сердца. – Ведь мы знаем

теперь, что преступник – мистер Годфри Уорренби, а мистер Тауб, хоть и вел себя необычно, не убивал бедных девушек!

– Увы, дорогая, мы можем быть уверены в чем угодно, но этого будет недостаточно ни для Грейтона, ни для присяжных. Хоуксли, конечно, поверит нам, он из этих мест и помнит старую миссис Уорренби, а главный констебль Грейтон приехал в Кромберри лишь десять лет назад и не примет всерьез старые сплетни, как он назовет откровения Алисии. Полагаю, сперва нам нужно дочитать то, что отметила мисс Вортекс, а после пригласить сюда Хоуксли и решить, что мы ему скажем, а о чем умолчим. Нынешний роман Тео, я полагаю, не должен быть интересен судье.

Бетси с удивлением и благодарностью посмотрела на старую леди. Она не ожидала, что миссис Дримлейн постарается помочь ей сохранить лицо. Кэтрин подумала, что чем раньше все это закончится, тем быстрее она сможет начать спать спокойно, и послушно открыла дневник на последней закладке.

«Я решила признаться Тео, что он – отец моего будущего ребенка. Последние недели я только и думала, как мне следует поступить, и поняла, что лучше всего открыть ему правду. Я еще слишком молода, чтобы заниматься детьми, я не хочу ребенка и не стану любить его! Когда-нибудь позже, если Ричард перестанет восхищаться мной, я смогу привязать его к себе наследником. А пока же лучше скрывать беременность до тех пор, пока это будет возможно, Мардж поможет мне с платьями и остальным. После я смогу уехать на курорт или куда-нибудь еще, где избавлюсь от этого бремени. Скажу Ричарду и его матери, что дитя родилось раньше времени и не прожило и одного дня. Пусть Тео забирает ребенка себе и делает с ним что угодно. Он может даже выдать его за сына Делии, если они правильно разыграют эту карту. Сказать это ему в лицо я не смогла, меня смешит и раздражает это его навязчивое стремление иметь детей. Вчера я отправила ему письмо, в котором сообщила радостную новость. Пусть первые восторги улягутся, я не хочу смотреть, как он бежит по комнате, опрокидывая мебель, или напивается до бесчувствия – а как еще мужчины умеют выражать свою радость? Ричард поступил именно так и разбил при этом мою любимую зеленую вазу!

Сегодня лакей принес мне ответ, в котором Тео предлагает вечером встретиться в нашем уголке, и мне придется снова подняться на башню, чтобы сказать ему, что я делаю это в последний раз. Зная то, что мне известно теперь о Годфри, я должна тщательно скрывать свою тайну. Иначе, боюсь, последствия моего легкомыслия будут ужасны. Нужно убедить Тео сохранять благоразумие, как бы он не выдал свою радость

неосторожным словом или нелепым поступком. Этот лакей, передавший записку, смотрел на меня с какой-то усмешкой. Как будто догадывается о чем-то. Слуги везде суют свой нос, и мне противно думать, что приходится использовать их для переписки и других дел, требующих секретности. У меня есть верная Мардж, а Тео совершенно не умеет располагать к себе прислугу! Итак, вечером я положу конец нашему роману и потребую у Теобальда что-нибудь на память о наших встречах. В конце концов, я подарю ему долгожданное счастье! Полагаю, диадема его матери вполне подойдет. Я не смогу носить ее при Делии, но какая это будет шутка над Годфри!»

Кэтрин замолчала.

– Ах, глупая, глупая и самонадеянная Алисия! – Миссис Дримлейн прижимала ладони к щекам, по которым из-под очков стекали слезы. – Боже мой, она ведь знала о том, на что может пойти Годфри, и пренебрегла опасностью! Подумать только, все эти годы мы считали, что она покончила с собой!

– Разве теперь вы думаете иначе? – Кэтрин непонимающе уставилась на Бетси. – Ты поняла, что это означает?

– Они встречались наверху башни! Башни, с которой, как знает весь Кромберри, упала Алисия! – Бет с непривычной жалостью посмотрела на старушку, потом снова обернулась к Кэтрин. – Я прочитала этот отрывок трижды и всякий раз приходила к одному и тому же выводу: Алисия не сама упала с башни, ее столкнули!

– Но зачем мистеру Уорренби делать это? Она собиралась рассказать ему о ребенке, исполнить его мечту! – Кэти все еще не понимала, какая-то другая беспокойная мысль не позволяла ей сосредоточиться.

– О, господи! – Бетси вытащила из сумочки, лежащей у нее на коленях, еще один платок и протянула его миссис Дримлейн. – Скажите ей, поняли ли вы то, что открылось мне меж этих строк?

– Ее столкнули. – Миссис Дримлейн вытерла сперва лицо, затем очки, водрузила их на нос и только после этого заговорила, слабо и прерывисто: – Мисс Вортекс права. Но сделал это не Теобальд, а Годфри!

– Годфри? – Кэтрин уже чувствовала, что так оно и есть, но все еще не могла толком понять то, что ей говорили.

– Я совершенно точно знаю, что Теобальд накануне этого дня уехал к дядюшке, этому самому Пламмету. К тому времени он состарился и, чувствуя приближение смерти, собирался составить новое завещание или как-то изменить старое, я уже плохо помню. Тео заночевал у дядюшки вместе со стряпчим и прислал лакея к моему сыну с просьбой приехать на

обед. Ричард поехал к старику на следующий день, Теобальд просил его посмотреть книги управляющего, какие-то расходы показались ему сомнительными.

– Выходит, записку, адресованную Теобальду, получил не он, а Годфри! – подхватила Бет, когда старая дама замолчала, чтобы несколько раз глубоко вздохнуть, силясь успокоиться. – Если бы Теобальд знал о том, что ребенок Алисии – его, разве он оставил бы эту историю без внимания?

– Вы правы, Теобальд так никогда и не узнал правду, – согласилась миссис Дримлейн. – Нам казалось, что оба брата Уорренби горюют об Алисии, но, как видно, искренне огорчен был только один из них. Должно быть, Годфри подкупил прислугу и читал все письма, адресованные брату... И это его лакей прислал Алисии ответ, в котором Годфри заманил бедняжку на башню, чтобы разделаться с ней! О, почему она доверила эту тайну бумаге? Проявить такое легкомыслие в важнейшем вопросе! Все могло бы быть иначе...

– Вот именно! О, миссис Дримлейн! – Кэти, наконец, ухватила волнующую ее мысль и поторопилась высказать: – Ведь это означает, что вы невиновны в смерти вашей невестки! Вам не в чем себя упрекнуть! Алисия не собиралась умирать, а ваша ссора была только предлогом уйти из дома и отправиться на свидание!

– Со своей смертью, – тихо пробормотала Бет и добавила громче: – Кэтрин права, теперь вы можете вернуть себе доброе имя, примириться с сыном и начать жизнь заново!

Миссис Дримлейн онемела. Слезы стекали по ее лицу, но она лишь комкала в ладонях платок, не вытирая их. Не выдержав, Кэтрин придвинулась ближе и сжала своими руками холодные мокрые пальцы.

– Во всем этом ужасе отыскалось и чудо! Миссис Дримлейн, Бет права, вы не сделали ничего дурного, вы не погубили ничьей жизни! Во всем виноват Годфри Уорренби! Когда ваш сын прочтет эти строки, он простит вас, и вы сможете вернуться домой!

– Боюсь, мне уже поздновато начинать новую жизнь, – сквозь всхлипывания отозвалась миссис Дримлейн. – Один раз сердце моего сына уже было разбито из-за Алисии, надо ли разбивать его снова?

– Надо, о, конечно, необходимо открыть правду если не всему Кромберри, то хотя бы вашему сыну! – Бетси взмахнула руками, словно пытаясь охватить весь городок, на протяжении пятнадцати лет осуждавший невинную женщину. – Какой бы ни была Алисия, ее память заслуживает того, чтоб ее перестали считать самоубийцей!

– Это и в самом деле важно! – подхватила Кэтрин. – Ваша невестка не

умерла по своей воле и не убила своего нерожденного ребенка, они оба стали жертвой безумного убийцы!

– Ты думаешь, Годфри безумен? – Бет повернулась к ней, пока миссис Дримлейн качала головой из стороны в сторону, уйдя глубоко в собственные мысли и воспоминания.

– Разве любой убийца не безумен? – Кэтрин пожала плечами, удивляясь, как можно даже думать иначе. – Хотя бы отчасти. Годфри Уорренби помешан на своем наследстве, вероятно, его мать любила его больше и постоянно напоминала, что он – всего лишь младший брат и получит лишь какие-то крохи после смерти отца. Миссис Уорренби передала младшему сыну свою одержимость, так мне кажется. Мы ведь почти забыли о том, что сделала она, сколько зла принесла!

– Ты права, – медленно протянула Бет. – Должно быть, ее воспитание искалечило его разум. Да и Теобальд, как мне теперь кажется, чересчур озабочен наследником. Его стремление иметь детей походит на одержимость. Да и их отец, как мы узнали, не отличался достойным поведением...

– В самом деле! Он мог бы усыновить ребенка из приюта и воспитать его как своего сына. Или стать опекуном какого-нибудь племянника, дальнего родственника...

– Я спрашивала его, почему он до сих пор этого не сделал, но Тео мечтает только о собственном ребенке, о своей плоти и крови. Как хорошо я понимаю, что чувствовала Алисия в тот день, когда Годфри напился и излил на нее свои чудовищные откровения! – Бет сжала ладонями локти, стараясь унять дрожь.

– Если Годфри узнает, что у тебя роман с его братом, он попытается убить и тебя? – Кэтрин уже казалось, что сегодняшние жуткие открытия никогда не закончатся!

– Именно об этом я и думаю, день и ночь, – тихо проговорила мисс Вортекс. – Последние две ночи я провела в приюте, на кровати тетушки Мардж, я просто боялась возвращаться домой вечером.

– Надеюсь, ты не писала Теобальду писем или записок, которые мог перехватить Годфри? – Миссис Дримлейн если и не вполне пришла в себя, то явно вернула свое здравомыслие.

По тому, какая тень пробежала по лицу Бетси, обе ее собеседницы поняли, что предупреждение запоздало.

– Он снял небольшой домик неподалеку от приюта, там мы встречались, и если бы кто-нибудь увидел меня, не был бы удивлен, ведь я постоянно навещаю стариков, – кажется, Бет начала рассказывать то, что

собиралась сперва скрыть, чтоб только отвлечься от своих страхов. – Но ни мне, ни Теобальду не удастся сразу же запланировать следующее... свидание. Ему нужны предлоги, чтоб уехать из дома, а я бываю занята в гостинице и в приюте, пытаюсь поддерживать порядок дома и готовлю еду отцу. Поэтому мы договорились о переписке. Я отношу на почту записки от имени экономки из приюта, братья Уорренби являются одними из попечителей, так что эти письма никого не удивляют. А Теобальд присылает слугу, когда нужно сообщить мне что-то, и тот просовывает письмо под калитку снятого домика.

– Слуга, должно быть, подкуплен Годфри, – почти спокойно заметила миссис Дримлейн. – Думаю, пока ты не беременна, тебе не грозит серьезная опасность. Но все же ты должна быть осторожной!

– Я больше не собираюсь встречаться с Тео! – воскликнула Бет. – Я так жалею, что связалась с представителем этой семьи, что поддалась соблазну!

– Полно, дорогая, не время для сожалений, – возразила почтенная дама. – Пока Годфри не понесет наказание за свои преступления, ты не должна думать ни о чем другом, кроме собственной безопасности. Напиши Теобальду письмо, в котором сообщаем, что намерена прервать ваш роман. Если Годфри прочитает письмо, он успокоится. Если письмо дойдет до адресата, Годфри все равно заметит, что Теобальд не ездит в тот домик, он ведь наверняка следит за братом и его похождениями!

– Я так и сделаю! – Бет, кажется, вздохнула чуть свободнее.

– А теперь, прошу вас, оставьте меня на некоторое время одну, – попросила старушка. – Мне надо подумать, успокоиться хотя бы немного и решить, что я скажу своему сыну. Я напишу записку судье Хоуксли, пусть придет и поужинает со мной сегодня же вечером. А вам обоим лучше не выходить на улицу, посидите в холле или в комнате Кэтрин. Когда наступит нужный момент, я позову вас.

Девушки согласились, что именно так и надлежит поступить. Обе жалели миссис Дримлейн и беспокоились, как ее сердце вынесет эти новые тревоги, пусть даже они в итоге должны принести ей облегчение. Кэти горячо сочувствовала и Бет, но еще не знала, как воспринимать известие о ее романе, не связанном с искренней любовью. Она боялась, что будет испытывать неловкость в разговорах с мисс Вортекс, и не хотела, чтобы Бет думала, будто Кэтрин ее презирает.

Словом, подумать хорошенько предстояло всем трим.

Глава 18

Спустя три дня главный констебль Грейтон стоял, опираясь о каминную полку, в «Зале фей». В креслах перед ним разместились судья Хоуксли и миссис Дримлейн, на стульях чинно сидели мисс Хаддон и мисс Вортекс.

Грейтон говорил с горячностью, то и дело резко взмахивая сжатым кулаком правой руки.

– Мне жаль разочаровывать вас, милые дамы, но я полностью согласен с моим другом Хоуксли. Вы посрамили моих констеблей, нашли убийцу, да не одного, а целых двух, пусть один из них, вернее, одна, уже не находится на этом свете. И все же для адвоката Годфри Уорренби история с дневником миссис Алисии Дримлейн будет лишь детской загадкой. Он с легкостью убедит присяжных, что дневник – подделка или домыслы сумасшедшей, покончившей с собой на почве своих фантазий. Конечно, обнаружение дневника испортит репутацию всей семьи Уорренби, от Годфри и Теобальда отвернутся знакомые, но семья Блантвиллов уже пережила нечто подобное, и непохоже, чтобы они сильно из-за этого огорчились. Им достаточно продать поместье и переехать в новые места, где вся эта история будет казаться лишь сплетней, домыслами завистников.

– Но что же, что же делать? – миссис Дримлейн подалась вперед, ее глаза блестели от слез досады.

Точно так же она три дня назад расспрашивала судью Хоуксли. Прочтение отрывков из дневника и формулирование правильных догадок заняло у Хоуксли куда меньше времени, чем у трех дам, он ведь не делал паузы на проливание слез и изумленные вскрики. Хотя и был потрясен не меньше остальных.

После того как мисс Вортекс, приняв решение не щадить себя ради поимки убийцы, рассказала Хоуксли о своем романе с Теобальдом, судья некоторое время раздумывал, а потом сказал то, что сейчас повторял Грейтон. Арестовать Годфри, имея на руках лишь дневник Алисии, никак невозможно. Грейтон не посмотрел бы ни на богатство, ни на положение семейства Уорренби, братьев никто в округе не любил, но у него не было решительно никаких оснований.

– Нельзя допустить, чтобы он остался безнаказанным! – горячилась миссис Дримлейн, а обе девушки согласно кивали. – Иначе ничего не изменится! Теобальд продолжит заводить романы, а его брат – убивать

несчастных девушек! Если бы только Тео сам догадался о том, что произошло с мисс Грин и мисс Морвейн!

– А вот это идея, заслуживающая внимания! – оживился Грейтон. – Мы могли бы сообщить всю правду Теобальду...

– И надеяться, что он своей рукой совершит правосудие и убьет Годфри? – Судья Хоуксли безнадежно развел руками. – Это не то, на что должны рассчитывать полиция и суд!

– Я думаю, что можно попросить Тео рассказать брату о некой девушке, ожидающей ребенка Теобальда. Вполне естественно, что подобная новость приведет его в прекрасное расположение духа, что у будущего отца возникнет желание поделиться счастливым известием с младшим братом! – пояснил Грейтон.

– И что потом? – Хоуксли немного оживился, вполне удобно чувствуя себя в кресле, заменившем то, в котором нашла свою гибель Дженни Морвейн.

– Я поставлю своих полицейских следить за Годфри Уорренби днем и ночью, а также за его камердинером и другими слугами, которых Теобальд сможет назвать заслуживающими доверия Годфри. Рано или поздно он сделает попытку уничтожить угрозу его планам, и мы схватим его с поличным!

– Но у вас должна быть девушка, которая сыграет роль приманки! – заметила миссис Дримлейн. – Или это будет переодетый констебль?

Никто не улыбнулся. Старая дама была права, судья и главный констебль, увлеченные охотой и рыбалкой, прекрасно понимали, что для удачи их замысла нужна наживка.

– Такая девушка есть!

Внезапно прозвучавшие слова Бет заставили всех четверых посмотреть на нее. Она же смотрела на Грейтона.

– Я уже замешана в этой истории, мои записки к Теобальду мог прочесть его брат, так что моя жизнь уже под угрозой, – ее голос был неровным от волнения, но вполне решительным. – Будет странно, если у Теобальда вдруг появится еще одна возлюбленная, в конце концов, он не так красив, как мистер Блантвилл, и не так молод, как его сын.

– Вы осознаете всю опасность вашего предложения? – без промедления спросил Грейтон. – Весь огромный риск, которому вы подвергнете свою жизнь, если убийце каким-то образом удастся ускользнуть от слежки или нанять человека, за которым и вовсе никто не будет следить? Я, разумеется, буду тщательно охранять вас, даже сам, если понадобится, но все же, все же... Всегда случается нечто непредвиденное, способное разрушить любой

идеальный план!

По тому, с каким чувством главный констебль произнес эту речь, Кэтрин поняла, насколько Грейтон на самом деле был бы рад, если бы Бетси согласилась. Случайно ли он заговорил о подставной жертве? Не ожидал ли, что все закончится именно так?

Миссис Дримлейн, похоже, подозревала то же самое. Ее взгляд, обращенный к Грейтону, стал суровым:

– Вы не должны принимать самопожертвование этой девушки! Благодарности – всего лишь слова, когда речь идет о жизни!

– Я вполне отдаю себе отчет в том, какую ответственность собираюсь взять на себя! – огрызнулся Грейтон. – Если бы у меня был какой-то другой выход, я, разумеется, использовал его!

– Не стоит спорить из-за меня, – с обычной резкостью вмешалась в эту перепалку Бет. – Вряд ли я буду бояться сильнее, чем боюсь теперь. И я сделаю все что угодно, чтобы избавиться от этого страха и избавить от него других девушек, даже если они о нем не подозревают!

– Вы очень благородны, мисс Вортекс, – судья Хоуксли сидя поклонился Бетси. – Уверен, вами двигает не только желание избавиться от своих страхов и зажить спокойной, безопасной жизнью, но и чувство справедливости, голос совести, требующий наказать убийцу!

Бет покраснела от этой похвалы и не стала ни спорить, ни опровергать слова судьи.

– Что ж, давайте продумаем наш план, – подвел итог переговоров главный констебль Грейтон. – На то, чтобы подготовить моих констеблей, уйдет день или два, после этого я поговорю с Теобальдом.

– Я не думаю, что он сможет достоверно изобразить радость, когда будет знать, что смотрит в глаза убийцы своих возлюбленных и неродившихся детей. Подумайте только, что ему пришлось пережить, когда он узнал о смерти сперва мисс Грин, а через несколько месяцев – мисс Морвейн! – возразила миссис Дримлейн. – А сколько было таких девушек до него?

– Теобальду следовало бы не менять любовниц так часто! – рассердился Грейтон. – Если его брат и прежде убивал девушек, с которыми он встречался, ему следовало бы давно догадаться, кто является причиной его несчастий!

– Не удивлюсь, если он догадывался, – упрямо возразила почтенная леди. – Может быть, он не хотел скандала и предпочитал заводить новые романы, надеясь скрывать их от брата, нежели погубить всю свою семью, разоблачив преступника.

– В благородных семействах случаются порой ужасные вещи, тщательно скрытые за нарядными дверьми особняков, – поддержал ее судья. – Но что вы предлагаете делать, как поступить?

– Мы уже обсуждали это с моими юными подругами. Мисс Вортекс может написать Тео о том, что ждет ребенка, и назначить свидание в домике, где они встречаются. Мы подозреваем, что Годфри удастся читать письма, предназначенные брату. Он, без сомнения, подкупил слуг Теобальда и не оставляет без внимания ни единого шага, сделанного Тео.

– Я понял вас, – главный констбель Грейтон тут же загорелся новой идеей, да и Хоукли встретил ее благосклонно.

– В самом деле, поступить так, как вы советуете, будет весьма разумным. Годфри ничего не заподозрит, если его брат будет вести себя как обычно. Остается только обеспечить засаду в домике мисс Вортекс и не спускать с нее глаз во всех других местах – что, если преступник захочет настигнуть ее где-то еще, там, где ему покажется более удобным и безопасным?

Слова судьи нашли одобрение у Грейтона, и оба джентльмена откланялись, чтобы все продумать без леди, которые, хоть и оказали расследованию неоценимую никакими мерками помощь, все же могли помешать благородным мужам творить историю.

Эту и последующие две ночи Бет провела в комнате Кэтрин. Девушки спали на одной кровати, тщательно заперев окна и дверь, а миссис Дримлейн под предлогом своей бессонницы то и дело прогуливалась по коридору, имея при себе колокольчик, чтобы позвонить в случае чего. Мистеру и миссис Лофтли пришлось сказать, что мисс Вортекс скрывается от кредиторов своего отца, и добрые супруги были рады приютить бедняжку. В проулке напротив «Охотников и свиньи» и на заднем дворе дежурили констебли, за подъездной аллеей и садовой тропинкой в поместье Уорренби также следили полицейские.

Грейтон попросил выделить ему людей в соседних городках графства и, после некоторых колебаний, сообщил о своем плане в Лондон. Ему не хотелось отдавать лавры столичному начальству или, хуже того, быть осмеянным, если окажется, что все предположения, сделанные старухой и двумя девицами, окажутся ошибочными. Но Грейтон не был глуп и самонадеян и хорошо понимал, когда следует действовать самому, а когда незазорно просить помощи.

К его тайной радости, из Лондона не прислали соглядатая, лишь некоторые более или менее полезные инструкции и требование держать весь план в секрете, чтобы не скандализировать приличное общество. Этим

требованиям главный констебль Грейтон охотно готов был следовать.

Наконец, по его мнению, все было готово. Бет и Кэтрин одинаково побледнели от нетерпения, того и гляди, круглые щечки мисс Хаддон станут такими же острыми, как у мисс Вортекс, грустно пошутила миссис Дримлейн утром решающего дня.

Бетси в сопровождении Кэтрин тайком прошмыгнула в домик, снятый Теобальдом, и нашла там две записки с предложением устроить свидание не позднее начала будущей недели – супруга Теобальда как раз уехала на несколько дней навестить кузину.

Бет краснела, читая в присутствии Кэти эти записки, и Кэтрин чувствовала себя неловко, но совместные переживания и планы сблизили девушек. А Кэти к тому же сильно повзрослела за прошедшие месяцы и, пусть и не по своей воле, становилась все менее легкомысленной, что обрадовало бы ее мать и озадачило бы отца.

В крошечной комнатке, где были, однако, удобные и красивые кресла и столик, Бетси написала письмо Теобальду Уорренби, в котором в своей обычной резковатой манере сообщала, что предмет их сделки появится на свет примерно через восемь месяцев. Обсудить все подробности, имеющиеся на текущий момент, Бет предлагала во время встречи в этом милом домике. В любой подходящий для этого вечер, она будет ждать каждый день!

Девушки вместе отнесли письмо на почту и благополучно вернулись в «Охотников и свинью», где весь вечер рассуждали о том, как вести себя Бет, если сперва к ней явится восторженный Теобальд Уорренби.

Миссис Лофтли уже не раз ворчала на обеих помощниц, проводивших, по ее мнению, слишком много времени за разговорами между собой и с миссис Дримлейн. Даже визиты судьи Хоуксли и главного констебля Грейтона не оправдывали безделья теперь, когда с наступлением весны количество постояльцев в «Охотниках и свинье» хоть немного, но все же увеличилось. И кое-кто из них желал пощекотать свои крепкие нервы, повстречав привидение мисс Морвейн. В «Зале фей» теперь пила чай не только миссис Дримлейн.

На следующий вечер, по мнению Грейтона, кто-либо из братьев Уорренби уже должен был прочесть письмо мисс Вортекс.

Бет направилась в свое гнездышко ожидать любовника или убийцу, один из полицейских спрятался в чулане, другой затаился в крошечном дровяном сарае, а третий занял место у чердачного окна, чтобы сверху увидеть появление гостей.

Кэтрин весь вечер не находила себе места, да и ночью не смогла

заснуть, как и миссис Дримлейн. Во всем городе лишь они двое, кроме полицейских и судьи Хоуксли, знали о том, какое томительное, опасное ожидание скрывается за высоким забором домика, расположенного рядом с богадельней.

Наутро Бет появилась в обычное время, чтобы занять место за конторкой. Она тоже не выспалась и выглядела бледнее и напряженнее, чем обычно. В середине дня, когда миссис Лофтли ушла на чаепитие к сестре викария, куда ее, к ее радости, снова стали приглашать, а мистер Лофтли сам пошел вздремнуть, Кэтрин отпустила Бет немного поспать в своей комнате.

Сама она засыпала прямо за конторкой, рука с карандашом бесцельно скользила по бумаге, рождая на желтоватых листах непонятные завитушки и странные узоры.

Стук входной двери заставил Кэти вздрогнуть и кое-как выпрямиться. Увидев мужскую фигуру, затененную светившим ему в спину солнцем, Кэтрин едва не вскрикнула – ей показалось, что в гостиницу вошел Годфри Уорренби. Она испытала такое облегчение, что несколько мгновений невежливо гладела на мистера Джона Харта, стоявшего перед ней с встревоженным видом.

– Мисс... Хаддон! – он как будто с трудом вспомнил ее имя. – Я хотел бы повидать мисс Вортекс.

Ужас заставил Кэтрин оцепенеть, она даже не могла сглотнуть. Что, если они ошиблись? Во всем? Мог ли Джон Харт быть убийцей? Может быть, он не хотел, чтобы Дик женился на мисс Грин, ждавшей чужого ребенка, и убил ее? Бетси несколько раз яростно защищала Дика Харта от нападок и обвинений, могло ли быть так, что она влюблена в Дика, несмотря на свои свидания с Теобальдом Уорренби? И Джон Харт, узнав о том, что история повторяется, замыслил наказать и Бет?

Все эти мысли в невероятной пляске проносились в голове Кэтрин, пока она молча смотрела на Джона Харта.

– Мисс Хаддон, почему вы не отвечаете? С мисс Вортекс все благополучно? Я справлялся о ней, в последние дни ее не видели ни дома, ни в богадельне. Она не больна? – вечно усталое, нахмуренное лицо Джона Харта выглядело встревоженным, он склонился к Бет, перегнувшись через конторку. – Скажите же мне, ну!

Этот окрик, подобающий возчикам в общении со своими лошадьми, привел Кэтрин в чувство, хотя бы настолько, чтоб она смогла ответить.

– Мисс Вортекс ухаживает за одной нашей гостьей, миссис Дримлейн, – от испуга она забыла, о чем они уговорились с Грейтоном и

Хоуксли, и сказала первое, что ей пришло в голову. – Сейчас она наверху и не может отлучиться.

Кэти подумала, что, если Харт направится к лестнице, она завизжит так, что ее услышит полицейский на заднем дворе и спящий в своем кабинете дядюшка, но такие меры не потребовались.

Тревога исчезла, Джон Харт провел рукой по плохо постриженным волосам.

– Что ж, мисс, вы успокоили меня... Надеюсь, сама мисс Вортекс в полном здравии?

– Да, мистер Харт. С ней все благополучно. – А уж как его слова успокоили Кэтрин! – Я передам ей, что вы справлялись о ее здоровье, это очень любезно с вашей стороны.

Харт усмехнулся, он не привык к таким выражениям, и коротко кивнул:

– Благодарю вас, мисс Хаддон. Я надеюсь, вашей гостье скоро станет лучше.

Кэтрин с готовностью закивала и, кажется, продолжала кивать, когда за Джоном Хартом уже захлопнулась дверь.

«Что же это было? – думала Кэти позже, когда уже совсем успокоилась. – Приходил ли он по просьбе брата? Непохоже, тогда он сам не выглядел бы таким обеспокоенным. Неужели ему нравится Бет? Такое вполне возможно... Она была бы красивой, если бы лучше питалась и не хмурилась так часто».

Когда мисс Вортекс спустилась вниз, Кэтрин сообщила ей о визитере. По тому, как вспыхнули щеки Бет, стало ясно – ее доброе отношение к Дику Харту обусловлено лишь ее чувством к его старшему брату. Вот только каково оно, это чувство? Почему Бет не обратилась к Харту за помощью, предпочтя позор тайной связи? А он? Влюблен, но не настолько, чтобы сделать ей предложение? Или же страдает от того, что и на его семье лежит пятно позора, отвратительного подозрения?

Ох, если Годфри будет обвинен в убийстве мисс Грин, еще одна семья вернет себе доброе имя и сможет дышать свободно! Кэтрин посочувствовала и Бет, и обоим Хартам, но сделала вид, что не заметила волнения мисс Вортекс. Они сблизилась, но не стали подругами, и излишняя откровенность приведет только к очередным неловким моментам.

– Когда-то мой отец помог мистеру Харту с делами, и теперь он беспокоится о нас, хоть ничем и не может помочь, – Бет неуклюже попыталась объяснить Кэтрин этот визит, но мисс Хаддон лишь кивнула и

перевела разговор на другое – Сара опять болтала на кухне о том, что вечером видела привидение в «Зале герцогини».

Бетси благодарно подхватила новую тему, ей приятно было не говорить хоть полчаса ни о Джоне Харте, ни о Теобальде Уорренби.

Глава 19

– Это вы? – Бет, читавшая в кресле у камина, удивленно подняла голову и тотчас поднялась на ноги. – Что вам угодно, сэръ?

Вошедший в комнату мужчина задел стоявший у самых дверей столик, отчего ваза с цветами зашаталась и едва не опрокинулась. Этот шум и потревожил мисс Вортекс, заставив отвлечься от чрезвычайно интересного романа.

– О, надеюсь, я не напугал вас, дорогая мисс Вортекс! Ваша дверь была незаперта, должно быть, вы ждали Теобальда. – Годфри Уорренби, в дорогом плаще и небрежно повязанном шелковом шарфе, казалось, только вышел из театра, которого в Кромберри отродясь не было. – Мой брат очень занят, его супруга... плохо себя чувствует, и Тео попросил меня навестить вас и узнать, есть ли у вас все необходимое теперь, когда...

– Как это мило, заботиться о моих удобствах! – девушка улыбнулась смущенно и вместе с тем радостно. – Может быть, вы присядете, а я приготовлю чай?

– Что вы, мисс Вортекс! Присядьте, вам не стоит беспокоиться и утруждать себя! Я сам могу позаботиться о себе. – Мистер Уорренби провел рукой по рыжеватым волосам и оттопырил полную нижнюю губу. – У вас довольно жарко, если позволите, я сниму плащ!

– Конечно, прошу вас! – Бет снова опустилась в кресло и смотрела, как Годфри снимает плащ и разматывает шарф. Он положил плащ на соседнее кресло, а шарф в рассеянности продолжал держать в руках, позабыв о нем.

– Так, значит, у меня скоро появится племянник. – Улыбка стала на мгновение хищной, но тут же вновь расцвела приветливостью и заботой.

– Не так уж скоро, мистер Уорренби. – Девушка опустила взгляд, смущаясь от этих расспросов. – Пройдет еще много месяцев, прежде чем я...

– Я беспокою вас своей болтовней, прошу простить меня. – Годфри, похоже, не собирался садиться. – Но вы должны понять, этого события мой брат ждет уже более двадцати лет, его волнение передается и мне. В нашем доме так давно не слышали милого детского лепета...

– Да-да, я знаю, ваш брат говорил мне, как бы ему хотелось стать отцом...

Скулы мужчины напряглись, но тон оставался любезным.

– Надеюсь, вскоре его мечта сбудется. – Младший Уорренби огляделся

по сторонам, небрежно поглаживая мягкую ткань шарфа. – Так чего бы вы хотели, мисс Вортекс? У вас достаточно вкусной и питательной еды? Надеюсь, вас осматривал врач? Я бы хотел, чтобы все прошло благополучно...

– Доктор Макферсон сказал мне два дня назад, что беспокоиться решительно не о чем. – Девушка опустила голову едва ли не к самым коленям – мыслимо ли разговаривать с посторонним джентльменом о таких вещах!

– Я рад это слышать, милая моя мисс Вортекс! Очень, очень рад! Поверьте, вы всегда можете рассчитывать не только на помощь моего брата, но и на мое участие!

Годфри слегка прошелся по комнате, оглядывая обстановку. Бет чуть приподняла голову и наблюдала за ним, не глядя в глаза.

– У вас здесь очень мило, вижу, братец позаботился, чтобы ваше гнездышко было уютным, – заметил Уорренби, подходя к небольшому шкафчику с книгами, стоявшему почти за спиной у Бет, возле двери в коридор, ведущий к спальне и крошечной кухне. Поигрывая шарфом, Годфри в неярком свете лампы попытался рассмотреть надписи на переплетах.

Бет было неудобно смотреть на него, она попыталась вывернуть шею, чтобы видеть своего гостя, но тут же поморщилась и откинулась затылком на вышитую салфетку, украшавшую спинку кресла.

– Мистер Уорренби очень добр ко мне, он знает, что я люблю красивые вещи, но прежде не могла их себе позволить, – сообщила она.

– Тео – щедрый человек, а у вас, как я вижу, отменный вкус. – Ладонь мужчины легла на спинку кресла недалеко от головы девушки и слегка нажала. – Какая замечательная ткань, мебель в нашей гостиной выглядит почти так же, вот этот узор повторяется.

Пальцы чуть сдвинулись, указывая на бледно-сиреневый цветок, и Бетси пришлось повернуться, чтобы посмотреть.

Она еще не закончила движение, как узкая полоска мягкой шелковой ткани, ставшая мгновенно острым лезвием, сдавила горло, а жесткая ладонь надавила на затылок, заставляя прижать подбородок к шее. Дыхание перехватило, и Бет подумала: «Так вот как все было с Дженни Морвейн, он точно так же зашел сзади...»

Сквозь охватывающую ее панику и розоватое сияние перед глазами Бетси вспомнились слова судьи Хоуксли: «Не пытайтесь сопротивляться, если окажетесь застигнуты врасплох. Поднимайте шум, и вас услышат!»

Ее пальцы все еще сжимали книгу, и Бет из последних сил запустила

ее в сторону двери. Звук падения должен быть слышен полицейским, иначе она погибла!

Грохот разбившейся вазы, которую до этого чуть не уронил Уорренби, показался ей лишь глуховатым шумом, заглушаемым звоном в голове. Было больно, невыносимо больно... Почему она не может кричать?

Звук еще одного удара, на этот раз за спиной, показался ей едва слышным. Но рука, давящая на затылок, исчезла. Еще один удар, вскрик, и шелковая лента вялой змеей сползла ей на грудь.

– Мисс Вортекс! Дышите, дышите! – Другой голос, резкий, спасительный голос!

И тут же:

– Годфри Уорренби, вы арестованы за покушение на убийство мисс Вортекс!

– А также за убийства мисс Грин и мисс Морвейн! – еще один голос, тоже знакомый, но у Бет слишком болит голова, чтоб она могла вспомнить, кто же это.

Придушенные проклятия и звуки борьбы за ее креслом она уже не услышала, лишившись чувств.

– Ну же, очнитесь, мисс! – Кто-то слегка тормозит ее, резкий запах нюхательных солей напоминает о богадельне. – Вот так, она приходит в себя!

Бет открыла глаза и тут же скривилась от света, показавшегося ей слишком ярким. Она лежала на кровати в спальне, рядом на стуле устроился тучный доктор Макферсон, а за его спиной высились фигуры судьи Хоуксли и главного констебля Грейтона.

– Что вы чувствуете, храбрая моя девочка? – Судья сделал шаг вперед, как только заметил, что Бет открыла глаза.

– Все болит, – честно призналась она. – И хочется пить.

Доктор тотчас подал ей стакан с водой и придерживал голову, пока она пила, болезненно вздрагивая при каждом глотке.

– Вы уверены, что мисс Вортекс больше не потребует врачебная помощь? – требовательно спросил Грейтон.

– Совершенно уверен, сэр. Синяки на шее пройдут через несколько дней, других повреждений, к счастью, нет. – Доктор Макферсон смотрел на Грейтона с нескрываемым любопытством.

– Что ж, тогда вы можете идти домой, констебль проводит вас, – тон Грейтона походил на приказ, и доктор повиновался ему с нескрываемым разочарованием на лице.

– Теперь-то уж о случившемся узнает весь город! – пробурчал главный констебль и приблизился к кровати. – Простите, мисс Вортекс! Мы следили за ним от самого дома, мой человек на резвой лошади опередил его, и я сам спрятался у вас в чулане, желая схватить негодяя собственными руками!

– Почему же тогда... – Бет не договорила.

– Мы слышали ваш разговор, но не могли разобрать слов, кто же мог подумать, что он постарается убить вас так быстро и бесшумно! – Грейтон покаянно наклонил голову и развел руками.

Судья Хоуксли присел на стул у постели и взял Бетси за руку.

– Грейтон и я очень виноваты перед вами, дитя мое. Помедли полиция еще несколько мгновений, вы бы погибли. Уорренби, конечно, был бы схвачен, но вас уже не смог бы вернуть ни один доктор! Как хорошо, что вы догадались бросить книгу и разбить вазу! В вашем положении! Удивительная твердость духа, ей позавидует любой мужчина!

– Я попала в вазу случайно, – слабо улыбнулась девушка. – А откуда взялся доктор Макферсон?

– Когда вы лишились чувств, один из полицейских побежал в приют, там ведь есть сиделки, кто-нибудь смог бы помочь вам, – пояснил Грейтон. – В богадельне оказался сам доктор Макферсон, несмотря на позднее время, его вызвали к экономке. У нее какие-то колики или приступ, я был слишком взволнован вашим состоянием, чтобы прислушиваться к болтовне доктора. Увы, на пороге домика он столкнулся с Годфри, которого выводили полицейские, так что, я думаю, уже завтра Кромберри потонет в слухах и домыслах. Как бы мы ни хотели скрыть некоторые события, семейство Уорренби ждет скандал.

Бет слишком устала, чтобы жалеть Теобальда и его супругу. А уж мысли о том, что ей придется выступать в суде и рассказывать о том, что произошло сегодня вечером, и вовсе не появлялись в ее голове до тех пор, пока судья Хоуксли не появился в «Охотниках и свинье», чтобы выпить чаю с миссис Дримлейн. Похоже, это входило у него в привычку.

– Миссис Дримлейн пока не может принять вас, сэр, – смущенно сказала Кэтрин, поднявшись из-за конторки. Бет, с замотанным мягким платком горлом, стояла тут же. – К ней приехал ее сын, думаю, им нужно многое обсудить.

– Без сомнения! – согласился Хоуксли, лицо его просветлело. – Что ж, тогда я скажу вам, что Годфри Уорренби не сознается в своих преступлениях, но его брат, узнавший всю правду, вспоминает множество мелких подробностей, свидетельствующих против Годфри. Пропавшие письма, лакей Годфри, пойманный, когда рылся в одежде Теобальда, но

самое главное, Теобальд помнит, что не нашел брата в бальной зале после того, как объяснился с мисс Морвейн.

– Дженни и в самом деле встречалась с ним? – Кэтрин в этом почти не сомневалась и все же была разочарована.

– По словам Тео, он обещал вашей подруге, что разведется со своей женой и женится на ней. Конечно, он не собирался держать свое слово, но мисс Морвейн верила ему и мечтала, что ее ребенок родится законным, – судья не скрывал, что старший брат Уорренби вызывает у него отвращение не меньшее, чем младший. – По словам Тео, мисс Морвейн прислала ему записку, в которой обещала сообщить нечто очень, очень важное. Он сразу догадался, в чем дело, и предложил ей встретиться около полуночи в «Зале фей», уверенный, что во время бала там никого не будет. Должно быть, его брат пришел туда раньше его и прятался за портьерами, пока Теобальд разговаривал с мисс Морвейн. Он был счастлив услышать ее новость и вскоре ушел, пообещав позаботиться о разводе. Тогда Годфри выбрался из своего укрытия и задушил бедняжку так же, как хотел задушить вас.

Бетси передернуло, Теобальд казался ей омерзительным так же, как и судье Хоуксли.

– Неужели он не заподозрил брата? И спустя всего лишь месяц после смерти мисс Морвейн решил завести новый роман?

– И на тот, и на другой вопрос я не получил ответа, – печально сказал судья. – Я полагаю, его можно считать повинным в гибели бедных девушек, но судить его за это нельзя. Лучшее, что вы сможете сделать, мисс Вортекс, это забыть о нем. Ваша жизнь теперь должна быть спокойной, и надеюсь, она будет также и счастливой.

Бет отрицательно покачала головой, печаль смягчила ее острые скулы, но она промолчала.

Судья поговорил с девушками еще несколько минут, рассказав понятным им языком о судебных процедурах, которые будут происходить в ближайшем будущем, и откланялся.

– Выходит, в комнату мистера Тауба все же проскользнул Годфри? – Пока Бет поправлялась, Кэтрин нарисовала портрет Годфри, как она его помнила, и Грейтон с судьей сравнили изображение с тем, что сделала мисс Хаддон для поисков Тауба. Без сомнения, глаза были те же самые.

– Куда же тогда делся мистер Тауб?

– Должно быть, он уехал раньше и оставил дверь незапертой, мы уже думали об этом, – отозвалась Кэтрин. – Пока я поднималась по лестнице, убийца, должно быть, проверял все двери поочередно, ища, куда бы скрыться, и добрался до дверей Тауба. Или же он собирался спрятаться на

лестнице в мансарду, но заметил приоткрытую дверь... Вряд ли мы об этом узнаем.

– Тут ты права, – согласилась Бет. – Как бы мне хотелось, чтобы мистер Ричард и его мать простили друг друга и зажили дружно и счастливо!

– Мне тоже хотелось бы этого, но миссис Дримлейн сказала, что не покинет «Охотников и свинью» в любом случае. Она будет навещать сына и внуков, но не хочет возвращаться в дом, где живут такие тягостные воспоминания.

– Что ж, без нее гостиница будет уже не той, что прежде, все так привыкли к этой даме...

Бетси не договорила – в холле опять распахнулась дверь, впустив мистера Джона Харта.

По его лицу Кэти сразу догадалась, что и до него добрались слухи о покушении на мисс Вортекс, которые наводнили весь город при помощи доктора Макферсона и, что уж скрывать, жен одного или двух констеблей, занятых в этом деле.

– Мисс Вортекс! Я только что узнал... – растрепанный, без своего скучного плаща, Джон выглядел моложе и куда менее суровым. – Вы здоровы?

Прежде чем услышать ответ Бетси, Кэтрин вежливо кивнула и тихонько направилась в кабинет дядюшки Томаса – ей срочно надо было посоветоваться с ним, куда повесить пейзажи, которые она собиралась нарисовать солнечными апрельскими днями.

Ни Джон, ни Бетси не заметили, как она исчезла, их ждал самый важный разговор в жизни. Как он закончился, миссис Лофтли рассказала мужу за ужином:

– Кто бы мог подумать, дорогой мой! Я так и остолбенела, стоя на пороге, когда увидела, как они целуются! Не заботясь о приличиях! Джон, конечно, тут же сказал, что они помолвлены, а мисс Вортекс так мило покраснела, но я была удивлена, очень, очень удивлена! И это после истории с мистером Годфри Уорренби! Как жаль, что Кэтрин ничего не рассказывает! Судья Хоуксли запретил, но уж нам-то можно было сказать, мы ведь не чужие!

– Что ж, теперь мисс Вортекс не нужно будет работать у нас, – невпопад отозвался мистер Лофтли. – У Джона Харта достаточно денег, чтобы содержать семью, и тяжелый кулак, чтобы привести в чувство ее папашу!

Вот и все, казалось бы, можно ставить точку в этой истории. Но одна загадка так и осталась загадкой, а в порядочной истории такого быть не должно. Уж если не все герои поженились между собой, по крайней мере, тайны-то должны быть раскрыты!

Итак, в июне, вскоре после свадьбы Бет и Джона Харта, миссис Лофтли вбежала в «Зал фей», где Кэтрин показывала миссис Дримлейн законченный, наконец, портрет Дженни Морвейн.

– Подумать только, мистер Тауб нашелся! Вернее, тот, кто выдавал себя за него! – закричала тетушка Мэриан с порога. – Сам судья Хоуксли рассказал мне, я встретила его полчаса назад возле школы.

– Как любопытно! – Миссис Дримлейн, в легком новом платье, с мягкой улыбкой смотрела на хозяйку гостиницы. – Вы расскажете нам?

Кэтрин уже вскочила, чтобы ее тетушка могла сесть в кресло и спокойно рассказать, о чем поведал ей судья.

– Так вот, мистера Тауба узнал какой-то офицер из полка, где он служил! Оказывается, Тауб, но зовут его, конечно, не так, должен был расквартировать солдат на зиму в тридцати милях от Кромберри. Ему дали на это деньги и лошадей, чтобы перевозить все, что им там нужно, но он много проиграл в карты и решил сбежать, прихватив эти деньги! По пути он задержался в Кромберри и встретил миссис Грин, между ними тотчас возникло чувство! Ну, во всяком случае, у нее, а он, должно быть, сразу сообразил, что она – одинокая вдова, с магазином и без наследников.

Кэтрин и миссис Дримлейн слушали, удивленные, но не потрясенные. После событий прошлой весны их мало чем можно было удивить. И все же загадку мистера Тауба они нередко обсуждали за вечерним чаем.

– Он придумал притвориться стариком, чтобы его не узнали, и наведывался в Кромберри до тех пор, пока миссис Грин не согласилась продать лавку и дом и уехать с ним, чтобы начать все заново где-нибудь, где их никто не знает. И так бы они и жили, если б тот офицер случайно не приехал к своей сестре в их городок и не встретил его! Он тотчас пошел в полицию, и мистера Тауба схватили. Он оказался слаб натурой и во всем признался. Они с миссис Грин не поженились, и ей удастся сохранить деньги, которые у нее еще остались после того, как они пожили почти полгода на широкую ногу, но мне так жаль ее, бедняжку! После несчастья с дочерью еще и эта беда!

Собеседницы поахали, как положено, и миссис Лофтли побежала рассказывать эту невероятную новость своему супругу и тем из постояльцев, кто захотел бы ее слушать.

Кэтрин посмотрела на свою старшую подругу:

– Как жаль, что на свете столько негодяев! У себя дома, в Стоунфолле, я думала, что они встречаются куда реже. А здесь... И как их узнать, чтобы заранее обезопасить себя от их козней?

– Не думай об этом слишком часто, малиновка, – улыбнулась старушка. – Даже я, в мои годы, не научилась так хорошо разбираться в людях, чтобы почувствовать негодяя и убийцу, хотя и сталкивалась с ними много лет лицом к лицу. Со временем ты начнешь что-то понимать, а что-то будет еще долго оставаться сокрытым, но об этом ты побеспокоишься, когда придет пора. Пока же давай вместе сходим к Морвейнам и отнесем им этот чудесный портрет. Твоя Дженни на нем выглядит настоящей красавицей и такой счастливой...

Испуганный женский крик прервал ее речь. Кэтрин тревожно обернулась на дверь, но миссис Дримлейн только улыбнулась:

– Похоже, кто-то все же встретился с призраком мисс Морвейн. Идем, посмотрим?

notes

1

Уильям Хогарт – английский художник, иллюстратор, автор сатирических гравюр, открыватель новых жанров в живописи и графике.